
Cres
Cat Sci
entia
Vita
Exco-
latur

ЛЮЦИАН КЛИМОВИЧ

СОДЕРЖАНИЕ КОРАНА

كلام شريف

АТЕИСТ

Религия—дурман для народа.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ-СБОРНИК НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

„АТЕИСТ"

ЕГО ОТДЕЛЫ:

1) **Религиозно-исторический и культурно-исторический**—статьи по вопросам истории религии и культуры как в нашем, т.-е. **материалистическом**, освещении, так и в освещении идеологически чуждых нам, но дающих обширный **фактический** материал, исследователей, **особенно иностранных,** поскольку этот материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма.

2) **Церковь и государство.** Отдел посвящен разоблачению контр-революционной и шантажной деятельности церковников какого бы то ни было культа.

3) **История атеизма.**

4) **Хроника** антирелигиозного движения у нас и за рубежом.

5) **Библиографический**—сведения и отзывы о книгах и статьях в области религии и ее критики, выходящих у нас и за рубежом.

Редакционный Совет: *И. Вороницын, Е. Грекулов, проф. В. Т. Дитякин, проф. С. А. Каменев, проф. Н. П. Каменьщиков, проф. С. Г. Лозинский, проф. В. К. Никольский, Н. Румянцев, И. Шпицберг* (отв. редактор).

ПОДПИСКА С ПЕРЕСЫЛКОЙ ПО ПОЧТЕ:

На 1930 год на 12 месяцев	7 р. — к.
„ „ „ „ 6 „	4 „ — „
Отдельный номер	— „ 75 „
Журнал „АТЕИСТ" за 1925—26 г.г. распродан.	
Комплект журнала за 1927 г. (№№ 15—22)	5 „ — „
„ 1928 г. (№№ 23—35)	7 „ — „
„ 1929 г. (№№ 36—48)	7 „ — „

Москва, 1. Гранатный пер., дом 1.

Издательство „АТЕИСТ". **Тел. 4-53-12.**

Религия—дурман для народа.

ЛЮЦИАН КЛИМОВИЧ

Liutsian Klimovich

Soderzhania Korana

СОДЕРЖАНИЕ КОРАНА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. В. ДИТЯКИНА

(ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ)

СОДЕРЖАНИЕ

Мособлит 666. Тираж 10.000. Заказ № 120. Рязгостип.

Предисловие ко второму изданию

Ислам—одна из крупнейших религиозных систем мира, по численности своих последователей уступает лишь буддизму и христианству. Не менее 240 миллионов человек в настоящее время исповедуют ее, и число их едва ли убывает. Правда, ислам, как религиозная система, не представляет цельности, ислама, как такового, как некоей единой системы, нет; в первое же столетие своей „жизни" он раскололся, распался на ряд направлений, которые, в свою очередь, распадаясь далее, образовали к настоящему времени более десятка разнообразных сект и толков. Главнейшие из них, это—сунниты, шииты, ваххабиты, хариджиты, исмаилиты и т. д.

Расходясь между собою в ряде догматических вопросов, все же все эти направления имеют общие основные положения: именно все они выняньчены и выведены „в свет" особым сложным экономическим строем, в котором **торговый капитал** играл все более руководящую роль и имущественные интересы которого они и проводят. Последнее мы можем ярко видеть на роли ислама в истории тех государств, в которых он был или государственной религией, или одним из наиболее распространенных культов.

Развивавшийся и в течение веков являвшийся государственной религией халифата,—ислам во многом сохранил ту политическую силу, которую он имел в период своего образования. Коран, выработанные затем шариатские установления и в общем весь фыкх—мусульманская юриспруденция,—лучшее подтверждение этому. Ибо как то, так и другое, являясь основой ислама, как религии, вместе с тем, являлось и руководящими принципами халифата, как государственной организации. Это **единство государственных и религиозных „основ"**, теократизм теории и практики халифатского правления, представляя из себя прочную в свое время организацию, в глазах многих являлся своеобразной высшей формой государственности, до которой, по их мнению, способно дойти человечество. Так, жившему в XI веке, „величайшему из мусульманских ученых", Бируни **союз** между государством и религией представлялся „высшей ступенью развития человеческого общества, осуществлением всего, к чему только могут стремиться люди". Пророку Мухаммеду, во времена которого о султанах никто, конечно, не мог и предполагать, был приписан хадис: **„Султан есть тень бога на земле"**.

Не только эти позднейшие изречения, продиктованные волей халифов, являются иллюстрацией **служебной** роли ислама, но и сам коран, как это показано в нижеследующей работе Л. И. Климовича, в значительной его части создан для этого. Насколько эта идея жива, видно из того, что, если, правда, халифат с султаном пали, то все же и **сейчас** в ряде государств ислам—господствующая государственная религия. Стоит взглянуть на конституции ряда восточных стран—Персии, Египта, Турции, Афганистана,—чтобы видеть еще и до сих пор реальное значение ислама в их государственных аппаратах; всякое нововведение и то не обходится без традиционной формулы: „Во

имя милосердного, всепрощающего" (см., напр., Шахский фирман, закон о создании Национального Собрания (Меджилиса), от 14 Джемади-уль-Ахар, 1324 (1906 года).

При подобной роли ислама и, вместе с тем, при большом значении различных религиозных обрядностей, вполне понятно образование сильной **жреческой** организации. Духовенство ислама, будучи тесно связано с государственным управлением, собственно, и являлось связующим звеном массы верующих и государственного аппарата, оно было орудием, при помощи которого государство проводило все свои постановления в жизнь, и орудием очень сильным. Эта роль его, в свою очередь, обеспечивала ему почетные правительственные места. С ним, как мы видим, до последних дней принуждены считаться: выступление духовенства Персии в 1927—28 г. и последующие уступки правительства—яркие тому свидетели.

У нас, в СССР, роль мусульманского духовенства все еще достаточно велика: 20 миллионов мусульман, населяющих Союз ССР (особенно Среднюю Азию и Кавказ с Азербайджаном), вследствие большой замкнутости своей жизни, вызванной великодержавной политикой царистского угнетения, содержат не малую армию мулл, ишанов, дервишей и т. п. представителей мусульманского духовенства. Работа его явно **реакционна**, как реакционен и весь дух ислама. Об этом говорит ряд фактов последнего времени, которые достаточно только перечислить:

1) участие мулл в деятельности интервентов во время гражданской войны;

2) участие мусульманского духовенства в басмаческих (бело-бандитских) отрядах, ведших разрушительные набеги на наших национальных окраинах и ликвидированных лишь в последнее время; поддержка своим, немалым еще, авторитетом кулацких выступлений;

3) борьба против освободительного движения женщины-мусульманки;

4) борьба против отделения церкви от школы; незаконное преподавание религии;

5) борьба против советской системы суда—за казийские шариатские суды. Борьба за адаты,—местное обычное право;

6) борьба за вакуфы—церковные, мечетские недвижимые имущества, которых мечети имели большое количество: магазины, лабазы, поместья и др.—против их национализации;

7) борьба за землю—против ее национализации;

8) организация различных групп под религиозной оболочкой с целью отвлечения масс, особенно молодежи, от социалистического строительства (секты—бабидство; джадидизм, как течение националистическо-буржуазное);

9) **противопоставление учения ислама коммунизму**, получившее сильное развитие за последнее время. Муллами обычно указывается, что идея коммунизма давно высказана в коране и имела свое осуществление при праведных халифах; теперь же она, де, неправильно, извращенно проводится советской властью, большевиками; эта мысль таит в себе большую **опасность**, ибо за последнее время мы видим ее проникновение, „популярность" не только в среде духовенства (см. журн. „Фэн-эм-Дин" о Нагуманове эфенди и К°), но и среди некоторых слоев молодежи. Поэтому безусловно своевременным будет освещение коранического содержания, с выявлением, вскрытием его классового лица;

10) **панисламизм**, как движение, подменяющее лозунг—„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" лозунгом„—Правоверные муслимы всех

стран, соединяйтесь!", то-есть, лозунгом сохранения господства эксплоататоров над темной, обманутой националистическо-религиозной массой;

11) **пантюркизм**, представляющий собою равнение по буржуазным странам, создание мощного национального **буржуазного** всетюркского государства;

12) **борьба за арабский шрифт**,—против латинизации. Старый шрифт—язык корана.

Уже этот один длинный и, конечно, еще неполный перечень пунктов громадной, вредительской, тормозящей наше строительство, работы мусульманского духовенства **и его союзников**, вернее, даже господ—купца, помещика и кулака, создающих единый антипролетарский фронт, должен привлечь громадное внимание наших антирелигиозников. Трудно расшатать корни идеологического влияния мулл и их господ без хорошего, тщательного изучения истории ислама и его системы и, в первую очередь, его „святая святых"—корана. Из корана растет мусульманский идеал государственности, им она питается и его она и сама питает. Церковь и государство господ в их постоянном тесном союзе все время находят для себя основание в этой „святой книге". Пусть последнее время буржуазное национальное движение призывает к реформе ислама, очищению его от мешающих буржуазии остатков, приданию ему нового соответствующего эпохе облика, согласованию его с данными науки и даже приближению к интересам низших классов,—все равно все эти реформаторские попытки в сущности сводятся только к несколько подновленной обработке старого корана. И выступать в поход против ислама, как религии с очень богатым политическим содержанием, нужно, **зная** коран.

Дать **первое знакомство** с кораном в **основных** его положениях, вооружить антирелигиозника систематическим изложением **основных** идей корана—и является задачей этой книги. Она не лишена недостатков, их сможет указать внимательная товарищеская критика; коечто в этой книге спорно, некоторые вопросы заслуживали бы более полного освещения, но ведь это **первая попытка** изложения корана с раскрытием его внутренних противоречий.

Редакция „Атеиста" надеется, что и в таком виде эта книга все же принесет пользу; дальнейшая же работа в этой области поможет придать ей более совершенный вид.

Призыв редакции к товарищеской критике книги т. Климовича не остался безрезультатным: первое издание ее вызвало ряд рецензий, авторы которых дали несколько ценных указаний, с благодарностью использованных в настоящем, частично переработанном издании. Но среди рецензий имеется одна, мимо которой вследствие ее совершенной безответственности и резкому нарушению элементарных правил здоровой критики пройти нельзя,—это рецензия М. Сагидуллина в журнале „Просвещение и Жизнь", 1929 г., № 2. Автор ее обвиняет редакцию и автора настоящей книги во всех семи смертных грехах, он начинает с приписывания им нигде не высказанных ими мыслей, размашисто обвиняет книгу в пропуске одних и чуть ли не намеренном игнорировании других важных вопросов содержания корана, пересыпая свое изложение то нравоучительными поучениями, то резко осудительными сентенциями. Так, противореча сам себе, он говорит, „что массовик может вести антирелигиозную работу и не зная корана", и вместе с тем приветствует издание настоящей книги. Всячески стремясь умалить значение книги, рецензент (М. Сагидуллин) убедительно показал, что он попросту **не читал** ее и, пожалуй, не только не читал текста, но не просмотрел внима-

тельно даже ее Оглавления. Так, он обвиняет т. Климовича в том, что тот „принимает на веру (что!?) не только Саблукова, но и Остроумова“, и не замечает или, может быть, вернее, замалчивает всю большую критическую работу, проделанную автором. Еще ярче этот метод рецензирования не читая книги виден из фразы рецензента: „за пределами изложения остались такие основные вопросы, как вопрос о частной собственности, отношение корана к рабству, к социальному неравенству“; бесполезно приводить в опровержение этой громкой фразы указания на десятки страниц книги, трактующих **именно** об этих вопросах. Развязность, бесцеремонность, легкомыслие и невежество М. Сагидуллина приводят его к отождествлению корана с исламом; так, он упрекает Климовича в игнорировании им хадисов, забывая, что книга называется „Содержание корана“, а не „Основные идеи ислама“, ведь с таким же основанием он мог бы потребовать в этой же книге и изложение всего фыкха, всей истории ислама и многое другое. Лицо рецензента видно в его защите джадидизма (названного мною в ряду глубоко реакционных явлений ислама и работы мус. духовенства), который, дескать, „был в свое время движением **вполне прогрессивным** “ (!!), „историческая об'ективность“, на которую здесь ссылается рецензент, показывает совсем не то, что ему хочется, она показывает только еще раз его метод чтения книги—в книге написано „у нас в СССР... роль его (джадидизма) явно реакционна“, так же, как и роль панисламизма и пантюркизма; поэтому, разумеется, просто смешно читать и спорить о том, что „в свое время“ было прогрессивным; ведь с таким „понятием“ о прогрессе можно дойти до защиты пантюркизма и т. п. Что рецензия явно рассчитана на то, что книгу читать не будут, видно и из неправильного обвинения автора книги и редакции в „упускании из виду“ приспособленческого движения среди мусульманского духовенства, о котором сказано в действительности и в предисловии, и в тексте книги (стр. 4—5 и 6—7). Лишь два замечания рецензента заслуживают внимания, это, во-первых, указание на возможность ошибок в изучении корана не в оригинале, а по переводам его и пользовании работами миссионеров, но и здесь осудительные громкие фразы критика („это значит ошибиться на каждом шагу“), как видно, владеющего арабским языком и могущего поэтому сделать ценные указания по существу, свелись впустую, так как на **несколько сот** взятых Климовичем цитат из корана критик нашел только **одну** ошибку („хатям“—„заключение“, а не „печать“ пророков), и то ничего не меняющую, а написал критик целых 6 убористых столбцов. Второе указание относится к необходимости изучать не столько коран, сколько современный народный комплекс идей ислама, но это совсем другая тема. В итоге рецензент все же считает, что книга эта полезна, что „и в таком виде она будет использована“ и что ее следует повторить и на татарском языке,—вывод, после стольких осуждений совершенно неожиданный.

Мы остановились на этой, крайне безответственной рецензии только потому, что, как видно из нее, в нашем новом большом деле еще далеко не изжито наездничество и заушение, развязность и спекуляция на читателе, о пользе которых говорить, разумеется, не приходится.

Выпуская новое издание этой книги, редакция снова ждет **деловой** и товарищеской критики и указаний, которые помогут вести наше общее дело дальше.

ОТ АВТОРА

(ко второму изданию)

Коран—священная книга мусульман, как населяющих наш Союз ССР, так и находящихся за его рубежом,—мало известен.

Это могут принять за парадокс. Но, это—так.

Коран неизвестен и при этом не только обывателю, „вообще“ мыслящему человеку, но и большинству занимающихся историей литературы, „вообще“ изучением идеологий и даже религий. Этот памятник первой половины VII века после т. н. р. х., являющийся не только „святыней“, но и имущественным, брачным и т. д. кодексом, „судебником“ почти одной шестой части жителей земли, до сих пор, в буквальном смысле слова, для остальных пяти шестых человечества является „книгой за семью печатями“.

Последнее особенно чувствуется у нас, в СССР. Ибо, если в старой царской России и были издания, ознакомлявшие с кораном, то они были достоянием лишь немногих. Более распространенные миссионерские издания, преследовавшие цели великодержавной политики угнетения национальных меньшинств, конечно, за ничтожными исключениями, не могли явиться литературой, дававшей действительное освещение вопроса. В после-октябрьской же литературе, за исключением нескольких журнальных статей и двух-трех тощих брошюр (на русском языке), мы ничего не имели. Последнее вполне понятно. Пролетариат, ставший создателем новой, после-октябрьской литературы, не имел еще времени для разрешения этого вопроса.

Лишь теперь вопросы ислама находят все больше и больше места. Ряд наших научных и общественных учреждений ставит разрешение данных вопросов на повестку текущего дня.

Пробуждение этого внимания, безусловно, отчасти связано с целым рядом исключительных по своей важности событий, с недавнего времени приковывающих все более и более внимание всего мира к Востоку вообще и, в частности, к мусульманскому. Наблюдавшееся и кое-где наблюдаемое и теперь оживление деятельности мусульманского духовенства на перифирии нашего СССР особо остро ставит перед нами, антирелигиозниками, вопрос знания своего противника и на этом, восточном фронте. Ибо, ведь, нечего греха таить, мы до сих пор мало обращали внимания на этот крупнейший участок нашего фронта, сосредоточив его главным образом на христианстве. Нередки, подчас основательные, упреки в том, что, де, антирелигиозная пропаганда направлена только против христианства. Пользуясь отчасти этим, противник, в частности сейчас так наз. „левое“ реформистское крыло мусульманского духовенства, повело курс на „солидарность“ с Советами. Почти „массовым“ явлением стала пропаганда той абсолютно неверной, не соответствующей действительности, идеи, что будто бы „основа основ“ ислама—коран в своем учении тождественен с коммунизмом, с учением Маркса, Энгельса, Ленина. Ставя вопрос так, мусульманское духовенство явно берет ставку на молодежь, среди которой, пользуясь постановлением ВЦИК РСФСР от 7 июня 1924 года, разрешающим (с рядом ограничений) устройство религиозных школ при мечетях, оно в большинстве случаев и развивает эти идеи.

Многочисленные отклики и отзывы прессы (12 рецензий) подтвердили правильность вышеприведенного, написанного мною в „Введении“ к 1-му изданию „Содержания корана“. Товарищи с мест даже конкретизировали это обобщенное наблюдение. Так, тов. Х. Г. Бахтияров, рецензировавший „Содержание корана“ в журнале „Туркменоведение“ (№ 4, апрель 1929 г., Ашхабад), отметил, что „содержание корана неизвестно также и нашему обществу „Худай-Сызляр“, члены которого ставят своей целью антирелигиозную пропаганду среди коренного населения (несмотря на то, что значительная часть членов этого общества состояла в прошлом в числе „правоверных“ (стр. 38).

Эти же отзывы прессы, указав автору на ряд его упущений, вместе с тем подтвердили его основное опасение: „Содержание корана“ без исторического введения может оказаться непонятным. В последнем нет ровно ничего удивительного, особенно, если учесть тот факт, что в области исламоведения „переоценка ценностей“ только начинается. „Вообще,—пишет академик В. В. Бартольд,—несмотря на существование обширной литературы о первых десятилетиях жизни мусульманской общины, почти все вопросы, относящиеся к истории этого периода, нуждаются в новом рассмотрении“. [1])

Мнение, что „ислам—единственная религия, основы которой вполне ясны и вполне подтверждаются историей“, как писал в свое время Эрнест Ренан,—теперь звучит дико, оно давно похоронено. „Кристальная чистота“ исторического образа Мухаммеда, этого „основателя“ ислама, давно потускнела. Еще в октябрьском номере лондонского журнала „The Moslem World“ за 1914 г., Мак Нейль, в статье „The development of Mohammeds personality“, подводящей итоги известным работам итальянца Леоне Каэтани, писал, что жизнь Мухаммеда это—издание такой коллективной работы, в которую вложены неутомимые труды многих поколений. „Подлинный“ же, „первобытный“ Мухаммед исчез из истории, ибо имеющиеся в наших руках предания изображают Мухаммеда более поздних времен, так сказать Мухаммеда пересмотренного, исправленного и совершенно искаженного сравнительно с действительным его „первообразом“.

Почему так? Что привело к столь категорическим выводам исследователей первоначального ислама, еще лишь несколько десятков лет тому назад нарисовавших, в лице особенно А. Шпренгера (см. его „Das Leben und die Lehre des Mohammad“, Berlin, 1861—1865 г.г.), как будто законченный образ Мухаммеда, „установивших“ даже, что последний, „вероятнее всего“, болел histeria muscularis?! [2]).

Дело в том, что исследование тех источников, на основании которых строили свои труды вышеназванные исследователи, приводит современное исламоведение к выводу, что авторы этих „источников“ знали о Мухаммеде едва ли больше, чем мы в настоящее время. В руках сочинителей этих „источников“, т. е. преданий, будто-бы идущих от „основателя“ ислама и его непосредственных сподвижников, был тот-же коран, что и у нас, и едва ли толкования его, которые они производили, имели под собой какие либо исторические, нам теперь неизвестные, данные. Отсюда ясно следует, что история первоначаль-

---

[1]) В. В. Бартольд,—„Мусейлима“, Изв. Ак. Наук СССР, 1925 г., стр. 486.

[2]) Кстати, несвоевременные „последователи“ этого уровня „знаний“ о Мухаммеде и исламе встречаются и в наши дни. Например, Нигомет Хаким в 1926 г. выпустил в Казани (ГИЗ ТССР) на татарском языке книжку „Происхождение ислама с историческими картами и рисунками“, где Мухаммед представлен эпилептиком. То же мы найдем и в ст. ст. д-ра Г. В. Сегалина в редактируемом им „Клиническом архиве Гениальности и Одаренности“, т. II, вып. 3, 1926 г. Стр. 177—178; том III, вып. I, стр. 111. 1927 г.

ного ислама, написанная по этим источникам, в большей своей части не исторична; она фантастична, она—произведение досужих перьев богословствующих „отцов“ ислама, а не отражение исторической реальности.

Документ наибольшей исторической достоверности, это—коран, почему особенное значение и приобретает сейчас положение: **об'яснить коран посредством самого корана**, привлекая в дополнение к нему лишь те источники, правильность сведений которых может быть установлена путем перекрестного анализа различных документов. Выполнение этого условия заставляет отмести, как позднейшее, наслоение, различного рода „истории“, на разные лады распеваемые всякими „неисчерпаемыми морями преданий“, как именовали в свое время составлявших „жизнеописания“ Мухаммеда („Сиру“) „отцов“ ислама.

Это великое достижение современного исламоведения не стало еще достоянием масс. Многие еще, подобно английскому историку XVIII века, Гиббону, полагают, „что ислам, в противоположность христианству, до сих пор сохранил свою первоначальную простоту“, и эта „простота“ представляется им вполне ясной. В этом нам пришлось лишний раз убедиться, прочитывая отзывы на „Содержание корана“. Там имеются соболезнования по поводу „упущенного“ мною из виду убийства на одной войне 70 „Кур'ан хафизов, наизусть знавших коран“ (см. рец. М. Сагидуллина в жур. „Просвещение и жизнь“, № 2 за 1929 г., Казань), говорится, что я мешаю (путаю) мекканский и мединский периоды, „хотя они в коране ясно определены“ (рец. Чегтая в жур. „Fən həm Din“ („Наука и религия“), № 14 (77), Москва), и т. д. и т. п. Надеюсь, что ныне, после прочтения следующего за этими строками, полагающим так станет ясно, кто и что „упустил из виду“, кто „путает“ периоды и кто спутал, в органе поповщины или воинствующего безбожия он сотрудничает.

Одна из рецензий, Салима Турханова (журн., „Атирелигиозник“, № 7 за 1929 г., Москва), довольно странным способом хочет умалить значение корана. Она отрицает распространение и значение корана у ряда сект ислама, как, например: „бехаиты, исмаилиты, али-илахи и др.“ Посмотрим, так ли это? Пример—названные исмаилиты. Вот IX глава почитаемой ими книги „Путевой припас странствующих“ Насыр-и-Хосрова. Уже название говорит о многом: „О коране, о доводах (в пользу его) и об истолковании его внутреннего смысла“. Из последнего же мы узнаем: „Итак, когда мы установили, что прочность этого мира зависит от прочности существования человечества, мы отметим, что прочность последнего зависит от корана (заключающего веления высшего божественного закона, регулирующего и направляющего жизнь человечества), потому что каждый человек в мире распоряжается своим достоянием на основании лишь корана или по предписаниям, которые основаны на нем. Если бы не было среди человечества (руководящего) веления всевышнего бога, то люди истребили бы друг друга, и никто не успел бы ни в науке, ни в нравственном совершенствовании, так что человечество сравнялось бы с животными“. И дальше: „... коран есть то, на чем зиждется прочность этого мира. Народы, исповедующие ислам, противоречат в отношении его: одни называют его „словом божиим“, а другие считают его „творением бога“, и (тем не менее) те, и другие правы, не зная самого значения того. Мы об'ясним это здесь.

„Как ни считать коран,—словом ли божиим, или его творением,—но он есть божественное внушение (та,йид), происшедшее из всеобщего разума и при посредничестве всеобщей души достигшее до чи-

стой души посланника—да благословит его и его потомство и да приветствует его!—в виде таких слов, которые ныне записаны в книгу“ [1]).

Думаем, приведенного вполне достаточно для выявления всей необоснованности замечания С Турханова. Это же можно показать и в отношении к али-илахи. Вопрос же о бехаизме стоит в стороне уже по одному тому, что бехаизм—как должно быть ясно нашему рецензенту—утратил ту „специфически—восточную обрядность“, о которой, как об неот‘емлемой стороне ислама, говорил Фр. Энгельс в некрологе о Бруно Бауэре.

Был и ряд других замечаний на „Содержание корана“, по большей части обнаруживших или некоторую неосмотрительность их авторов в вопросах антирелигиозной пропаганды (таковы замечания Чегтая в указ. № жур. „Fən həm Din“, в которых он, напр., говорит о каких то, приведенных мною—стихах корана, которые из-за того, что „употребляются религиозниками в их междуусобной борьбе“, будто бы, „не имеют никакого значения в деле антирелигиозной борьбы“), или довольно ярко выявляли их правые настроения (М. Сагидуллин), кстати, вскоре проявленные ими в более широких масштабах и, естественно, своевременно осужденные соответствуюшими партийными и советскими органами. Были также отзывы, свидетельствовавшие о совершенном нежелании считаться с поставленной автором задачей,—в изложении требовался генезис и т. п. (особенно это относится к рец. Б. Нижника в жур. „Безвiрник“, № 17 за 1929 г., Харьков). Натянуто утверждение, что „аттестация Магомета (вот это, так действительно „прекрасная“ транскрипция арабского имени!—Л. К.), как „печать пророков“, является ошибочной“. Ибо, если бы утверждавший это рецензент, М. Сагидуллин, читал „Содержание корана“ более внимательно, то заметил бы, что при первом употреблении этого „эпитета“ мною в скобках пояснялось, что „печать (последний из. Л. К.) пророков“ (стр. 32). Вообще это выражение корана—„хатяма набийна“—по любезной справке русского арабиста, академика И. Ю. Крачковского, а также и небезызвестного Шайх Аттар Иманаева, хотя и имеет смысл заключения, завершения, последнего, но образно может быть выражено и через „печать пророков“, ибо ведь печать также всегда мыслится как нечто закрепляющее, последнее, заключающее. Исходя из этого, мы и оставили, в некоторых случаях, эту форму перевода хатяма набийна и в этом 2-м издании.

В заключение позволим себе вторично принести глубокую благодарность всем организациям и отдельным лицам, предоставлявшим в наше пользование их научные материалы, источники, пособия и т. д., и особенно благодарить академика И. Ю. Крачковского за целый ряд любезно им сделанных замечаний, которые мы и учли в этом втором исправленном и дополненном издании „Содержания корана“.

---

[1]) Следует подробное толкование приведенного. См. А. А. Семенов,—„Взгляд на коран в восточном исмаилизме“, „Иран“, т. I, 1926 г., стр. 62, 63, 67 и сл.; также А. А. Семенов,—„К догматике памирского исмаилизма“, Ташкент, 1926 г., где представлен перевод XI-й гл. „Лица веры“ Насыр-и-Хосрова, непосредственно посвященной толкованию положения корана—„нет божества, кроме аллаха“, стр. 1—48.

ВВЕДЕНИЕ.

Возникший на почве разложения племенного строя и роста торгового капитала, ислам, знаменовавший собою крупнейший акт „просыпающегося арабского национального чувства“ (Ф. Энгельс), вскоре вышел из пределов своей родины—области Хиджас на аравийском полуострове. Этому благоприятствовали завоевательные войны арабов первой половины VII века хр. эры, проходившие под непосредственным руководством халифата, образованного после „взятия“ Мекки (630 г.) первой мединской общиной мусульман в 632 г. хр. эры.

Успеху завоевательных войн арабов благоприятствовало внутреннее и внешнее состояние смежных с Аравией государств, на которые в первую очередь направились полчища арабов. Два огромных государственных организма—Персия и Византия—лишь ко второй четверти VII века окончили междуусобную, тянувшуюся долгие годы (604—630 г.г.), войну. Оба они, и победительница Византия, и побежденная Персия, были истощены. Долгая война подорвала силы обоих государств. По словам современника, епископа Себеоса,—„царство персидское находилось в то время в упадке“, в Византии же „царь греческий не был уже в состоянии собрать войска“ [1]).

Пограничные с Византией и Персией племена арабов (Гассаниды—у Сирии и Лахмиды—у Евфрата), с давних времен служившие купцам проводниками и барьером, защищавшим империи от набегов кочевников собственно Аравии, перестали должным образом опекаться ослабевшими государствами. Это вызвало их отход от своих былых господ. Они, в большинстве, примкнули к восторжествовавшим к этому времени во внутренней Аравии мусульманам, которым, благодаря прекрасному знанию дорог, мест первоначальных завоеваний арабов, служили в качестве проводников.

На ряду со столь безотрадной картиной внешнего положения Византии и Персии, внутреннее не представляло лучшего.

Император Ираклий, „ревностный христианин“, достойный преемник Константина Великого, огнем и кровью насаждал христианство в подвластных ему областях. Не останавливаясь ни перед какими мерами, некоторым из которых могла бы позавидовать и „священная“ инквизиция, не обращая внимания на протесты туземного населения, путем насилия он вкоренял церковную унию в Сирии и Месопотамии. Память об этих деяниях „помазанника божия“—императора Ираклия, поборника унии, сохранило сирийское церковное предание. Не останавливаясь на этом, Ираклий издает „указ о насильственном крещении иудеев по всей империи“, проводившийся, как следует из сообщений Михаила Сирийца, с необычайною жестокостью.

Эти действия „благочестивого“ императора Ираклия по заслугам оценила церковь. Очевидец этих „святых“ деяний, Максим Исповедник, в письме к будущему иерусалимскому патриарху Софронию писал: „Благословенный и истинный раб господа бога, преславный эпарх, достигший по божественной благодати цели согласно изволению бла-

---

[1]) Себеос, писатель VII века. „История императора Ираклия“, пер. с армянского К. Патканьяна. СПБ, 1862 г., стр. 119 и 118.

гочестивейших царей, вернулся (к нам), блистая благодатию духа святого, и в день святого воскресения христова сделал сразу христианами всех живущих по всей Африке иудеев и самарян, туземцев и пришельцев, числом во много десятков тысяч душ, с женами, детьми и слугами“ [1]).

Такая внутренняя политика в областях Византийской империи, в конечном счете, создавая возмущение огромных масс населения, лишь подрывала ее устои. Повсюду, во всех, особенно же в центральных областях, мы видим массовое брожение, подчас прорывающееся наружу, брожение, направленное против существующего правового порядка.

Дела Персии были не лучше. Десятилетия тянувшаяся война с Византией и постоянные дворцовые неурядицы расшатали трон династии Сассанидов. Население, доведенное до полного разорения неимоверными военными налогами, отказывалось подчиняться государственной власти. Непрерывные человеческие бойни с ужасными людскими потерями привели к тому, что в конце своего правления (628 г.) Хосрой II был вынужден принимать даже женщин в свое войско...

Все эти факты не могли не благоприятствовать завоевательным войнам арабов. Спасавшиеся от „богоугодных“ дел императора Ираклия иудеи, судя по армянским источникам, сами искали помощи у арабов. Помимо „своего законодателя—Мухаммеда, говорит армянский писатель VIII века, Гевонд,—завещавшего мусульманам: „востаньте на царства, подчините их своей власти; нам дано в наслаждение изобилие земли; едите мясо избранников земли и пейте кровь сильных“;—подстрекали их (арабов, мусульман.—Л. К.) также и старейшины иудеев, которые, явившись к ним в лагерь мадиамский, говорили им: „бог обещал Аврааму—дать его потомству в рабство всех жителей земли; и вот мы наследники и сыны патриарха. Но огорчился нами бог за беззаконность наших поступков, и предал нас в рабство. Но вы тоже дети Авраама и сыны патриарха, восстаньте с нами и избавьте нас от подданства царю греческому, и будем царствовать вместе“ [2]). Повидимому, данное сообщение вардапета Гевонда, вкладывавшее в уста Мухаммеда более поздние мысли мусульманского богословия, нашло себе оправдание в последующих событиях. Так, писатель—араб Ал-Белазурий упоминает, что арабский полководец „Абу-Убейда—ибн—Ал-Джаррах заключил с самаритянами урдуннскими и палестинскими, которые служили мусульманам шпионами и проводниками, мир“ [3]). То же подтверждает и Себеос, описывая битву при Джабия в Рабод-Моаба летом 634 года, в которой к арабам присоединились „все остальные сыны Израиля“. Собравшееся смешанное войско требовало от Ираклия предоставить ему, на правах „потомков“ Авраама, обетованную землю, требовало оставить страну „в покое“ [4]),

Совместные действия с коренными жителями завоевываемых областей, а также поддержка, полученная мусульманами со стороны пограничных арабских племен, с первых же шагов перешедших на сторону мусульман, облегчили завоевательные движения последних. Основная масса населения не только не боролась против мусульман, но, наоборот, радовалась их пришествию, как освободителей от ненавистного ига

1) См. Ю. Кулаковский,—„История Византии“, т. III, стр. 146, 349 и 432. Киев 1915 г.

2) Гевонд, „История халифов“, пис. VIII века. Пер. с арм. (К. Патканьяна), СПБ. 1862 г., стр. 1—2. О местах мадианитян—стр. 120.

3) См. Н. А. Медников,—„Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам“. Приложение I—Источники, „Историки“, IV, Ал. Белазурий, стр. 88.

4) Себеос, гл 30, стр. 117.

империй. Так, по словам Иосифа, писателя VII века, „крещеного“ Ираклием иудея, гибель в войне с мусульманами патриарха Сергия, дукса Палестины, „вызвала всеобщую радость иудеев в Кесарии и других городах Палестины“ [1]).

Уже одно это сочувствие населения могло предрешить исход арабских завоеваний. К тому же арабы—завоеватели принимали все меры к укреплению симпатии населения завоевываемых стран к новым правителям. Населению, особенно сельскому, предоставлялась возможность не принимать ислама, лишь выплачивая сравнительно небольшой (харадж) поземельный налог и (джизья) подушную подать.

На фоне изложенного становятся понятными быстрые успехи завоевательных войн арабов, поднятых мощным внутри-аравийским шквалом, в основе которого лежали социальные и экономические факторы. Именно это критическое состояние стран, подвергшихся нападению арабов, а не какой-либо религиозный экстаз (об'яснение до сих пор, к сожалению, популярное), явилось действительной причиной успехов завоевателей, подчинивших себе вскоре „весь мир“, как восклицал очевидец [2]). При этом завоевания не имели и тени „походов во имя распространения ислама“. Нет, это были чисто завоевательные войны, преследовавшие, помимо целей военной добычи, грабежа, также и открытие выхода на международную арену, очутившемуся в стороне от нее в связи с изменением путей торговли Запада с Востоком, торговому капиталу Аравии. Последнее можно ярко выявить, проследив пути завоеваний халифата. Эти военные действия арабов, превратившие ранее небольшую общину мусульман в мировую державу с огромной территорией, простиравшейся от берегов Атлантического океана до границ Китая, превратившие халифат, ранее бывший общинно-межплеменным управлением, в огромный государственный аппарат,—предначертали путь дальнейшего развития ислама.

Завоевания столкнули арабов с более высокими культурами Персии и Византии, имевщими вполне сложившиеся формы государственного хозяйства и управления. Ряд правовых установлений регулировал их общественную и семейную жизнь. Перешедши теперь к арабам, а, следовательно, утратив былое управление, эти области естественно вызвали необходимость устройства нового внутреннего и внешнего государственного аппарата, установления ряда юридических норм для регулирования их жизни.

Это, наряду с некоторыми другими причинами, вызвало необходимость выработки новых и приспособления старых правоустановлений. Последние, учреждаемые халифатом, подобно имевшим ранее место законодательным мединским установлением Мухаммеда, тесно переплетались с исламом, как религией. Религия являлась как-бы печатью, скреплявшей и разрешавшей проведение в жизнь того или иного постановления. Нужно сказать, что вообще, в халифате, каждое свое постановление связывавшем с „божественными откровениями“, мы имеем один из классических примеров сожития религии и политики.

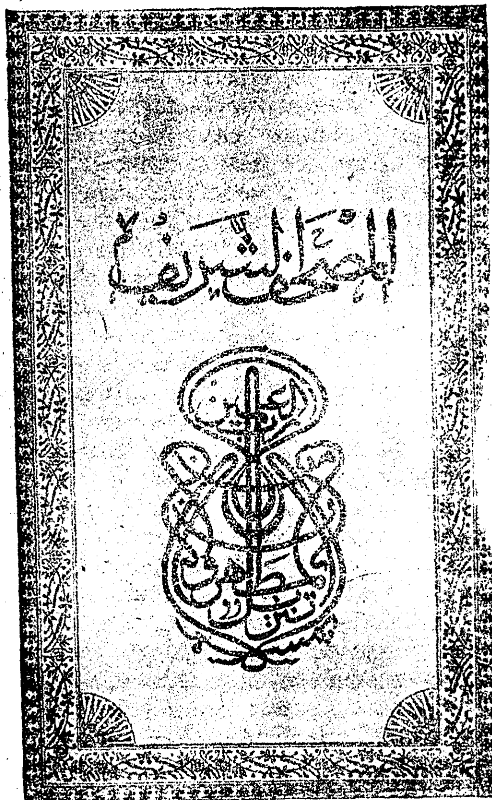
На почве этой, практически необходимой, выработки правовых норм мы имеем создание так называемых „священных“ книг ислама. Из них коран явился первым. История его редакций крайне туманна, почему мы и остановимся на ней несколько подробнее. Для того-же, чтобы облегчить изложение в дальнейшем, предварительно коснемся внешнего его построения.

---

[1]) Ю. Кулаковский, т. III, стр. 143.
[2]) Себеос, стр. 22.

Строение корана.

Коран (вернее „куран“, что значит—„чтение“; произносимый правоверными обычно с приставкой „ал“) считается мусульманами истинным словом бога (аллаха), предвечно написанным на небесной скрижали, называемой „Умму-ль-Китаб“, то-есть матерью писания (13, 39), бережно и вечно сохраняющейся на небесах ангелами под престолом аллаха (6, 76—77; 80, 13—15)[1]. Он (коран) будто бы передавался Мухаммеду архангелом Гавриилом с седьмого неба в виде откровения в особо торжественные моменты. Первое откровение, „ниспослание“ корана Мухаммеду, было, будто бы, в 27 ночь месяца рамазана [2]) (2, 181), почему и ночь эта получила название „ночи определения“ (97, 1—5; 44, 2—3). Несмотря на подобное „божественное“ происхождение этого „писания, ясно изложенного“ (6, 114), несмотря на то, что будто бы „коран чудный“ (22, 1), как учит ислам, хотя бы одно внешнее (не говоря уже о внутреннем) рассмотрение его приводит к иным результатам.

Виньетка на заглавном листе корана. Надпись гласит: „Святые листья“. „Могут держать только благочестивые; послано богом, кормильцем вселенной“.

Коран, в том виде, в каком он дошел до нас, представляет весьма хаотическую картину.

Он содержит в себе 114 сур [3]) или глав, каждая из которых, в свою очередь, содержит различное количество различной длины аятов или стихов. Суры эти расположены не в хронологическом, да и вообще ни в каком смысловом, мирящемся с логикой, порядке. И хотя в различные времена различные исследователи ислама и даже благочестивые „улемы“ (богословы ислама) делали не менее десяти попыток расположить их в смысловом или хронологическом порядках, но выводы их обычно оказывались печальными, не разрешающими вопроса.

---

[1]) Здесь и в дальнейшем мы снабжаем наше изложение, насколько позволяло время и место, указанием параллельных мест, которые вынесены либо в подстрочных примечаниях, либо указаны в скобках, непосредственно после указания главы и стиха приведенной цитаты. Указание на цитаты корана не имеют сноски на источник—коран; первая цифра означает главу, последующие до знака „;“—стихи.

Желание придать больше об'ективности изложению, побудило нас пользоваться (почти всюду) кораном в русском переводе Г. С. Саблукова (изд. III-е, Казань, 1907 г.), поскольку этот, непосредственно с арабского языка сделанный, перевод, правда, не обладая большой художественностью изложения, наиболее близок к подлиннику. Все же, в моментах, явно неудачно переведенных Г. С. Саблуковым, мы позволили себе сделать или иные выправки, пользуясь при этом как другими переводами кора-

Если рассматривать последовательность глав корана с внешней стороны, то без большого труда можно заметить, что они расположены по их величине, по их внешнему об'ему. Так, после первой суры, так называемой „фатихи" (содержащей семь „аятов", т.-е. стихов), начиная со второй главы, число стихов в каждой главе все уменьшается. Именно, если во второй главе содержится 286 стихов, то в третьей лишь 200, четвертой—175, пятой—120, и так количество стихов уменьшается, доходя до того, что глава 95 содержит только 8 стихов, 97—5 стихов, а главы 103, 108 и 110 имеют лишь по три стиха.

Правда, уменьшение чисел стиховто же не абсолютное. Напр., после уже упомянутой 5 гл. с 120 стихами, 6 содержит 165 ст., или далее после 10 главы с 108 ст. следует 11 гл с 123 ст., или после 13 гл. в 43 ст. следует 14 гл. с 52 ст., и т. п. Но, в общем, мы наблюдаем все большее мельчание глав, уменьшение их размеров по мере приближения к концу корана (последняя 114 гл. содержит 6 стихов). Получается впечатление, что кто-то, какой-то „редактор", сложил главы корана, взяв критерием порядкового расположения их величину сур, но отнюдь не содержание.

При таком хаосе размеров, каждая глава имеет свое название. Некоторые из последних поражают своей странностью. Они (названия сур) сплошь и рядом не имеют никакого непосредственного отношения к содержанию и употреблены разве только потому, что подобные им слова встречаются хоть раз на протяжении всего текста главы. Таковы, напр., названия главы II—„Корова", IV—„Скот", XXIX—„Паук", XLIV—„Дым" и т. д. В названиях других сур корана мы можем видеть влияние семитской письменности. Так, подобно тому, как первая книга „Пятикнижия Моисея"—„Бытие" известна у евреев под названием „Берешит" („Брейшис"), что значит „В начале", т.-е. названа по ее начальным словам, сура корана 101—„Поражающее", 102—„Привязанность к богатству", 107—„Размышлял ли ты", и др. названы также по их начальным словам [1]).

Далее, каждая глава имеет обозначение „мекксная" или „мединская", что будто бы устанавливает, где была она передана аллахом через своего главного агента—архангела Гавриила Мухаммеду и высказана последним. Но эти обозначения, кроме путаницы, не много вносят в коран. Кроме деления на суры и аяты, коран имеет еще деления на так называемые „джузы" или „сипары". Джузы обычно отмечаются на полях и размеры их зависят от изданий корана. Обыкновенно джузы содержат 20 страниц. Всех джуз, которые, в свою очередь, делятся на половины и четверти, тридцать.

Познакомившись вкратце с внешними признаками корана, обратимся, на минутку забежав вперед, и к его внутреннему содержанию.

на, так и его комментаторами. По возможности освобожден перевод Г. С. Саблукова от терминов, ставших архаизмами. Характер и форма коранического стиля, особенно в диалогах, потребовали ряда раз'яснений, которые мы, внесши в скобки, отмечаем своими инициалами.

[2]) О месяце рамазане подробнее см. мою статью „Мусульманский пост в месяц рамазан". Газета „Безбожник", № 11 за 1927 г.

[3]) Слово „Сура" (происходит от еврейского „Шура") собственно обозначает ряд камней в стене здания или строчку в письме, в книге; в коране употребляется как обозначение глав (2, 21; 9, 65, 87, 125; 24, 1; 47, 22 и др.).

[1]) В разделе корана на суры можно видеть подражание еврейскому „седеру", обозначавшему 53 чтения „Пятокнижия". В слове „аят" можно видеть изменение еврейского „ойат", что, как и в коране, значит—„знамение", в смысле откровения стиха. В слове „коран", представляющем неопределенное наклонение глагола „читать", „читать" вслух, „излагать", также можно видеть заимствование у евреев, у которых глагол „кара' (читать) употребляется в смысле „изучать священное писание".

Коран заключает в себе, как и большинство так назыв. „священных“ книг, массу готовых ответов, получив которые, верующий должен удовлетвориться. Коран, как он сам заявляет—есть „об'яснение всему“ (12, 111; 16,91), он—„великий“ (15,87), „мудрый“ (31,1; 36,1), „славный“ (50,1; 85,21), „благовестие“ (16,91; 27, 2; 46,11), „милость“ (16,91; 27,79; 31,2), „врачевство“ (10,58; 17,84; 41,14), „руководство на прямой путь“ (2,1, 181; 27,2,78—79; 31,2; 41,44; 45,19). Коран ведет „из мрака к свету“ (5,18; 14,1; 57,9), „он озарение людям“ (45,19), „досточтимое чтение“ (56,76), „драгоценное писание“ (51,41), „писание ясно изложенное“ (6,114), он „поучение“ (76,54), „увещевание народу“ (43,43), „судебник для арабов“ (4,106; 13,37), он „истина“ (2,85; 11,20; 22,53; 28,53; 32,2; 41,53; 43,28,29; 47,2,3), в нем „нет противоречий“ (4,84), и т. д. и т. п.

В коране мы найдем массу перефразированных и искаженных сюжетов библии, евангелия, апокрифов, и т. д. Целые главы корана заняты своеобразным пересказом древне-вавилонских, еврейских, сирийских и др. легенд (см. хотя бы гл. гл.: 5,11,12,14,15,18,19,20,38 и др.). Передаются в коране—и в виде отдельных стихов, и глав—события, очевидно, с большой реальностью отображающие действительные события истории человечества. Это, по большей части, места, содержащие описания битв мусульман-мединцев с мекканцами, это—дошедшие до нас, вероятнее всего, с большими искажениями—пересказы агитационных речей лидеров первоначального ислама, а также имущественные (наследственные, уголовные и т. д.) и семейные установления мусульманской общины, наложившие на коран печать „судебника арабов“. Последнее красной нитью проходит через весь коран. „Судебное“ значение корана и явилось, по нашему мнению, основной причиной, вызвавшей необходимость в коране, как „чтении“, не для чтений, но для „поучений“.

История коранических редакций [1]).

Первые попытки к изданию корана на основании ряда источников мы можем усмотреть в период первого халифа Абу-Бекра, т.-е. в период массовых восстаний арабских племен, в период известного „отпадения“ от ислама, обуславливавшегося ничем иным, как вопросами налоговых и др. имущественных и правовых отношений. В это время, судя по преданию, было целое движение, стремящееся к пересмотру прежних правовых установлений. Последнего требовали как изнывающие под бременем налога мусульман сыны пустыни, так и первоначально урезанное мусульманами крупное купечество Мекки. Крупному купечеству, приобщавшемуся к кормилу халифатского правления, необходимо было провести ряд как ритуальных, так и правовых установлений, укрепляющих его политическое влияние на остальных мусульман и дающих ему материальные блага. К этому побуждало и изменение торговых путей между Западом и Востоком, оставлявшее в стороне Мекку, развивавшийся торговый капитал которой стремился к выходу на арену мировых рынков.

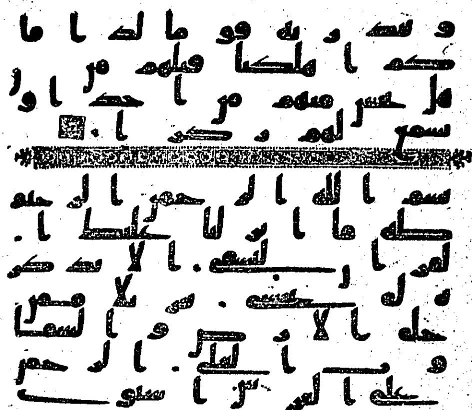
Абу-Бекр, по преданию, поручил первую редакцию корана молодому Зейду-ибн-Тсабиту, бывшему секретарю Мухаммеда. До этого времени некоторые изречения Мухаммеда, будто бы, записывались на свитках пергамента, костях, волокнистых черенках пальмовых листьев, на камнях, но большинство сохранилось лишь в памяти слушавших его людей. Эти отдельные записи были, будто бы, собраны Зейдом и до-

---

[1]) Этот раздел особенно нуждается в дальнейшей его разработке. РЕД.

полненные воспоминаниями Зейда, Абу-Бекра, Омара (II-ой халиф) и других приближенных к халифу мусульман, составили первую, „зейдовскую“ редакцию корана.

Сколько-нибудь большого авторитета первая редакция корана не имела, да и не могла иметь. Составленная халифатскими верхушками, она безусловно не являлась подлинной копией изречений и установлений Мухаммеда, почему при живых сподвижниках Мухаммеда, не заинтересованных в ее издании, она на большой успех рассчитывать и не могла. Расходясь с записями некоторых из старейших последователей Мухаммеда (напр., Мас'уда), которые имели собственные списки изречений Мухаммеда, т.-е собственные „кораны“, „зейдовская“ редакция большого влияния на политическую жизнь халифата не получила. Возведение в „святость“, канонизация чего-либо в глазах широких масс требует времени и отсутствия живых свидетелей, не заинтересованных в данной канонизации.

Тѣ же слова, напечатанныя современнымъ шрифтомъ.

وتنذر به قوما لدا * وكم اهلكنا قبلهم من قرن هل تحس منهم من احد او تسمع لهم ركزا

بسم الله الرحمن الرحيم

طه * ما انزلنا عليك القران لتشقى * الا تذكرة لمن يخشى * تنزيلا
ممن خلق الارض والسموات العلى * الرحمن على العرش استوى

Конец 19-й и начало 20-й главы корана по так называемому Османовскому списку.

Лишь со времени третьего преемника Мухаммеда, уже не только **имама**, т.-е. религиозного руководителя, но и **эмира**, т.-е. и официального военного начальника мусульман, Османа (644—656 г.г. хр. эры), когда халифат благодаря завоевательным войнам арабов владел уже огромной территорией, простиравшейся от Оксуса (т. е. реки Аму-Дарьи) вплоть до большого Сырта, мы имеем окончательную, вторую редакцию корана. Составление данной редакции, судя по известиям современников, было поручено тому же Зейду-ибн-Тсабиту. Причиной, вызвавшей необходимость в новой редакции корана, было, как говорит мусульманская традиция, появление многих разноречивых списков корана. Так, пользовался большой популярностью уже упомянутый нами список корана, составленный Мас'удом, затем список ярого противника халифа Османа Ибн-Обейя [1]); это, конечно, являлось подрывом политического авторитета как личности халифа, так и вообще всех действий халифатского института.

Дабы избежать возможности появления новых разноречий, политически невыгодных халифату, халиф Осман, поручая Зейду (с двумя помощниками) окончательную редакцию корана, издал указ, коим все обязывались сдать имеющиеся у них списки корана. Постановление это сурово проводилось в жизнь, почему и достигло больших результатов. Все собранные и отобранные Османом списки, даже первый зейдовский, после составления окончательного списка были, как передает история, сожжены. Разноречивые списки корана после этого если и встречались, то крайне редко. Так, сохранилось известие, что у египетского историка Ибн-Кудейда, жившего в конце IX и

---

1) См. A. Sprenger, „Das Leben und die Lehre des Mohammad“. Band III. 1865. Сопоставление вариантов Обейя и Мас'уда см. на стр. XXXVIII.

начале X в. хр. эры, был список корана, отличавшийся от редакции Османа [1]). Но осталось нам только скудное известие об этом. Непогрешимая „святость“ канона не допускала возможности существования на ряду с ней каких-нибудь разноречий.

Одна из страниц корана. На полях изображенной страницы корана отмечены числа стихов, слов и букв главы. Это отмечается не во всех изданиях корана.

Уничтоживши все другие списки корана, данная редакция, принесши ореол „святости“ на сфабрикованный по указке Османа коран, нанесла непоправимый ущерб истории, в руках которой остался только этот один коранический вариант. Конечно, и впоследствии происходили те или иные изменения корана, но они касались больше его внешней, чем внутренней стороны и, следовательно, не представляют большого исторического интереса.

Так, мы имеем сейчас различные списки корана, различающиеся по делению на главы, стихи и джузы. Напр., тогда как в „общенародном“ списке корана насчитывается 6.225 стихов, в мединском их- 6.000, меккском--6219, бассорском — 6.214, сирийском— 6.226 и куфийском, самаркандском, индийском и бухарском — 6.236. Общее количество слов и даже букв корана (и этим занимались досужие святоши!) также в различных списках различно. Но эти и существующие некоторые другие различия отдельных коранических списков касаются лишь внешней стороны, стороны их построения. Внутренняя сторона, сторона содержания корана, за немногими деталями во всех, дошедших до нас, списках одинакова [2]).

* *
*

Теперь несколько слов относительно самой системы нашего изложения.

Коран, как указывалось в предыдущем разделе, не имеет какой-либо системы расположения своего материала; его „система“—хаос. Эта „система“, естественно, в нашем изложении не могла остаться. Поэтому в основу своего изложения мы положили не последовательный (глава за главой) пересказ корана, а выделив основные, затраги-

[1]) См. В. В. Бартольд—„Ислам“, 1918, Л., „Огни“, стр. 42.

[2]) Правда, мусульманами-шиитами коран до сих пор считается неполным. Именно, шииты считают, что османовской редакцией корана не был принят во внимание коранический список, принадлежавший Алию (IV-й халиф, лидер шиитизма), почему и пропущены места, относящиеся к Алию (благодаря вражде Османа с Алием), и даже целая глава—„Два светила“, под которыми шииты подразумевают Мухаммеда и Алия. Этот момент лишний раз подчеркивает партийность, а не „общечеловечность“ интересов, соблюдавшихся при составлении корана. В русском переводе гл. „Два светила“ имеется у Саблукова—„Сведения о коране“, стр. 365—368 (8-е прилож). Казань, 1882.

ваемые кораном, вопросы и поставив их в определенную систему, мы даем на них—подбором коранических текстов—ответы. Это, безусловно, нисколько не нарушает и не извращает общей картины корана. Наоборот, в силу указанной бессистемности корана, само мусульманское богословие часто следует, при изложении положений корана, подобной же системе.

Нам могут, правда, возразить, что такое смешение отрывков различных коранических сур и аятов влечет за собой нарушение их хронологического порядка, но последний, как мы уже бегло указывали и будем говорить детально в другом месте, до сих пор установить не удалось. По крайней мере, известные нам построения, начиная от араба Джаллетдина, Союти и затем Вейля, Шпренгера, Нельдеке, Мюйра, Родвеля [1]), Гримме, мало чем превосходя друг друга, не разрешают данного вопроса.

В последнем легко убедиться, сравнив хотя бы некоторые из имеющихся построений. Возьмем, для примера, хронологию даже таких моментов корана, как так наз. „военные речи Мухаммеда". Вот 47—„Мухаммед"—глава корана. Один из исследователей последнего, Гримме, исходя из содержащейся в этой суре военной речи пророка, в которой имеются указания, как сражаться, как поступать с пленными, как относиться к уклоняющимся от сражения,—относит ее к периоду, предшествовавшему известному сражению мусульман с мекканцами при Бедре (относится преданием к 624 г. хр. эры) [2]). Другой исследователь корана, Нельдеке, отмечая иные места этой же 47-й гл. корана, в которой речь пророка направляется к посрамлению уклоняющихся от битвы, относит эту же суру к периоду после битвы при Бедре [3]) Как отметил еще один современный исследователь корана, К. С. Кашталева,—„если трудно решить, сказана ли данная речь до сражения или после него, то еще труднее решить, было ли это сражение битвой при Бедре или какой-нибудь другой" [4]). Говоря так, наш исследователь вполне основательно (во всяком случае, не менее, чем Гримме, Нельдеке-Швалли и др.) высказывает новое предположение о времени происхождения 47-й суры. „По контексту,—говорит К. С. Кашталева, ссылаясь на 22,24,27,28,30,31,32,33,34 и 36 стихи данной главы корана,—эти слова могут скорее относиться к внутренним врагам Мухаммеда, уклоняющимся от битвы, таящим недоверие к пророку в его лагере, чем к его внешним врагам—мекканцам" [5]). Но, полагая так, К. С. Кашталева указывает и еще одну возможную дату 47-й суры. Стих 4-й предлагает—„когда встретитесь с неверными, то ссекать с них головы до тех пор, пока не сделаете им совершенного их поражения. Пленных держите в крепких оковах!" Вслед за этим 5-й стих, как и стих 33-й той же 47-й гл. корана, рассматривают войну, не как покорение неверных, а как испытание верующим. Последнее же—обычное толкование известной неудачной для мусульман битвы при горе Оходе (относится преданием к 625 г. хр. эры), откуда следует, что данную суру корана с успехом можно провозгласить оходской.

---

[1]) Родвелем была даже сделана оригинальная попытка издания корана в „хронологическом" порядке. См. El Koran of the Koran, translated the Arabie, the siuras erranged in chronological Order: with notes, by I. M. Rodwele. London. 1876 (первое 1861). Заслуживает в этом отношении внимания и работа I. La—Bawme,—La Koran analuse", Paris, 1878 г.

[2]) H. Grimme, „Mohammed", II, стр. 27.

[3]) Nöldecke, Th.,—„Geschichte des Qorans", 2 Aufl. bearb. von Fr. Schwally ,I, 189.

[4]) К. С. Кашталева,—„К вопросу о хронологии 8-й, 24-й, и 47-й сур корана". Докл. Ак. Наук СССР,—В., 1927 г., стр. 105.

[5]) Там же, стр. та-же.

Подобную же картину мы можем получить, рассматривая вопрос о хронологии из ряда других сур корана. Вывод в подавляющем количестве случаев будет таков: **существующие системы хронологического расположения глав и стихов корана не могут удовлетворить требований современного исламоведения.** И происходит это по той причине, что критика коранических текстов, вопрос об их хронологии покоится до сих пор—за редкими исключениями—на предании, на „жизнеописаниях" Мухаммеда (Сир'ах), на различного рода тафсир'ах (толкованиях корана), авторы которых, как мы уже отметили в предисловии, знали коран едва-ли больше, чем мы сейчас. Вот пример.

На основании долго господствовавшего заблуждения, полагавшего, что первоначальной кыблой (стороной обращения мусульманина во время богослужения, молитвы) был Иерусалим, старались истолковать и некоторые из стихов корана в эту пользу. Между тем бесспорная вздорность этого предположения видна из того же корана, где ясно говорится, что „мы (бог.—Л. К.) видим, что ты (посланник божий.—Л. К.) обращаешь свое лицо в разные стороны неба" (2,139). Это кроме того подтверждается и версией предания (свидетельства и в 9 суре корана) о постройке „мечети вреда", которая, вероятнее всего, была закрытым помещением, между тем как „ислам был связан с возвращением богослужения под открытым небом"[1]). Последнее, кстати, блестяще подтверждает мысль Ф. Энгельса, что „религиозная революция Мухаммеда, как и всякое религиозное движение, формально была реакцией, возвратом к старому, к простому"[2]).

Пример этот—не исключение. В первом аяте 17 главы корана заявляется: „Хвала тому, кто в некоторую ночь содействовал рабу своему совершить путь от запертой мечети к отдаленной мечети, которой окрестности мы благословили, для того, чтобы показать ему некоторые из наших знамений". На основании этого, как известно, мусульманским богословием была построена легенда, рассказывающая о чудесном путешествии Мухаммеда в одну из прекрасных ночей месяца раджеба на молниеносном коне Эль-Бораке в Иерусалим и на седьмое небо—к престолу аллаха. Память сего „события" мусульманами чтится как праздник—„Михрадж"—и в наши дни. Принимая авторитет религиозных преданий ислама, трактовавших об этом, большинство исследователей ислама хотя и откинуло, как позднейшее создание, миф об чудесном путешествии Мухаммеда, все же осталось в плену у традиции, признав правильным толкование „отдаленной мечети" данного места корана, как указания на Иерусалимскую мечеть. Между тем нет ровно никаких оснований относить это место корана к Иерусалиму. Как показал акад. В. В. Бартольд, это ложное толкование корана могло появиться лишь после завоевания Палестины мусульманами, когда они „усвоили от христиан культ Иерусалима, отнесли к нему слова корана и назвали „отдаленнейшею мечетью" мечеть, построенную халифами"...[3])

Еще одним существенным моментом, основательно колеблющим имеющееся построение хронологии корана, является, как показала К. С. Кашталева[4]), — вопрос о терминологии рассматриваемого памятника. Так, в ряде мест корана мы встречаем наиме-

---

[1]) В. В. Бартольд,—„Ориентировка первых мусульманских мечетей". Ежег. Росс. Инст. Ист. Искусств, т. I, стр. 117. ГИЗ, 1922 г.

[2]) Цитирую по „Мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о религии". Изд. „Атеист", второе, стр. 304.

[3]) В. В. Бартольд,—„Ориентировка" ..., стр. 114.

[4]) См. ст. К. С. Кашталевой в ДАН СССР—В. за 1926, 1927 г. и 1928 г.

нование пророка буквально как „тот, кому надлежит повиноваться" (24,25; 81,21) или форму, всегда связывающую бога с посланником— „к богу и посланнику его" (24,50), или, еще более резко:—„повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику" его (47,35; 3,29,126; 4,17,62,71,82; 5,93; 8,1,20,48; 9,72; 24,46,51,53; 33,33,61,71; 48,17; 49,14; 58,14; 64,12). Когда могла появиться данная форма? Ясно, что только со времени хиджры, в мединский период жизни мусульманской общины, когда власть светская являлась непосредственной принадлежностью ее руководителей, „посланников". Это, кстати, подтверждает и современный исследователь, профессор-иезуит Ламменс, показавший, что первая из приведенных форм упоминания Мухаммеда в коране была употребляема и в доисламский период, как постоянный эпитет вождя арабского племени—сейида[1]). Вместе с тем, если принять хронологию корана вышеуказанных исследователей—эти и ряд других данных, историческая вероятность которых гораздо выше данных традиции, придется отбросить.

Таким образом, отсюда ясно следует, что следование за традицией, признание обычно присваиваемых корану хронологий, без всякой их критики, сейчас, когда стало очевидностью несовершенство этих систем,—явилось бы не чем иным, как потаканием поповщине. Но не это заставило нас отбросить соблюдение хронологии в нижепредлагаемом тематическом изложении содержания корана. Вне зависимости от времени создания той или иной суры корана, все они представляют нам некое, правда, не без внутренних противоречий, **единство**, более или менее стройную систему взглядов и мыслей, изложенных, к тому же, нравоучительно. По этой то причине мы и видим коран до сего времени главнейшим „учебником" в мусульманских религиозных мадрасах и медресах—школах.

Коран мусульманским богословием рассматривается, в большинстве случаев, с ничего не говорящими оговорками в отношении хронологии [2]), как „откровение" аллаха, не терпящее каких-либо внутренних противоречий (об этом, как мы отметили выше, говорит и сам коран, 4, 84). Установленная в исламе теория „насх" (отменения), делящая стихи корана на отмененные и отменяющие („мансух" и „насых"), по учению ислама, не только не опровергает вышеуказанного утверждения, но, наоборот, его подтверждает. Коран рассматривается, как **единство**, единая внутренняя система, которая является непреложной истиной, ясно и правильно отвечающей на все рассматриваемые ею вопросы. По этому ясно, что вышеуказанная система нашего изложения не будет надуманной, нереальной системой.

Покончив, таким образом, с „системой", нам, в интересах дальнейшего изложения, нужно будет, для выявления лейт-мотива корана, остановиться на его главном действующем лице, на его герое-боге, аллахе.

---

[1]) H. Lammens,—„Le berseau de l'Jslam", Rome, 1914, стр. 268.

[2]) Напр., в казанских изданиях корана (в лист, на арабском яз.) при 29 гл.— „Паук"—обычно печаталось примечание: „говорят, что эта глава мединская (т.-е. передана аллахом Мухаммеду и высказана последним в мединский период его жизни. Л. К.). Но другое мнение, что только начало ее до 10 стиха ниспослано в Мекке, а все остальное в Медине. Другие, напротив сего, говорят, что первые десять стихов даны в Медине, а прочие в Мекке". Раз'яснения мусульманского богословия, толковников корана, аргументируются подобным же образом, Так, один из виднейших толковников корана, авторитетнийший Казы Бейзавий, в об'яснении 281 стиха 2 главы корана пишет: „Ибн Аббас (по преданию—двоюродный брат Мухаммеда, „от'явленный лгун", по рекомендации А. Шпренгера. Л. К.) говорит, что этот стих был последний, принесенный ангелом Гавриилом, и что ангел велел поставить его после 280 стиха главы „Корова" (2). После того, пророк божий (Мухаммед)—благославение и мир ему от бога!—жил двадцать один день, по словам других, восемьдесят один день, по другим рассказам, только семь дней, а иные говорят: три часа"!!!

ГЛАВА I.

Бог корана

„Во имя бога, милостивого, милосердного. Слава богу, господу миров[1]), милостивому, милосердному, держащему в своем распоряжении день суда! Тебе поклоняемся и у тебя просим помощи: веди нас путем прямым, путем тех, которых ты облагодетельствовал, не тех, которые под гневом, ни тех, которые блуждают". Вот первая—„отверзающая дверь к досточтимому писанию"—глава корана. Корана, о котором следующая, вторая—„Корова"—глава говорит: „Алм [2]). Это писание—нет сомнения в том, есть руководство благочестивым, тем, которые веруют в сокровенное, совершают молитвы, делают пожертвования из того, чем их наделили мы (бог. **Л. К.**); тем, которые веруют в то, что свыше ниспослано тебе (Мухаммеду. **Л. К.**), в то, что было прежде тебя, и с уверенностью чают будущей жизни. Они под руководством господа их: они блаженны" (2, 1—4).

Таково преддверье, порог корана, лишь слегка приоткрывающий „лицо" своего героя. „Испием же чашу до дна", не ограничимся щелью, но, пробравшись сквозь чащу сур (глав) корана, посмотрим, как во всей полноте рисует и какими свойствами наделяет коран своего бога—этого „всемогущего, милостивого, милосердного".

„Господь наш есть аллах" (22, 41; 46, 12)—говорит коран. **Знаешь ли кого-либо соименного ему?"** (19, 66). **„Ему есть прекрасные имена.** Все, что на небесах и на земле, восхваляет его. Он силен, мудр" (59, 24; 20, 7). „Ими (прекрасными именами) призывают его" (7, 179). „В молитвах называйте его или богом или называйте милостивым: как ни назовете его, ему приличны эти лучшие имена" [3]). **„Бог... кроме его нет никакого бога"** (20, 7). „Бог ваш есть единый бог: будьте по-

---

1) „Господь миров": 1, 1; 2, 125; 5, 31; 6, 45; 7, 52, 59; 10, 11, 38; 26, 15, 22, 46, 77, 99, 109, 127, 145, 164, 180; 27, 8, 45; 28, 30; 31, 1; 37, 85, 182; 39, 75; 40, 66, 67, 68; 41, 8; 43, 45; 45, 35; 56, 79; 59, 16; 69, 43; 81, 29; 83, 6; и др.

2) Поставленные здесь три буквы являются одними из букв, предваряющих начала некоторых сур корана. Именно 29-ть глав корана (2, 3, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 36, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 50, 58) в начале своего текста содержат буквы арабского алфавита в различном количестве: по одной, по две, три, четыре и пять. Буквы эти, если их больше одной, пишутся связно, как бы они составляли одно слово (лишь в 42 гл. они разделены на два соединения—хм гск), но они таких, с каким-либо смысловым содержанием не составляют. Неоднократные попытки их об'яснения не увенчались успехом. Мусульманское богословие, не сумев их об'яснить, применило к ним наиболее излюбленный и „испытанный" опытом почти всех религиозных систем метод: оно об'явило их „иносказательными" знаками, смысл которых сейчас неизвестен, но которые содержат в себе великие тайны, известные лишь пророку, ангелам и некоторым из святых. Лично нам кажется в известной степени основательным предположение, высказанное некоторыми исследователями корана, что эти буквы являются не чем иным, как отметками первых редакторов—составителей корана.

3) Этих эпитетов, „прекрасных имен божиих", мусульмане насчитывают большое количество, некоторые более тысячи, большинство же 99, утверждая, что сотое имя есть неизвестное искомое, которое знали только некоторые из избранников божьих, напр., Соломон, Иисус; силой его они и совершили, будто бы, так много чудес. В связи с этим существует даже особое „учение об именах божиих", играющее большую роль в догматике ислама.

корны ему" (22, 35), „к нему прямо идите и просите прощения" (41, 5). „Бог ваш бог единый: нет другого бога, кроме его, милостивого, милосердного" (2, 158; 14, 52; 18, 110; 21, 100).

Заглавный лист стамбульского издания корана. Написанное на нем изречение гласит: „К нему прикасаются только чистые. Он—откровение от господа миров". (Коран, 56, 78—79).

Истинно, у бога нашего—да превознесется величие его—нет ни супруги, ни детей» (72—3).«Скажи—говорит фуркан [1]) —слава богу, который никогда не имел детей, которому не было соучастника в царствовании, для которого никогда не требовался какой либо защитник от унижения; величая, величай его" (17, 111; 6, 101—102; 19, 91—93; 23, 94).

Он, аллах, которому нет соименного—„**живой**" (40, 67), „**бессмертный**" (25, 60), „**присносущий**" (20, 110; 3, 1; 2, 256). **Он вечен**: „все, что есть, гибнет, кроме его существа" (28, 88). „Все на ней [2]) исчезнет, пребудет вечно только лице господа твоего, владыки славы и величия" (55, 26—27).Он, бог—причина жизни и смерти: „он оживляет и умерщвляет" (57, 2; 2, 260). „Бог дает жизнь и посылает смерть" (3, 150), „он живит и мертвит" (7, 158; 9, 117; 10, 57; 15, 23; 23, 82; 30, 70; 44, 7). „Он изводит живое из мертвого и мертвое изводит из живого, он оживляет землю после ее омертвления, так будете изведены и вы из могил" (30, 8). „Истинно, бог, выводящий росток из хлебного зерна, из финиковой косточки, изводит живое из мертвого и мертвое изводит из живого" (6, 95; 3, 26; 10, 32). Он—„**знающий**" (2, 131, 177; 6, 15; 8, 63; 10, 66; 26, 220; 29, 4; 44, 5) [3]), „**ведающий**" [4]), „**всезнающий**" [5]) и „**всеведующий**" (2, 27, 282; 8, 76;9, 116; — „бог всеведущ" — 24, 35, 64; 29, 62; 48, 26).

Бог корана знает все, что есть на небе и на земле, что сокрыто и что открыто. „От бога ничего не сокрыто ни на земле, ни на небе" (3, 4). „Бог знает беззаконных. У него ключи от тайн: он только один знает их. Он знает все, что есть, на суше и на море; ни один лист древесный не падает без его ведома; нет зерна во мраке земли, нет былинки ни свежей, ни сухой, которые не были бы означены в ясном писании (т.-е. коране. Л. К.). Он упокоивает вас во время ночи; знает, что добываете себе в продолженьи дня" (6, 58—60). „От господа твоего не укрывается ни на земле, ни на небе вес и одной пылинки" (10, 62), „...ни меньшего, ни большего такой вещи" (34, 3). „Он совершенно знал вас и тогда, когда созидал вас

[1]) „Фуркан", т.-е. путь ко спасению; коран называет так самого себя, см. 25, 1.

[2]) На земле. Примеч. переводчика.

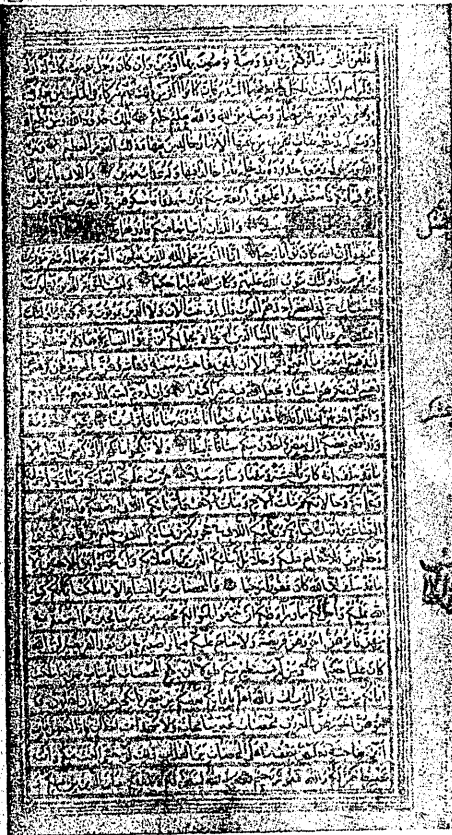
[3]) „Он знает, чего вы не знаете» (48. 27).

[4]) «Бог ведает... рабов своих» (35, 28; 42, 26). «Он... ведающий» (34, 1). «Он ведает, что делают они», люди (11, 113).

[5]) «Бог всезнающ» (2, 231; 5, 98; 33, 40; 42, 10; 57, 3; 58, 8; 64, 11). «Бог знает все дела» (4, 36). «Бог знает каждую вещь» (4, 175). «Он знает все» (6, 101). «Явно ли делаете что-нибудь, или скрыто делаете, все то знает бог» (33, 54). «Он знает все свои твари» (36, 79), «Бог знает каждую вещь» (49, 16).

из земли, и тогда, когда вы были зародышами в чревах матерей ваших" (53, 33). „Мы—говорит бог—самый верный из счетоводцев" (21, 48).

„У бога знание о часе... Он знает, что есть в чревах. Ни одна душа не знает, что она себе приобретет завтра; ни одна душа не знает, в какой земле умрет она. Бог знающий, ведающий" (31, 34). „Бог знает, чем беременна бывает каждая мать, насколько сжимается или расширяется утроба ее: у него каждая вещь бывает по размеру. Он, великий, превознесенный, знает и отсутствующее, и присущее" (13, 9—10). Людей, животных,—всех знает бог. „Он знает (зверя) и постоянное его становище, и временное его пристанище" (11, 8). „Истинно, бог знает тайны небес и земли" (49, 18; 2, 31)

Одна из страниц корана. Страница из редкостного экземпляра корана, написанного на тончайших, выпиленных из чинарового дерева, листках.

„Он знает и то, что входит в землю, и то, что выходит из нее, что нисходит с неба и что восходит на него" (34, 2). „Он знает что, падает на землю и что возникает из нее, что нисходит с неба и что поднимается на небо" (57, 4). „Бог есть тот, кроме которого нет никакого достопоклоняемого" (59, 22, то же, кроме указанных: 6, 73; 9, 96, 106; 13, 10; 16, 24; 23, 94; 32, 5; 64, 8). „Ужели ты не понял,—спрашивает коран,—что бог знает то, что на небесах, и то, что на земле? **Не бывает тайного разговора между троими, при которых он не был бы четвертым, при пятерых не был бы он шестым; меньше ли, больше ли этого будет их, не бывает, чтобы и его не было с ними, где бы они ни были... Потому что бог всезнает**"(58,8)

„Бог—свидетель всему" (85, 9). „Явно ли делаете вы что-нибудь или скрыто делаете, все то знает бог... потому что он **вездеприсущ**" (33, 55). „Бог вполне знает врагов ваших" (4, 47).

Бог—сердцевед, он знает, ведает сердца его творений. „Знает, что на небесах и на земле, знает и то, что таите и что обнаруживаете: бог знает внутренность сердец" (64, 4 3, 115, 148: „бог знает тайны сердец"; 5, 10; 8, 45; 31, 22; 35, 36; 39, 10; 42, 23; 67, 6: „бог знает существо сердец"). „Таите ваши слова, или высказываете их громко... он знает глубину сердец" (67, 13). „Господь твой знает то, что их (речь идет о многобожниках. Л. К.) сердца скрывают и что обнаруживают" (28, 69). Коранический бог близко находится к человеческому сердцу (8, 24). „Мы—говорит бог корана—создали человека и знаем, что внушает ему душа его: мы к нему ближе его шейной жилы" (50, 15)[1].

[1]) Толкуется обычно в смысле судьбы.

„Таите ли вы то, что в ваших сердцах, обнаруживаете ли то, **бог то знает, потому что знает,** что ни есть на небесах **и** что ни есть **на** земле: бог всемогущ" (3, 27, также, кроме указ.: 2, 72; 11, 5—7; 16, 19, 24; 21, 110; 27, 25, 76, 77; 28, 69; 36, 76; 64, 4). Бог-сердцеведец знает характеры и наклонности людей. „Бог—читаем в коране—**знает злых"** (9, 47). „Бог знает развратителей" (3, 56). „Знает законопреступников" (2, 247). „Бог знает" нечестивых (2, 89). Он же, „бог знает богобоязливых" (9, 44). „Бог знает боящихся его" (3, 111). И т. д. и т. п. Но зная, бог иногда и **боится** своего знания. „Народ мой!—восклицает он в 40 гл. корана—за тебя **я боюсь** дня рыдания дня, в который вы будете обращены вспять" (40, 33).

Итак, бог корана все знает и все ведает. „**Бог**—по словам **корана—все об'емлет своим знанием**" (65, 12). „Он своим знанием об'емлет все твари" (20, 98); „господь... своим знанием обнимает все вещи" (6, 80). „Господь наш обнимает все своим знанием" (7, 87)... „Суд принадлежит богу, вышнему, великому" (40, 12).

Это всезнание и всеведение бога, наверно, оставляет читателя в некотором недоумении: а чем же бог „познает", при помощи каких органов он „всеведущ"? Коран, конечно, разрешает этот вопрос по образу и подобию его (корана) творцов, наделяя бога соответствующим организмом с познавательными органами чувств. Антропоморфность коранического бога здесь особенно показательна.

Бог, во-первых, обладает зрением, он „зрит", „он... видящий" 17, 1; 22, 60; 31, 27; 40, 21; 42, 9; 58, 1). Он за всем „назирает" (63, 19), „потому что господь твой на месте наблюдения" (89, 13). Что же бог „видит", что „назирает" и для чего ему зрение? „**Бог видит рабов сих**" (40, 47), „ведает и видит рабов своих" (35, 28; 3, 19), указывает коран. „Бог видит, что делают они" (2, 90; 8, 40), „видит то, что делаете вы", люди (49, 18; 2, 104, 267; 11, 114; 40, 41: „он видит, что делать" 57, 4; 64, 2). „Бог видит дела ваши" (2, 223; 3, 150, 157: „бог видит дела их"; 60, 3: „бог зрит дела ваши"). Он видит дела благочестивых и нечестивых. Иллюстрацией видению бога первой категории этих дел могут служить следующие слова коранического аллаха: „некогда мы (бог.—Л. К.) представили Давиду особенный дар наш: „горы и птицы, вместе с ним, славьте меня". Мы смягчили для него железо: „делай брони и соразмеряй сцепление колец; делайте доброе; **я вижу то,** что делаете вы" (34, 10; 8, 73). Примеры видения богом корана „нечестивых" дел многочисленны. Вот, например, автор „досточтимого писания" свидетельствует, что „некогда мы (бог. Л. К.) вступили в завет с сынами израилевыми и посылали к ним посланников: каждый раз, как посланники приносили к ним что либо не желаемое ими, они некоторых считали лжецами, некоторых убивали. Они думали, что от этого не будет никакой беды: они были слепы, были глухи; иногда они, каясь, обращались к богу, но потом многие из них опять становились слепы, становились глухи. **Бог видит,** что делают они" (5, 74—75).

Значение этой способности „видения" бога велико. Ему нужно зрение для установления социального равенства и неравенства на земле. По этому поводу в коране сказано: „**Если бы бог в изобилии подавал рабам своим жизненные потребности, то они без меры буйствовали бы на земле; но он посылает их в умеренном количестве, в каком хочет, потому что он ведает, видит рабов своих**" (42, 26).

Во вторых, бог корана обладает слухом, он слышит. „Бог слышащий", эти слова неоднократно встречаются в коране (см., кроме приведенных: 2, 131, 177; 5, 80; 6, 13, 115; 8, 63; 10, 66; 12, 34; 17, 1;

22, 60; 26, 220; 29, 4, 60; 31, 27, 42, 9; 44, 5). Вот бог слышит семейную ссору: 58, 1—„бог услышал слова той, которая пересказала тебе о своей распре с мужем своим и жаловалась богу. Бог слышал ваш разговор: ибо бог слышащий, видящий“. **Он слышит молитвы.** Так, в гл. 12-й—„Иосиф“—„услышал“ молитву Иосифа о том, что „темница“ ему „любезнее того, к чему принуждают его“ (к прелюбодеянию, к половому сношению). „Господь—говорит коран—его услышал и отвратил от него их замыслы“ (12, 30—34). Или, в главе 26-й, мы читаем: „**Он (бог. Л. К.) видит тебя на молитве, как ведешь себя среди поклоняющихся. Истинно, он слышащий, видящий**“ (26, 218—220). Здесь мы имеем пример и „видения“ и „слышания“ божия. Последняя цитата, кстати сказать, является особенно излюбленной мусульманским духовенством для запугивания своей паствы, поднятия ее „ревности“ к своим религиозным „обязанностям“.

Бог все слышит. „Скажи: господь мой знает, что говорится на небе и на земле“ (21, 4). И этот чудесный слух бога, подобно зрению, не бесцелен, он не пропадает даром. Нет, он есть защита от навождений сатаны: „как скоро навождается тебе сатаною какое-либо навождение, ищи убежища у бога: он слышит, знает“ (41, 36). Он же, слух бога, помогает и его суду: „бог—говорит коран—судит истинно; те же (подразумевается: боги, идолы. Л. К.), каких, опричь его, призывают они (многобожники. Л. К.), ничего не рассудят, потому что только бог—слышащий, видящий“ (40, 21). „Бог не правосуднейший ли из судящих?“ (95, 8).

Таким образом, слух и зрение бога—суть два необходимейших и важнейших божьих свойства. К ним же нужно прибавить, в-третьих, **голос бога**, обладание им речью, его способность к разговору, уменье говорить и приказывать.

Способность словоизвержения у бога проявилась с первого же момента творения вселенной, а, следовательно, и само появление аллаха на арену мировой деятельности, его „популярность“ всецело обязана „слову“, „речи господней“. Коран заявляет: „он тот, кто сотворил небеса и землю, истинно, в то время, **когда он сказал: „будь“!** и они получили бытие“ (6, 72). Вообще слово коранического бога обладает магической, творческой силой. „Он—читаем в коране—зиждитель небес и земли, и **когда определит быть чему, только скажет тому: „будь“! и оно получает бытие**“ (2, 111).

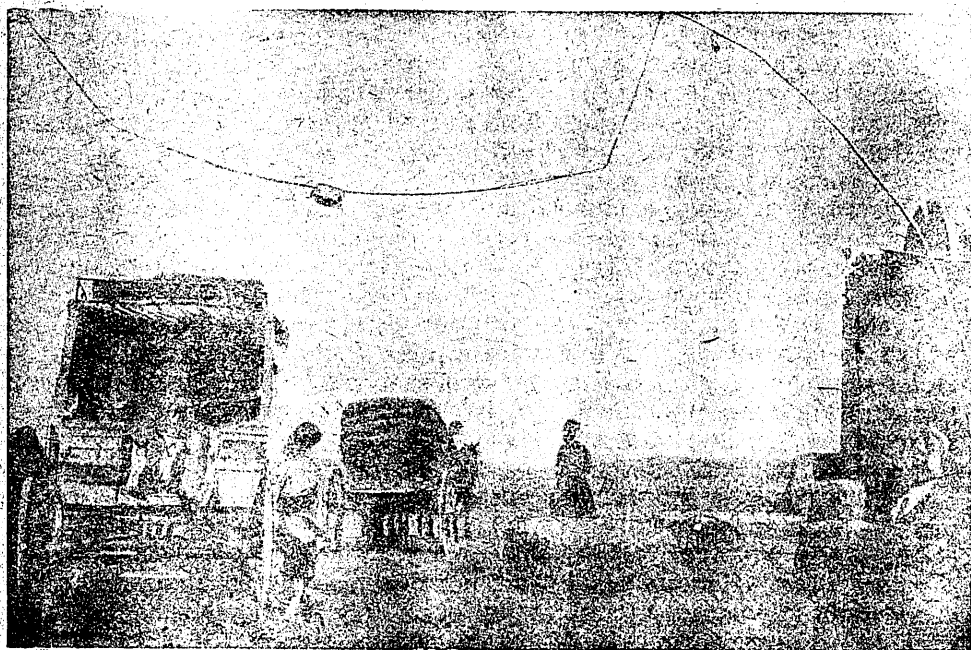
Коранический бог говорил не только во время творения, нет, он говорил и позднее, даже с некоторыми из человеческого рода. Например: „Вот посланники. Некоторым из них мы дали преимущество над другими: **в числе их были такие, с которыми бог говорил**“ (2, 254) [1]. Так, говорил бог с Моисеем—посланником божиим. „С Моисеем мы пробыли тридцать ночей и дополнили их десятью; полного времени, проведенного с ним господом его, было четыредесять ночей... Когда Моисей пришел в назначенное место и время, тогда господь его говорил с ним“ (7, 138—139). И говорил бог по-человечески, антропоморфно, на определенном месте. „**С Моисеем бог говорил так, как говорят**“,—свидетельствует коран (4, 162).

---

[1] При чтении этого, как и других коранических отрывков, следует помнить, что „религиозные свидетели понимаются кораном прежде всего как очевидцы откровения, или данного непосредственного богом (пророку), или через пророка (верующим). Их слова рассматриваются, как показание очевидцев, и, следовательно, имеют всю силу свидетельского показания“. К. Кашталева, „Доклады Академии Наук СССР“. В 1927 г., стр. 120.

Но говорил бог **„так, как говорят“ только с** избранниками tête à tête, **один на один.** И **когда „незнающие“** (неверующие. Л. К.)**говорят: „что** же бы не **говорить** богу и с **нами,** или **не** придти бы к нам какому-нибудь знамению“ (2, 112),—то коран от имени бога отвечает: **„с человеком бог говорит не иначе, как только через откровение или из-за завесы или посылает посланника и по своему изволению открывает ему, что хочет, потому он верховный, мудрый“** (42, 50—51). При этом: „слово господа твоего совершенно по своей истинности и правде; никто не может переменить слов его, потому что он слышащий, знающий“ (6, 115).

Этим утверждается незыблемость авторитета слова божия, корана, и обрекается на неудачу и преследование всякая мысль, противоречащая этому „слову“. Слово бога становится камнем преткновения мозгов правоверных. Вся эта сила и **значимость словесной продукции бога дополняется чрезвычайной продуктивнностью и интенсивностью словопроизводства** „Скажи—говорит коран—если бы море сделалось чернилами для написания слова господа моего, то море истощилось бы прежде, чем истощились бы слова господа моего, хотя бы мы доставили столько же в прибавку к нему“, к морю (18, 109). Или, в другом месте корана, еще „убедительнее“ и ярче, говорится: „если бы все деревья, какие есть на земле, сделались бы письменными тростями, и после того это море (повидимому, Красное. Л. К.) обратилось бы в

Коран-фетиш. Церемония очищения кораном у мусульман-шиитов в Персии. По дороге из Тегерана в Испагань, недалеко от „священного“ города Кума, паломники, направляющиеся к чтимой ими могиле Фатимы, дочери Алия (IV халиф), подвергаются этой церемонии очищения, заключающейся в том, что они проходят под висящим над дорогой экземпляром корана.

семь морей чернил, **то и тогда слова божии не переписаны будут.** Истинно, бог силен, мудр“ (42, 46).

Но столь „прекрасный“ и „милосердный“ **бог, разговаривая, невидим людям:** „взоры не постигают его,—свидетельствует коран,

но он постигает взоры" (6, 103). Видеть бога нельзя. Не удалось увидеть бога даже „некоторым из избранных". Так, напр., Моисей сказал: „господь мой! дай мне видеть тебя, я взгляну на тебя! Он (бог. Л. К.) сказал: **не можешь видеть меня**! Взгляни на эту гору, если устоит она на месте своем, то увидишь меня! И когда господь явил свет свой горе сей, то превратил ее в мелкий прах, и Моисей пал ниц в обмороке". (7. 139). Таким образом, по корану выходит, что если бог и не показывается людям, то только из своего милосердия к ним: иначе, показавшись им, он разрушил бы их, превратил бы „в мелкий прах" [1]).

Из видов антропоморфного описания бога в коране, кроме указанного, следует отметить еще следующие, встречающиеся в дальнейшем изложении. Это—„восхождение" бога „на небо" после творения и устроения земли; „восседание" бога „на престоле", который „носят" (40 7), после сотворения неба; сотворение богом, как горшечником, человека; состязание его с ангелами и т. д. Сейчас же мы задержим свое внимание „местом", „лицом" и „рукой" господа бога.

„Место" бога священно, его нужно бояться. „Тем, которые боятся места господа своего, будут два сада", повествует коран (55, 46; 79, 40—41; 14, 17:" кто боится места моего"...)

„Лицо" божие вездеприсуще подобно всей его персоне. „Перед богом—читаем в коране—и Восток, и Запад: куда бы ни обратились вы, **везде лице божие**, потому что бог всеоб‘емлющий, знающий" (2,109). Получается тут несколько противоречивое положение: с одной стороны—„лице бога везде", с другой—он не может явить света очей своих, ибо в мелкий прах превращен будет человек (см. выше). Наконец, сам же коран призывает к этому вездеприсущему и всевидящему богу, дабы увидеть „лице" его, правда, в загробной „жизни". Коран говорит: „тем... которые тверды в желании **узреть лице господа своего**, постоянны в совершении молитв, тайно и явно делают пожертвования... заглаживают худое хорошим,—тем будут наградным жилищем сады Эдема..." (13, 20—23). „Подавай—говорит коран в другом месте—родственнику при нужде его, также бедному, путешественнику; в этом благо для тех, которые ищут **лица божия**, они будут блаженны. То, что даете вы в рост (речь, повидимому, обращена к купечеству. Л. К.), чтобы оно возросло от имущества других людей, не возрастет пред богом, то, что даете вы в очистительную милостыню (см. ниже), **желая лица божия**, ...для таковых оно удвоится" (30, 37—38; 92, 20).

„Руку" божию мы часто встретим впоследствии. „Благо в твоей руке"—бога, говорит коран (3,25). „Щедрость в руке божией" (3.66). В его „руке царство" (67, 1). Имеются в коране и следующие места с рукой бога. «Действительно, те, которые дают обещание быть верными тебе (Мухаммеду, посланнику бога. Л. К.), дают обещание быть верными самому богу: **рука божия поверх рук их**" (48, 10). Или: „Иудеи говорят: „рука божия связана". Их руки связаны; они прокляты за слова свои, Нет. **обе руки его простерты**: он раздает, сколько хочет" (5, 69).

С вполне материальными передними конечностями бога мы встретимся и при рассмотрении процесса сотворения человека. Бог говорит об этом: "**человека... сотворил я своими руками**" (38, 71—75).

---

[1]) Подобным разрушительным свойствам обладает, как видно из его текста, коран. «Если бы мы,—говорит бог в коране,—ниспослали этот коран на какую-нибудь гору, то ты увидел бы, как она понизилась бы и распалась бы на части от страха божия» (59, 21).

Человекоподобность коранического бога обусловливается не только его внешним обликом, но, как мы могли и раньше видеть, его „внутренними“ качествами. Характеристика последних была бы неполна, если бы мы упустили одно присущее богу корана, столь близкое человечеству, особенно представителям торгового капитала, качество, это—хитрость.

„**Хитрость во всей полноте у бога**“—глаголет коран (13, 42). По этой причине бога никто не перехитрил. Так, „они (иудеи) хитрили (против Иисуса христа. Л. К.), и бог хитрил: но, **бог самый искусный из хитрецов**“ (3, 47), почему он, конечно, и перехитрил их. Или еще пример. «Вот неверные [1])—говорит бог Мухаммеду—ухищряются против тебя, чтобы заключить тебя в оковы, или убить тебя, или изгнать тебя: они ухищряются, и бог ухищряется, но бог самый искусный из хитрецов“ (8. 30). „**Бог быстрее всех в ухищрениях**“ (10, 22). Его ухищрения не откроешь. „Они (фемудяне) ухитрялись своею хитростью, а мы ухитрились своей хитростью, так что они и не догадались.

Арабы в походе.

лись. Посмотри, какой был конец их ухищрения: мы уничтожили их и весь народ этот“ (27. 51—52). Вот сколь „плодотворна“ божия хитрость. И она всегда неизменна для хитрящих против его. Об этом с агитационной целью вспоминает коран. „Предшественники их хитрили,—говорит коран о „неверных“, передавая библейское сказание, —но бог разрушил здание их до основания: кровля сверху упала на них, и казнь постигла их, откуда они не предполагали“ (16, 28). Чу-

---

[1]) Тут „неверные“, вероятно, мекканцы, враждебные мусульманам. О социальной обстановке раннего периода ислама см. у меня в очерке „К вопросу о происхождении ислама“, жур. „Атеист“, № 18, 1927 г., а также в ст. проф. В. Дитякина, „Маркс и Энгельс о происхождении и сущности ислама“ (жур. „Атеист“, № 22—23, 1927 г.) и „Основные принципы историко-материалистического анализа происхождения и развития ислама“ (журн. „Атеист“, № 27, 1928 г.).

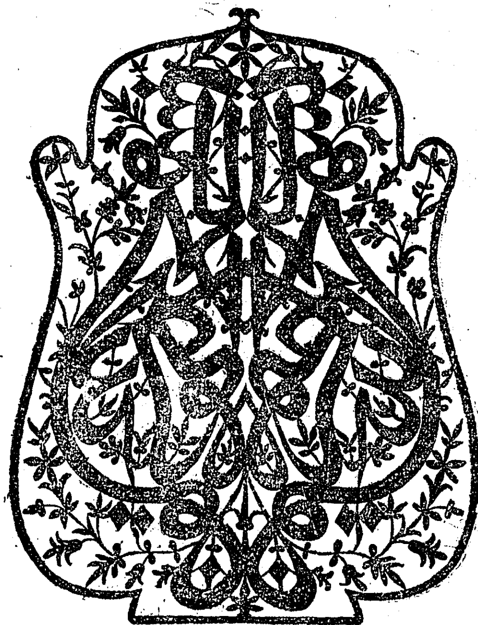
жие, не божьи хитрости, ничто для бога, ибо он же сердцеведец, знающ. Хитрость их—нуль перед хитростью бога, ибо она ему—„всезнающему“—известна.

Вот, пожалуй, полная картина коранического бога. Это, с одной стороны, милостивый даждь-бог, с другой—суровый судья, жестоко карающий за малейшие ослушания непокорных. Он—хозяин вселенной и всех ее обитателей, требующий беспрекословного подчинения и преклонения ему; он—восточный деспот, в страхе и зависимости от себя держащий свое „творение“, человека. Внешность его, как мы видели, безусловно антропоморфична (человекоподобна), лишь для произведения большего эффекта „всемогущественности“ все его органы и их действия чрезвычайно утрированы (преувеличены, усилены).

Человеку, его „творению“, подобно, как помнится, герою Беранже, остается лишь трепеща промолвить:

„Ведь я червяк в сравненьи с ним,
В сравненьи с ним,
С лицом таким,
С его сиятельством самим...“.

Теперь, после этого краткого изложения свойств и внешности бога, когда перед нами, хотя возможно и не совсем отчетливо, встает образ главного коранического героя, мы сможем перейти к изложению коранических систем миропостроения и миробытия.

„Бисми лляги р-рахмани р-рахими: ‚Во имя бога, милостивого, милосердного“,—арабское изречение, которым нужно начинать всякое особенно военное, дело.

ГЛАВА II.

Сотворение мира, земли и животных

а) Творение и устроение мира.

Бог корана, „**господь миров**",„ он тот, кто **сотворил небеса и землю,** истинно, **в то время, когда он сказал: „будь!"** и они получили бытие" (6, 72). Творение космоса, вселенной, таким образом, произведено богом одним лишь словом „будь!". Но это не было мгновением. Звукопроизношение слова „будь"!, повидимому, было очень продолжительным, так как в других местах, при том неоднократно, коран говорит о сотворении неба и земли в шесть дней [1]).

— „**Бог сотворил небеса и землю в шесть дней** в то время. как престол его был над водою" (11, 9; 7, 52). При этом, творение и устроение небес было неодновременным.

Из шести дней творения бог „**сотворил землю в два дня**" (41 8). Затем „он положил горные твердыни на ней, на ее поверхности; **в продолжении четырех дней благословил ее и поровну распределил на ней пропитание требующим его**" (41, 9). И лишь на пятый день, „**потом он** (бог.—Л. К.) **взошел к небу,** которое было как дым, и сказал ему и земле: идите ко мне добровольно **и он определил быть семи небесам в два дня,** и каждому небу указал свое дело. Низшее небо мы украсили светилами" (41, 10—11). Небо—творение позднейшее. **Он сотворил для вас** (людей, мусульман.—Л. К.) **все, что есть на земле; потом он взошел к небу и устроил там семь небес**" (2, 27).

Творил бог все это не безалаберно. Нет! Он руководился во всех своих действиях определенным планом, строил все, как говорится, на совесть: без трещин, на долголетие. Так, „бог, который сотворил семь небес и нечто подобное из земли" (65, 12), „сотворил семь небес (поставив) одно над другим сводами" (67, 3; 78, 12; 23, 17), очень искусно, без подпорок, не жалея при этом своих рук. „Небо созиждили мы руками своими,—хвалится бог в коране,—ими его расширили" (51, 47). „Он утвердил небеса без столпов, как видите их" (31, 9; 13, 2). И чтобы не нарушить своего прекрасного строения, „бог поддерживает небеса и землю, дабы они не обрушились; действительно, если они обрушатся, то никто, кроме его, не может поддержать их (35, 39).

Эти „семь твердей" (13, 2) бог сделал прекрасно. Об этом он говорит: „мы устроили над ними (людьми) небо и украсили его, так

---

[1]) О том, что же делал бог до сотворения вселенной коран не говорит. Так что, вероятно, и здесь остается в силе известный ответ Лютера: сидел в лесу и резал прутья для наказания интересующихся этим вопросом. Хотя, правда, А. Шпренгер приводит одну, сильно распространенную и пользующуюся среди мусульман авторитетом легенду, где, между прочим, женщина из Тарсуса, которой явились джинны (гении), на вопрос некого Абдаллах-ибн-Хусейн-ибн-Джабир-Масиси: „где господь был до сотворения неба?", отвечала: „на светлозарной рыбе, которая плавала в свете". См. A. Sprenger—„Das Leben und die Lehre des Muhammad. Band II. Berlin, 1862. Стр. 247—248.

что **нет в нем ни одной щели"** (50, 6). „В творении милостивого **не** увидишь нестройности. Возведи взор: увидишь ли в них (сводах небесных) какие-нибудь расселины? Возведи взор в другой раз (если не найдешь в первый.—Л. К.): опустится взор твой, утомившись и померкнув" (67, 3—4).

На этих „твердых сводах" (21, 33) бог, чтобы не оставить их пустыми, разместил „светила" и «воинства небесные» (48, 4, 7). Именно: „**низшее небо украсили светилами и поставили их для отражения диаволов**" (67, 5). „Установили светило, ярко пылающее" (78, 13). „**Он поставил на них (сводах) луну светящую, поставил солнце светилом**" (71, 15). При чем поставил их так, что „**каждое из них движеся по своему круговому пути**" (21, 34). „Солнце течет к назначенному месту: таково распоряжение сильного, знающего. Луне мы разграничили становище, так что она делается напоследок, как согнувшаяся старая ветвь пальмы. Ни солнцу нельзя настигнуть луну, ни ночи опередить день: то и другое движется [2]) по своему круговому пути" (36, 38—40). „Он день обвивает ночью, а ночь обвивает днем [1]); покорными делает солнце и луну: то и другое движется до назначенного срока" (39, 7), ибо их бог «сделал **служебными силами»** (29, 61). „**На службу вам устроил день и ночь, солнце и луну; звезды служат вам по его велению"** (16, 12; 10, 5—6). Они служат человеку: „солнце и луну для расчисления времени..., звезды для вас, для того, чтобы по ним вы во время темноты на суше и на море узнавали прямой путь" (6, 96—97).

«Небесным сводам», **бог „каждому небу указал свое дело"** (41, 11). „**Семь небес, земля и все, что есть на них, хвалят его"**, бога (17, 46). Бог «велел ему (небу. Л. К.) производить темноту ночи, заставил его изводить утреннюю светлозарность» (79, 29). Он спустил также с „горных небес" (20, 3) на землю лестницу. Он, бог, владыка „ступеней лестницы, по которой ангелы и дух восходят к нему в течение дня, которого продолжение пятьдесят тысяч лет" (70, 3—4). „Он низводит все с неба на землю, а потом оно восходит к нему в день, которого продолжение тысяча лет таких, какими вы считаете" (32, 4). Но лестница эта только для небожителей: человек, если и хотел бы влезть на небо, не был бы допущен воинством бога (52, 38; 6 35). Небеса охраняются ангелами от всех смельчаков—людей и диаволов. Никто из них не смог подслушать небесного разговора: «как скоро кто начинал прислушиваться, тотчас подвергался охранительному пламеннику» (72, 9); их «преследует яркий зубчато-мелькающий пламень" (15, 18).

Также об эстетическом удовлетворении людей подумал бог, творя небесный свод. „Мы—говорит он в коране—украсили низшее небо красотою звезд" (37,6); „мы установили на небе созвездия зодиака и сделали его красивым для зрителей" (15, 16). Кроме этого, небеса, изредка, когда богу нужно напомнить людям о его существовании, предназначаются к „метанию обломков", повидимому, метеоритов. Бог говорит: „если мы захотим, то велим земле поглотить их (неверных. Л. К.), или **велим небу низвергнуть на них какой-нибудь обломок.** В этом есть замение для всякого сокрушающегося в душе раба божия" (3, 9).

б) Творение и устроение земли.

Землю сотворил бог корана рассудительно. В четыре дня (41, 8—9), кои были затрачены на сотворение, устройство и благословение земли,

---

[2]) Буквально: „плывет".

[1]) Как обвивают полотном шапку, делая чалму. Примеч. переводчика.

всемогущий привел землю в тот вид, коему, лишь с небольшими видоизменениями, современниками мы являемся. Устроил же он землю следующим образом:

„**Землю мы разложили ковром;—как прекрасно мы разостлали ее!**",—говорит бог в коране (51, 48; 2, 20; 71, 18). „**Мы... установили землю, как ложе**" (78, 6). Бог „уложил для вас землю, **как колыбель**, проложил на ней для вас дороги, чтобы ходить вам прямо" (43, 9). „Он... распростер землю, **устроил на ней горные твердыни и реки**" (13, 3; 15, 19). „Он поставил на землю горные твердыни, **дабы она с вами не колебалась** („**устроил на ней расселины в горах**", 21, 32), **реки и дороги, чтобы вам ходить и ездить прямыми путями; горные вершины вместе с звездами указывают вам прямые пути**" (16, 15—16, 31. 9; 50, 7; 77, 27). Бог „**поставил землю неподвижною, установил на ней реки**, поставил на ней горные твердыни, **поставил между двумя морями преграду**" (27, 62).

в) Творение, расселение и предназначение животных.

„**Бог сотворил всех животных из воды**; из них некоторые ходят на чреве своем, некоторые ходят на двух ногах, а некоторые ходят на четырех. Бог творит, как хочет" (24, 44).

Сотворивши „всяких животных", бог „рассеял" их по земной поверхности (2, 159; 31, 9; 45, 3). Разукрасил их так, что в „зверях, скотах есть... разные цвета" (35, 25). Предназначены „из скота одни для перевоза тяжести, другие для заклания в пищу" (6, 143). Бог повелевает жизнью всякой твари; „не видели ли они птиц, которым повелено летать под твердью неба? Кто, опричь бога, поддерживает их там? В этом—знамения для людей верующих" (16, 81).

Час изучения корана в арабской школе.

ГЛАВА III.

Учение о человеке

а) Творение человека, падение „ангела из числа высших“ и первый грех человеческий.

Человека бог сотворил подобно небесам: собственноручно. Правда, из несколько худшего материала, чем ранее сотворенных гениев и ангелов. Последних бог сотворил „из огня“ (7, 11; 38, 77) и наделил их двойными, тройными и четверными крыльями (35, 1).

Семь раз в коране рассказывается о создании человека. (Не считая беглых упоминаний, это: 2. 28—37; 7, 10—24; 15, 26—43; 17, 63—67; 18, 48; 20, 114—123; 38, 71—85).

Сотворение человека явилось, повидимому, серьезной задачей для бога. Прежде, чем сотворить его, „поставить на землю наместника“ (2,28), он имел беседу и даже спор, „состязание“ **с „верховным сонмом“** ангелов (38, 69; 2, 28).

„Вот господь... сказал ангелам: я поставлю на земле наместника. Они сказали: неужели поставишь на ней того, кто будет делать непотребства на ней и будет проливать кровь, тогда как мы воссылаем славу тебе и святим тебя? Он сказал: я знаю то, чего не знаете вы“ (2,28).

После сей беседы, после того, как **„все сотворил прекрасно“** (32, 6), бог приступил к сотворению первого человека.

Человек, по учению корана, состоит из двух противоположных природ, „сущностей“: телесной и духовной. Творение человека поэтому происходило тоже не сразу. Бог творит человека подобно тому, как строится современная электро-мельница. Раньше он возводит все твердые основания и внутренние органы человека (само здание мельницы и ее внутреннее оборудование), и, лишь когда человек внешне готов, отделан, бог дает ему жизненную силу, „одушевляет“ его, после чего человек становится подвижным, способным производить работу (как после пуска электрического тока „оживает“, начинает работать построенная электрическая мельница).

Итак, бог сначала творит телесную „оболочку“, основание человеческого организма. Материалом для нее он взял некий x (икс, искомое) из тех веществ, которые упоминаются в коране при изложении вопроса человеческого происхождения. А именно, в отношении выбора богом веществ, из коих сотворен человек, различные места корана разноголосят. **Окончательного представления, из чего создан человек, на основании корана сделать нельзя.** Так, ряд мест корана (3, 52; 18, 35; 22, 5; 30, 19; 35, 12) говорит, что **человек сотворен из земли** („мы создали вас из земли“ (22, 24). Другой ряд текстов говорит нам, что не из земли, а **из глины** (термины обозначения глины и земли в арабском тексте корана различны: 7, 11; 32, 6; 38, 71, 77). Указывается также, что не из земли и глины, но из **сущности глины** (23, 12). Утверждается еще, с одной стороны, что **глина была сухая, „звенящая“**

(55, 13), с другой,—что **глина была липкая, следовательно, сырая** (37, 11), и в-третьих, что **глина была вонючая, гончарная, „скудель“** (15, 26, 28, 33). Наконец, коран говорит и о том, что **человек сотворен из воды** (25, 56).

Вылепив, сотворив оболочку, как бы маску, манекен человека из одного из перечисленных веществ, бог „**потом размерно образовал его и вдохнул в него от духа своего. Он дал вам (людям. Л. К.) слух, зрение, сердце**“ (32, 8; 15, 29; 38, 72). Словом, бездыханное изваяние, скульптуру он „оживил“.

«Чудеса творения». Ангел Азраил (в коране говорится о нем без указания имени). Миниатюра Казвини. 1580 г. Азиатский музей в Ленинграде.

При этом момент оживления первого человека, подобно моменту пуска большой электро-мельницы, бог корана, аллах, постарался отметить особенно торжественно. Он собрал все свое небесное воинство, всех ангелов и гениев. Он сказал им: „когда я дам ему (человеку. Л. К.) надлежащий образ и вдохну в него моего духа, тогда вы припадите и поклонитесь ему“ (38, 72). И вот бог вдохнул от своего „духа“, „и ангелы поклонились все, каждый из них, кроме Иблиса“ [1]) Он возвеличился и встал в **числе** (!) неверных. Он (бог. Л. К.) сказал: Иблис! что удержало тебя от поклонения тому, кого сотворил я своими руками? Ты возвеличился не потому ли, что ты из числа высших? Он (Иблис. Л. К.) сказал: я лучше его: меня сотворил ты из огня, а его сотворил из персти. Он (бог. Л. К.) сказал: выйди отсюда, ты, прогоняемый камнями. Мое проклятие на тебе до дня суда. Он (Иблис. Л. К.) сказал: господи! отсрочь мне до дня, в который они (люди. Л. К.) воскрешены будут. Он (бог. Л. К.) сказал: ты **один из тех** (!!), которым дается отсрочка до дня известного времени. Он (Иблис. Л. К.) сказал: клянусь твоим величием: я введу в заблуждение всех их (людей. Л. К.), кроме твоих рабов, тех,

---

[1]) Иблис или Ивлис—дьявол, сатана ислама. Некоторые из мусульманских толковников (напр., Beidavii, Commentarius in Coranum, т. 1, стр. 49—52; ed Fleischer. Lipsiae 1846—1848) производят слово „Иблис“ от греческого διαβολος, некоторые—от арабского „баляса“, что значит „отчаялся“. Некоторые другие, арабские писатели и поэты (напр., Навави, Джеугари и в стихах „Макамат“ Харири) видят значение слова „Иблис“ как: „враг божий“, „отец горечи“, зла и др. Это расхождение понятия слова Иблис простирается и на толкование его природы. Так, некоторые полагают, что он был ангел, но это противоречит 18, 48 корана, где говорится, что Иблис „из гениев“. Поэтому мусульманским богословием построены целые системы выхода из столь затруднительного положения. Одни из этих построений говорят, что Иблис по природе своей ангел и если и был назван в коране гением, то потому только, что по поступкам своим уподобился джиннам. Другие же, наоборот, считают Иблиса по природе джинном, лишь жившим среди ангелов, над тысячами которых он, будто бы, начальствовал. Наконец, некоторые, находят выход в признании отсутствия различия между ангелами и джиннами (гениями), что следует, по их словам, из сотворенности тех и других из сродных стихий (ангелы—из света, джинны из пламени). Поэтому и в данном случае (38, 74) повеление поклониться Адаму относилось как к ангелам, так и к гениям (следовательно, и к Иблису).

которые будут искренни перед тобою. Он (бог) сказал: истинно, истинно говорю: наполню геенну тобой и теми, которые последуют тебе, ими всеми“ (38, 73—85).

Таким образом, момент оживления первого человека явился моментом падения (первого ли?) ангела „из числа высших“. Пал Иблис, став сатаною, диаволом, царем преисподней. Человек же, как увидим, введен был в рай господень. Здесь, отметим, мы имеем в коране некоторую несогласованность. Именно, тогда как почти во всех коранических текстах о сотворении человека, о создании женщины ничего не говорится, в некоторых местах при введении в рай откуда-то появляется супруга первого человека. Сотворена она—первая женщина,—судя по корану, из мужчины, для его удовольствия. Коран говорит: „он (бог. Л. К.) сотворил вас из одного человека; **произвел из него супругу ему для того, чтобы ему успокаиваться у нее**“ (7, 189). При этом супруга произведена была не сразу по сотворении человека. Нет: „он сотворил вас от одного человека; потом из него произвел супругу ему и доставил вам в пищу восемь скотов в четырех парах“ (39, 8)[1].

По описанию, изложенному во второй главе корана, падение Иблиса и введение в рай происходило несколько иначе. Здесь имеется уже наличие „супруги“ и бог показывает пред ангелами достоинства своего „наместника“ на земле, в полезности которого, как мы ранее видели, ангелы и гении сомневались. Для этого бог „научил Адама всем именам, потом предложил об них ангелам, сказав: возвестите мне имена сии, если вы справедливы (в вышеприведенном осуждении творения человека. Л. К.). Они сказали: хвала тебе! У нас познание только о том, чему ты научил нас... Он сказал: Адам, возвести им имена их! И он возвестил им имена их; он (бог. Л. К.) сказал: не сказал ли я вам, что знаю тайны небес и земли и знаю, что обнаруживаете и что скрываете. И вот мы (бог. Л. К.) сказали ангелам: поклонитесь Адаму, и они поклонились, кроме Иблиса... Мы (бог. Л. К.) сказали: **Адам, живи ты с твоею супругою в раю**, вкушайте от него в удовольствие себе везде, где ни хотите; но не приближайтесь к этому дереву, чтобы вам не сделаться преступниками. После того сатана, споткнув об него, уронил их обоих (Адама и его супругу. Л. К.) и удалил их оттуда, где они были. И мы (бог. Л. К.) сказали: низвергнитесь! Вы враги друг другу. А вам на земле постоянное жилище и жизненные потребности до времени. Потом Адам принял от господа своего слова, и он сжалился над ним, кающимся, потому что он жалостив к кающимся, милосерд. Мы (бог. Л. К.) сказали: **низвергнитесь из него вполне такими, какими вы ныне**; некогда придет к вам от меня руководство; тем, которые последуют моему руководству, не будет страха, они не останутся в печали. А те, которые будут неверными, почтут наши знамения ложными,—те будут мучиться в огне, в нем пребудут вечно“ (2, 29—37)[2].

Подобную же картину, с развитием дальнейшего, рисует коран и в другим местах. „Прежде—говорит бог в двадцатой главе корана— мы вступали в завет с Адамом; но он был забывчив, мы не нашли в нем твердости. Вот, мы сказали ангелам: поклонитесь Адаму

---

[1]) Считаем необходимым заметить, что, по учению ислама, бог „творил“ супругу Адама несобственноручно. Он поручил это дело ангелу Гавриилу, который, вынув во время „сладкой дремоты“ у Адама ребро, произвел из него „приятного“ ему „товарища“, дабы он один не скучал.

[2]) Последнее- принятие от бога слова Адамом, как и следующая, приводимая нами, цитата, явились одной из причин утверждения, что Адам—первый посланник, пророк аллаха.

(следует пересказ приведенного. Л. К.). ...**И мы сказали:** Адам!.. истинно в нем (в раю. Л. К.) **ты не голодуешь, ни наготуешь** (!!) [1]; Сатана обольстил его; он сказал: Адам! не показать ли тебе дерево вечности и владычества, которое не прекратится? Они вкусили от него и открылась им нагота их (как же—„не наготуешь"?Л.К.); они начали сшивать для себя листья с деревьев рая; Адам преслушался бога своего и заблудился. Потом господь его избрал его, сжалился над ним и поставил его на прямой путь. Он (бог) сказал: низвергнитесь из него (из рая) оба вы вместе: вы один другому враг" (20, 114—121).

Ангел в представлении мусульман-шиитов. Миниатюра персидского манускрипта изображает шаха Тахмаспа—юношей с раскрытой книгой в руках; возле него ангел с золотой короной на голове. Джами, 1568 г.

Несколько другой вариант этого же момента приведен в седьмой главе корана. Поскольку он нам будет не бесполезен в дальнейшем, мы приведем его. „Мы—говорит бог в нем—сотворили вас, и дали тогда вам определенный образ. В то время мы сказали ангелам: поклонитесь Адаму! И они поклонились, кроме Иблиса: он не был в числе поклонившихся. Он (бог) сказал: что тебе воспретило поклониться, когда я повелел тебе? Он (Иблис. Л. К.) сказал: я лучше его: меня ты сотворил из огня, а его сотворил из глины Он (бог) сказал: ...не подобает тебе считаться здесь великим; выйди отсюда, потому что ты стал в числе умалившихся. Он (Иблис) сказал: отсрочь мне до

---

1) В представлении мусульман Адам был введен в рай в одежде. Вот пример, взятый из мусульманского предания (сунны), образец того, как представляется первобытная жизнь Адама в раю: „После сотворения Адама—передается в предании,—и одушевления его, бог одел его райскою одеждою, а свет Мухаммеда в это время блистал на лице Адама, как луна в четырнадцатый день месяца(вариант: как полная луна в ночь Бедрской битвы). Ангелы посадили его на трон и носили на своих плечах. Всевышний бог сказал им: носите его по всем небесам на троне, так, чтобы он видел чудеса небесные, все, что находится на них, дабы он укрепился в вере. Ангелы сказали: господи, слушаем и покоряемся. И вот, они носили его на своих плечах и ходили с ним по всем небесам в течение ста лет. Потом бог сотворил для Адама лошадь из белого мускуса, которую назвал Маймуна (счастливая). У ней было два крыла—из жемчуга и коралла. Адам садился на нее при помощи ангелов: Гавриил держал ее под уздцы; Михаил находился с правой стороны, а Исрафил с левой. И об'ехали они по всем небесам. На пути Адаму встречаются ангелы, которых он приветствует: мир вам! Ангелы отвечают ему: и тебе мир. И сказал всевышний бог: Адам! Соблюдай это приветствие твое. Да будет оно приветствием между верующими из твоих потомков до дня воскресения". Таким образом, и современное приветствие правоверных—Эс селямю'—алейкюм—(„Мир да будет над вами" или „с вами") находит себе „основание" в мусульманском предании, у праотца человечества!

дня, в который будут воскрешены они. Он (бог) сказал: ты в числе тех (!), которым отсрочено. Он (Иблис. Л. К.) сказал: за то, что ты уклонил меня от прямой стези, я буду делать засады им на твоем прямом пути. Я буду нападать на них спереди и сзади, справа и слева, и ты увидишь, что многие из них будут неблагодарны. Он (бог. Л. К.) сказал: выйди отсюда посрамленным, отверженным. Кто из них последует за тобой... вами всеми наполню геенну. Адам, обитай ты и твоя супруга в раю, оба ешьте все, чего ни захотите, но не приближайтесь к этому дереву, чтобы не сделаться вам преступными. После сего сатана искушал их [1]), чтобы показать им то, что было сокрыто от них,—наготу их [2]). Он (Иблис) сказал: господь ваш запретил вам это дерево только потому, чтобы вы не сделались ангелами или не сделались вечными. И он клялся им: истинно я вам добрый советник. Так довел он их до самообольщения. Когда же они вкусили плода того дерева, им открылась нагота их, и оба они начали сшивать для себя одежды из древесных листьев рая. И господь воззвал к ним: не запретил ли я это дерево? Не говорил ли я вам, что сатана вам от'явленный враг. Они (прародители рода человеческого. Л. К.) сказали: господи наш! Мы погубили души наши; если ты не простишь нам и не помилуешь нас, то мы будем несчастны. Он (бог. Л. К.) сказал: низвергнитесь! Вы враги **одни другим** [3]); на земле будут вам жилище и жизненные потребности до времени. Он сказал: на ней будете жить, и на ней умрете и из нее возвращены будете" (7, 10—24).

Вскоре после описанного грехопадения человек, по корану, забыл своего творца, стал многобожником. Поводом к этому была презренная плоть: первое половое сношение и последовавшие за

---

[1]) Относительно вида, в каком проник Иблис в рай (после ряда неудачных попыток) для искушения первых людей, в мусульманском богословии не имеется единого взгляда. Все же, наиболее распространенным и, если можно так выразиться, канонизированным, является взгляд, что он произвел это с помощью змея. Дело было так. Диавол пытался несколько раз проникнуть в рай, но стражи рая преграждали ему путь. Тогда он обратился к райским животным с предложением, не пожелает ли которое-нибудь из них провести его в рай, внутри себя. Все животные отказались от этого предложения Иблиса. После тщетных усилий пройти в рай под прикрытием какого-нибудь животного, дьявол обратился, наконец, с просьбою об этом к змею. Змей был самым прекрасным животным в раю по своему внешнему виду и устройству. Он был похож на верблюда, имел четыре ноги и отличался мудростью. Настоящий свой вид, по мусульманским преданиям, змей принял после грехопадения первых людей: после этого события он был проклят и сделался врагом рода человеческого, ноги у него отпали, и он стал ползать, пищей его стал прах. См. Biblische Legenden der Musulmänner. Aus arabischen Quellen Zusammengetragen und mit judischen Sagen verglichen von Weil. Francfurt. 1845. Стр. 21—24. Змей не отказался удовлетворить просьбу Иблиса. Иблис проник в рот змея и притаился на его языке (между зубами, или сел на голову змея); по другой вариации, змей проглотил его и таким образом ввел в рай незаметно для стражи. В раю Иблис вышел из уст змея и стал искушать прародителей. Во время искушения, по мусульманскому преданию, Иблис предстал и разговаривал с прародителями человечества в образе человека (по некоторым,—был невидим, а по Рабгузыю, пользующемуся большою известностью у мусульман-суннитов,—Иблис до конца своего пребывания в раю находился на языке змея). Красивый вид последнего („у него были красные и зеленые крылья") и его высокое положение („над раем он был стражем"), по рассказу Рабгузы, соблазнили Еву к разговору с ним (с обитателем его языка—Иблисом).

[2]) Как видим, явное противоречие с вышеприведенным местом 20-й гл. корана,—о чем мы отмечали уже раз в тексте—„не наготуешь".

[3]) По замечанию переводчика корана-Казимирского, употреблено в смысле— „т.-е. люди и сатана будут в вечной вражде". См. „Коран Магомета". Переведен с арабского на французский переводч. франц. посольства в Персии Казимирским, с примечаниями и жизнеописанием Магомета. С франц. пер. К. Николаева. Изд. третье. М. 1876.

ним—беременность и рождение человека. Об этом коран говорит следующее: „он (бог. Л. К.) сотворил вас от одного человека; произвел из него супругу ему для того, чтобы ему успокаиваться у нее. После того, когда он покрыл ее, она обеременела легким бременем и носила его; когда же оно стало тяготить ее, оба они стали просить бога, господа своего: „если ты дашь нам стройно-красивого, то мы будем благодарными". **Когда же он дал им стройно-красивого, они придумали соучастников ему в том, что он сделал для них. Да будет превозносим бог, не имеющий соучастников, каких допускают они!"** (7, 189—190).

Итак, творец, создавший человека не „как-будто бы какую игрушку" (23, 117), но „**сотворил... людей только для того, чтобы они поклонялись мне**", **богу** (51, 56), лишается их поклонения с начала же их жизни... Странная „последовательность" в деяниях и мечтаниях „всемогущего", „всевышнего"!

Как и первых людей, бог „потомство... его (первого человека. Л. К.) производит из семени, из ничтожной влаги" (32, 7), тоже „давая ему наипрекраснейшее устройство" (95, 4). Это обстоятельство, на ряду с другими, как мы увидим впоследствии, является средством обуздания человека для того, чтоб „тишь и гладь" были на бренной земле. „Человек! что возбуждает тебя к дерзости против должночтимого господа твоего, который сотворил тебя, дал тебе стройность, все в тебе соразмерил, составил тебя в том образе, в котором хотел?" (82, 6—9).

По „духовному" облику, по характеру бог сотворил человека уже с готовыми, сложившимися в основном, чертами. Он, „**человек — тороплив**" (17, 12). „В природе человека есть торопливость" (21, 38). „**Человек сотворен слабым**" (4, 32); „**сотворен малодушным**" (70, 19). „**Когда постигает его злополучие, он оказывается слабодушным; когда постигает его благополучие, он оказывается непослушным**" (70, 20—21). Причина характера человека, таким образом, тоже, ясна.

б) Воля человека.

На первый взгляд, зависимость всего существующего от бога, божье проникновение во все, исключает возможность наличия чьей-либо самостоятельной воли, кроме воли аллаха. Это так, если быть логичным, не противоречить себе самому. Но это не так в коране. В том коране, в котором на ряду с наличием внутренних противоречий, ничтожную часть которых мы уже имели случаи указать, утверждается, что **в коране „нет противоречий"** (4, 84).

В коране, как, впрочем, почти во всех та кназываемых „священных" книгах, в „волевом" вопросе, в вопросе степени самостоятельности действий, поступков и т. д. „творений" от их „творцов", уживаются два диаметрально противоположных взгляда. Один из них, взгляд, не допускающий и мысли о какой либо свободе от божьей воли, мы уже имели возможность более или менее подробно осветить, почему и не будем сейчас на нем долго останавливаться.

„Господь твой,—говорит коран,—творит, что хочет и что свободно избирает", но „**у них (у творений божиих) нет свободного выбора**" (28, 68). „**Вы, (люди) можете хотеть только того, чего хочет бог**, господь миров" (81, 29). „**Душа (человека) может веровать только по изволению бога**" (10, 100). **Люди, „они захотят только тогда, когда захочет того бог**" (76, 30). Все, даже наставление коранического бога, люди получают „только, когда хочет бог". Об этом

возвещает сам коран: „Истинно, **он**[1])—есть наставление. Кто **захочет, тот** получит наставление от **бога: но получают от него наставление тогда только, когда хочет бог:** он (бог) виновник благочестия, он виновник прощения" (74, 54—55). **„Бог уводит в заблуждение, кого хочет, и прямо руководит, кого хочет"** (35, 9). Вот первый взгляд, первая точка зрения.

Не останавливаясь на ней долее, познакомимся со вторым взглядом, со второй точкой зрения, которая дает „свободу действий" человеку.

„Скажи,—говорит бог корана своему посланнику: Народ мой! Действуй по своему душевному настроению, я буду действовать по своему" (6, 135). Моя, мол, хата с краю, и я ничего не знаю: делай, что хочешь. Но помни только: от тебя зависит, чем „наградит" бог тебя после смерти, да, пожалуй, и при жизни земной. Помни: „Всякому, имеющему душу, надобно умереть не иначе, как по воле бога, сообразно книге, в которой определено время жизни. **Кто хочет себе награды в здешней жизни, тому мы и дадим ее; а кто хочет награды в будущей, ее и дадим мы тому**» (3, 139). „**Кто хочет сеять для будущей жизни, для того мы сделаем обильным посев его; а кто хочет сеять для этой жизни, мы доставим ему пожать от него, но ему не будет уже никакой доли в будущей**" (42, 19). Таким образом, не от воли бога, но лишь от личного желания, „хотения", зависит благополучие человека. Не бог, а человек устраивает свою жизнь так или эдак. Бог лишь подсобное, безвольное существо, выполняющее человеческие прихоти.

И это далеко не единственные места. Нет, об этом говорится не раз. „Истина" бога необязательна. „Скажи—читаем в коране: истина от господа вашего: **кто хочет, уверует, кто хочет, будет неверным**" (18, 28). Даже больше: человек избегает „истины", „прямого пути". „Когда мы (бог. Л. К.) благодетельствуем человеку,—жалуется герой корана,—он удаляется, уходит в свою сторону; когда же постигнет его бедствие, он отчаивается. **Скажи: каждый поступает по своему произволу**" (17, 85, 86). „**Кто захочет**, тот изберет путь ко господу своему" (78, 39). „**Кто захочет**, тот будет помнить его" [2]) (80. 12). Как видит читатель, расхождение между приведенными двумя взглядами—детерминизмом и индетерминизмом человеческой воли—большое.

Дистанция, поистине, огромного размера! Косвенно это расхождение привело, к слову сказать, в дальнейшей истории ислама к одному из крупнейших расхождений различных его направлений. Так, шииты считают предопределение лишь как свойство аллаха, человека же—вольным в своих действиях. Склонение человека к „добру" или „злу", по шиитизму, зависит лишь от произвола склоняющегося.

в) Заблуждение человека и посланники бога.

Идя этим путем дальше, заглядывая в течение человеческой жизни всех возрастов, мы заметим ту же несогласованность. Это не удивительно, ибо **идея предопределения**, взгляд, говорящий, что каждое действие, каждый шаг „творения" предопределен и известен „творцу", является **основной** идеей корана.

Итак, бог наделил, дал известную свободу воли человеку. И эта дарованная богом воля повергла человека в „заблуждение" удаляя его от божьего „прямого пути". Первый райский грех (см. выше) положил этому начало. Человек стал источником зла: „**что до-**

---

[1]) Коран.
[2]) Т.-е. коран.

брого ни бывает с тобой,—говорит бог Мухаммеду,—**оно от бога; а что злое бывает с тобой, то от тебя самого"** (4, 81) [1]).

Заблуждения человечества заходили иногда так далеко в сторону от „прямой божьей стези", что богу, дабы не потерять его вовсе, приходилось посылать благовестников — пророков и посланников,— чтобы вывести заблудившихся на „прямой путь". В роли этих призывных колоколов для вывода на „истинный путь" заплутавшихся в мудрствованиях лукавых, углубившихся в многобожие и просто безверие, людей, аллах, судя по корану, посылает ряд пророков и посланников. Они, в своем большинстве, являются „старыми знакомцами" нашего читателя. Это: Адам, Идрис (Энох) [2]), Нух (Ной), Гуд, Салих, Шухайб (или Шохайб), Ибрагим (Авраам), Лот, Исхак (Исаак), Измаил, Якуб, Юсуф (Иосиф), Муса (Моисей), Харун (Аарон), Аюб (Иов), Дауд (Давид), Сулеймам (Соломон), Лукман (Эзоп-баснописец, тождественность сомнительна), Дзу-ль-Карнайн („владелель двух рогов", или двурогий—Александр Македонский), Дзу-ль-Кифль, Юнус (Иона), Ильяс (Илия), Аль-Ясаг (Елисей), Ездра (признание более, чем сомнительно; 9, 30), Зякрийя (Захария), Яхья (Иоанн Креститель), Иса ибн Марьям (Иисус христос) и Мухаммед — заключение пророков. Всего, таким образом, двадцать восемь персон. Но пусть читатель не думает, что этим исчерпываются все пророки и посланники аллаха. Нет, это лишь те из пророков и посланников божиих, коим суждено было быть выведенными на страницах корана. Удостоено же последнего было, повидимому, небольшое количество. **„Еще прежде тебя, говорит аллах Мухаммеду, мы посылали посланников (о некоторых из них мы рассказали тебе, а о некоторых из них мы тебе не рассказывали)..."** (40, 78). Посланников же было, как видится, много: имя им—легион: **„К каждому народу был свой посланник"** (10, 48) [3]). Некоторые из них были потомственны. Так, коран упоминает, что „бог из среды миров избрал... семейство Имрана (отца Марии, матери Иисуса; она „дочь Имрана, которая сохранила свое девство", 66, 12. Л. К.), бывших потомками, одни после других" (3, 30).

Посланники божии представляют собой божьих „избранников", и не только из людей, но и из небесной челяди аллаха. Посланники, правда, в коране подробно не описываются. Но **„бог,—говорит коран,—избирает посланников из ангелов и человеков"** (22, 74). При этом

---

[1]) Интересно то, что данное место прямо противоположно предыдущему стиху (80) той же (4) главы корана. Оно гласит: „Если случается с ними (не мусульманами. Л. К.) доброе, то они говорят: это от бога; а если случится с ними злое, то говорят: это от тебя (посланника. Л. К.). Скажи: ВСЕ ОТ БОГА, что это за люди! Не могут они понять никакого нового учения". Потуги толкователей корана согласовать это противоречие, явно, несостоятельны.

[2]) Интересно замечание акад. В. В. Бартольда об этом пророке: „для многих мусульманских ученых... упомянутый в коране пророк Идрис—одно и то же лицо с Гермесом, мифическим родоначальником античной мудрости; он же научил людей почитать единого бога, исполнять предписанное и избегать запретного". В. Бартольд,— „Мусульманский министр-философ эпохи крестовых походов". Журн. „Восток". Москва—Ленинград. 1924 г. Книга IV, стр. 136.

[3]) Следует заметить, что эта и ряд других цитат корана привели в скором времени мусульманскую богословскую мысль к мнению, крепко держащемуся до последнего времени, что пророков было несметное множество. А именно, по одному преданию, их было 124.000, по другому—224.000. При этом в самом понятии—„пророк", по учению ислама, существует известная разница: пророк есть человек, избранный и посланный аллахом к людям или для возобновления того, что уже прежде получено от бога, для восстановления чистоты ранее данных и искаженных людьми законов бога, или для сообщения, оповещения и введения новых постановлений, новых законов бога. В первом случае пророки называются „набий'ями," во втором—„расул'ями".

посланники божии „из человеков“ обладают особыми, не присущими простым смертным, качествами и способностями. „Мы, — заверяет аллах,—посылали только [1]) людей“ и „не давали им такого тела, при котором они не ели бы пищи; они не были бессмертны“ (21, 7—8). Приходили „посланники из среды вас (людей, „сынов Адама“. Л. К.) самих“ (7, 33). И даже были людьми семейными [2]). При чем „каждый посланник, какого ни посылали мы, говорил на языке своего народа, для того, чтобы говорить понятно им“ (14, 4). Но кроме того, что посланники божии есть „верные“, „досточтимые“ и „несомненные“, что они „ничего не боятся“ [3]),—они наделены, как говорится в „лучшем“ „из рассказов, какие мы (бог. Л. К.) открыли... в этом коране“ [4]),—способностью „толкования сновидений“, творения „знамений“ — проще—„чудес“ [5]).

Описание жизни и деятельности отдельных пророков неравномерно. Некоторым из них посвящены почти целые главы (см., напр., гл. 12—„Иосиф“), о других же, если и упоминается, то лишь вскользь, в контексте речи (см., напр., Елисей—6, 86 и 38, 48, Дзу-ль-Кифль—21, 81 и 38, 48). Блистательнейший из пророков—Мухаммед назван по имени лишь четыре раза [6]).

По своему внутреннему содержанию повествования о пророках поражают своей монотонностью. В большинстве случаев это лишь плохо перефразированные пересказы иудейской библии, отражение легенд Сирии, Персии и т. д.

г) Мухаммед—заключение пророков [7]).

Идея послания пророков, посланников божиих для наставления совратившегося „с пути истинного“ человечества и преподания ему „для руководства“ божественных законоположений, получила наибольший размах в коранических повествованиях, приписываемых Мухаммеду.

Мухаммед, „неученый пророк“ (7, 158), судя по корану, был предсказан и „описан“ еще в законе (ветхом и новом завете) (7, 156; 46, 7—9). О его грядущем пришествии было, как оказывается, возвещено еще Адаму, после его падения. Помните, в цитате, приведенной нами выше, слова: „... Некогда придет от меня к вам руководство“ (2, 36), так это о пришествии Мухаммеда. Об этом аллах даже держал „завет“ с пророками. „Некогда,—говорит коран,—бог поставил с пророками завет: вот это даю я вам из писания и мудрости, **потом придет к вам посланник**, подтверждающий истину того, что у вас; вы должны веровать в него и помогать ему. Исповедуете ли и принимаете ли на

---

[1]) Как видим, явно противоречивое утверждение по отношению к вышеприведенному—22, 74.

[2]) „Мы—заявляет бог в коране—посылали посланников и давали им супруг и чад“ (13, 38).

[3]) 44, 12, 16, 17; 43. 28; 27, 10. Этому, правда, можно найти не одно противоречие.

[4]) Гл. 12—„Иосиф“. См. стих 102 и др.

[5]) Как следует из некоторых коранических повествований, пророкам и посланникам в последнем помогает сам бог. „Огонь, будь хладен! Мир Аврааму!“ (21, 69)—восклицает бог корана, выручая Авраама из неприятного положения. У Соломона, оказывается, „из диаволов были некоторые... водолазами для ловли жемчуга и, кроме того, делали другие дела; мы (бог. Л К.) за ними наблюдали“ (21 81).

[6]) 3, 138; 33, 40; 47, 2; 48, 23.

[7]) Считаем необходимым заметить, что изложенная в данном параграфе картина жизнедеятельности Мухаммеда основана, помимо корана, на спорных моментах предания, к которым автор относится критически (см. „От автора“ к настоящему изданию).

этом союз со мною (аллахом.—Л. К.)? Они (пророки.—Л. К.) сказали: исповедуем. Он (бог. Л. К.) сказал: так будьте свидетелями и я с вами в числе свидетельствующих"... (3, 75). Верно следовал этому завету Авраам: он произнес пророческую молитву о Мухаммеде: „Господи наш!—молился Авраам—воздвигни среди нас посланника из них самих (арабов.—Л. К.), чтобы он читал им знамения твои, научил их писанию и мудрости, и сделай их чистыми, ибо ты силен, мудр" (2, 123). Подобным образом поступил и Иисус христос, который в коране признается за пророка, непосредственно предшествовавшего Мухаммеду. Он, будто бы, в переданном ему от бога евангелии указал на пришествие Мухаммеда, правда, под именем Ахмеда." Некогда,—свидетельствует коран,—Иисус сын Марии сказал: сыны Израиля! Я божий посланник к вам для подтверждения закона (Моисеева.—Л. К.), который в руках у вас, и для благовестия о посланнике, который придет после меня, которому имя Ахмед" (61, 6). Таким образом, даже само послание Иисуса имело, с одной стороны, целью „благовестие" о Мухаммеде.

Мухаммед титулуется кораном как „только посланник" (3, 138) „посланник его", бога (9, 1, 3; 4, 135), „посланник божий" (48, 29), „пророк" [1]) и, наконец, „только посланник бога и печать пророков", (33, 40). Послан же он был к язычникам-арабам [2]), к знающим писание, т.-е. к евреям и христианам [3]), и просто к людям и гениям [4]).

О жизни Мухаммеда из корана мы узнаем крайне мало. Лишь несколько рассеяных ничтожных отрывков, раскиданных в разных концах корана, могут нам сказать о ней. На свое пророческое поприще, как Мухаммед сам заявляет в коране, выступил он уже в пожилых годах: „прежде сего (т.-е. прежде преподания людям „откровения" божьего) я уже много провел моей жизни между вами" (10, 17). Был Мухаммед бедный (93, 8), „неученый", неграмотный, „вышедший из среды сих безграмотных" (62, 2). „Прежде него (корана) ты не читал никакого писания, ни черты из него не писал твоею рукою" (29, 47); „ты не знал, что такое писание, ни того, что такое вера" (42, 52). И лишь „бог ниспослал к тебе писание и мудрость и научил тебя тому, что ты прежде не знал" (4. 113). „...Блуждающим... он нашел тебя и на прямой путь поставил"... (93, 7)

Незнатность и неученость Мухаммеда, его неаристократичность, судя по корану, сильно мешали первоначальному распространению коранических идей. „Когда пришла к ним (многобожникам-арабам) истина,—читаем в коране,—они сказали: это—чародейство! И мы ему [5]) не верим. Они сказали: почему бы этому корану не быть ниспослану какому-либо почетному человеку в этих двух (повидимому, в Мекке и Таифе. Л. К.) городах?..." (43, 29—30). После одной из ранее приведенных цитат, характеризующих неграмотность Мухаммеда, коран указывает на нее, как на причину неуспеха проповеди посланника: „от того,—говорит он,—легкомысленные сомневаются" (29, 47).

Дело шло плохо. „Несть пророка в отечестве своем" имело силу. Все встречали новоявленного „посланника" насмешками. „Они

---

[1]) 3, 61; 7, 157—158; 8, 65—66, 71; 9, 74; 48, 12; 65, 11. Заметим, что, подобно аллаху, мусульмане приписывают и Мухаммеду 99 „прекрасных" имен.

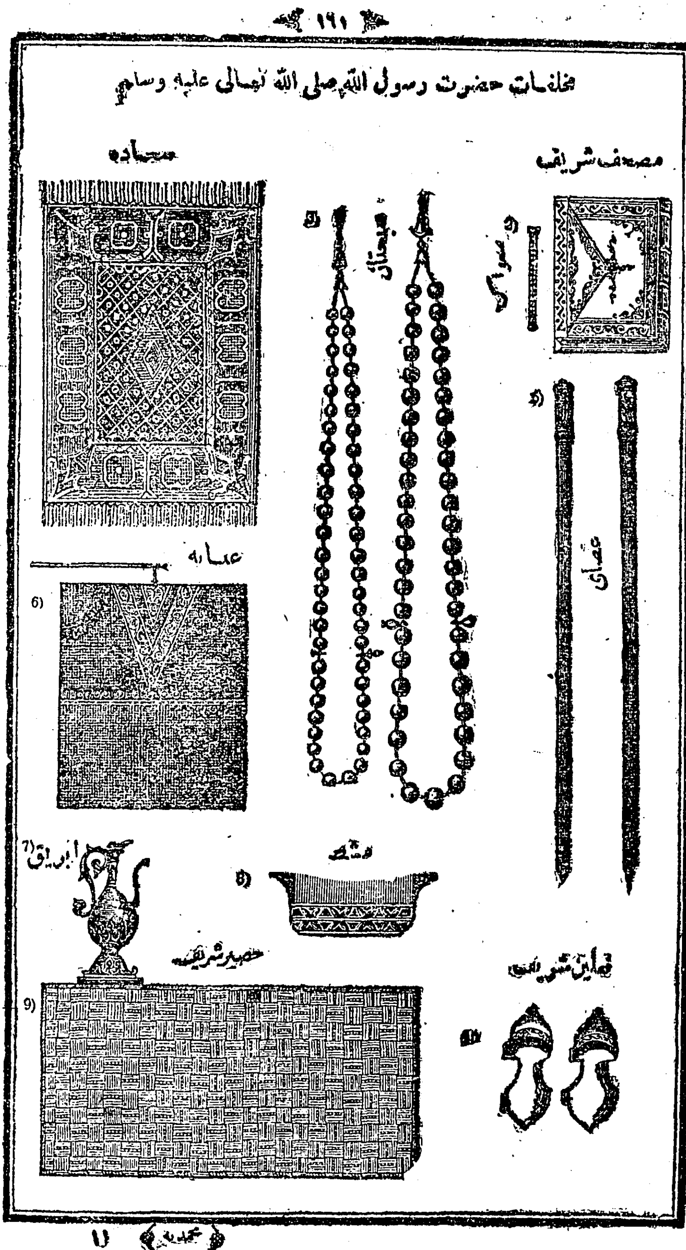
[2]) „Он послан неверным, язычникам—арабам, среди вас посланник его"—3, 96; 7, 157; 62, 2.

[3]) „Знающие писание! К вам пришел посланник наш; он ясно укажет вам многое из того, что скрыли вы из писания, и отменит многое" (5, 18), „он ясно укажет промежуток времени, в который не было посланника, чтобы вы не говорили: к нам не приходил ни благовестник, ни обличитель! К вам теперь пришел благовестник и обличитель: бог всемогущ" (5, 22).

[4]) 46, 28; 72, 1—2, 13—15. Отношение предложений—косвенное.

[5]) Т.-е. посланнику. Прим. переводчика.

(многобожники-арабы), когда видят тебя (Мухаммеда. Л. К.) ,принимаются только смеяться над тобой: „это не тот ли, которого бог воздвиг посланником? Немного бы еще, и он отклонил бы нас от богов наших, если бы мы не были стойкими в усердии к ним“ (25, 43—44)!

Религиозные принадлежности, оставшиеся, по верованиям мусульман, от Мухаммеда. Это: 1) коран, 2) „мисвякь“ (пальмовое дерево-зубочистка), 3) четки, содержащие по три раздела с 33 бусинками в каждом и перебираемые во время 33-х-кратного славословия бога—„аллах акбар“ (бог велик), 4) коврик для молений, 5) посох, употребляемый при проповедях, 6) „габа“—безрукавка, 7) кувшин для омовений, 8) расческа, 9) цыновка, 10) туфли.

Рисунок взят из „Мухаммедийе“ Чаляби, Казанское издание 1900 г., Каримовское.

Но... „если бог не захочет, то и чирий не вскочит", говорит народная пословица, и учение корана, как мы видели согласное с этой „мудростью", „волей аллаха" выводит оплевываемого, неученого „пророка" на поверхность общественной и религиозной жизни того времени. Мухаммед уходит (бежит) из Мекки, от тех, кто удивлялся, „что к ним пришел учитель из среды их самих", которые говорили: „он чародей и обманщик! На место этих богов (повидимому, богов Меккской Каабы.—Л. К.) хочет установить одного какого-то бога? Право, это удивительное дело! Старейшины, уходя, говорили: „идите, твердо держитесь богов ваших! Это—такое дело, которого желать должно. **Мы не слышали** того в последней религии (т.-е. в предшествовавших исламу вероучениях, повидимому, в занесенных в Аравию иудействе и христианстве. Л. К.): это только один вымысел. Ему ли, одному из нас, ниспосылается такое учение?» (38, 3—7) [1]). За этой, казалось бы, безобидной идеологической борьбой коран бросает следующую фразу, говорящую не о шуточности игры, но, наоборот, о ее, повидимому, большом политическом значении. От Мухаммеда его соплеменники-мекканцы хотели избавиться. „Вот—говорит коран—неверные ухищряются против тебя, чтобы заключить тебя в оковы, или убить тебя, или изгнать тебя"... (8, 30). И лишь бдительность противника спасла Мухаммеда: „они ухищряются,—продолжает коран,—и бог ухищряется; но бог самый искусный из хитрецов" (там же). Последнее—хитрость бога—и спасло пророка.

Коран, согласно, преданию, возвещенный впервые в Мекке—в „матери городов"—не был признан сразу за истину. Не помогли ему и его проповеднику угрозы, небесный черный террор, особенно ярко выделенный в „проповедях"Мухаммеда. Вот, например, как пославший поучает гонимого посланника: „Посланники, бывшие прежде тебя, были осмеиваемы: но тех, которые осмеивали их, постигло то, что осмеивали они. Скажи: кто защитит вас ночью и днем от милостивого?" (21, 32—43). „...Неверные наслаждаются здесь и едят, как едят скоты; но огонь геенский будет обиталищем им" (47, 13).

Мухаммеду пришлось, как видно из коранического текста, искать защитников на стороне, ибо „неверные изгнали его" (9, 40). Он и его последователи „были изгнаны из жилищ своих несправедливо, за то только [2]), что говорили: господь наш есть аллах" (22, 41). При этом посланник аллаха все же не унес бы своих ног, если бы не укрылся по дороге от преследований „в пещере" (9, 40) и, если бы бог не „укрепил его невидимыми воинствами" (там же). Вместе с тем, само это бегство—изгнание, по корану, было предуказано богом: „удались от многобожников. Мы защитим тебя от этих насмешников, от этих, которые вместе с богом ставят еще других богов" (15, 94—96). И дабы придать больше веса „предуказанию" и поднять „дух" гонимых, бог корана, вспоминая старые „добрые" дела, восклицает—„сколько было городов! Каждый из них был превосходнее твоего города, который изгнал тебя (Мекки.—Л. К.): мы погубили их, и не было им защитника" (47, 14).

---

1) Мест с подобными характеристиками Мухаммеда и его учения в коране много, см., хотя бы 10, 2: „Неверные же говорят: действительно он—явный чародей"; или—8, 31: „когда читаются им наши знамения,—они говорят:—«мы уже слышали их! Если бы мы захотели, сказали бы такие же, как сии; это только истории о старине». Последнее, как заметил, наверное, и читатель, противоречит сказанному в только-что приведенных в тексте аятах корана (38, 3—7.)

2) О социальной значимости этого «только» см. указ. мой очерк „К вопр. о происхожд. ислама" и указ. статьи проф. Дитякина.

Будучи изгнан из родного города, Мухаммед, по сведениям мусульманской традиции, бежал в Ясриб (или Ятриппа—впоследствии Медина, т.-е. пророческий город) [1]. Там он занял видное общественное положение и рядом удачных военных походов одолел мекканцев, взяв Мекку в свои руки. Сколько-нибудь связного изложения этого в коране нет. Но подобная картина дальнейшей деятельности Мухаммеда составляется при „правоверном“ чтении так назыв. коранических проповедей. По последней причине, а также потому, что в нашу задачу не входит восстанавливать здесь традиционную картину жизнедеятельности Мухаммеда, мы опустим цитирование „проповедей“ и непосредственно перейдем к рассмотрению по корану его смысла, значения его законоустановлений и т. д.

---

[1]) См. Абуфиды — «Географическое описание Аравии» (гл. из «Географии Таквим-аль-Бульдана, Абуфиды). Русск. пер. А. Вышнегорского. Казань 1891, стр. 32. »

ГЛАВА IV.

Жизнь и ее смысл.

а) Земная жизнь и ее смысл.

Коранические законоустановления **интересны для нас**; к сожалению, как нам довелось уже отметить, не только, как законоустановления определенного периода истории развития человеческого общества; нет, они будут нам интересны и небесполезны при изучении шариатского права, корнями которого они являются,—права, сплошь и рядом еще **действующего** среди мусульманских народов [1]). Но прежде их рассмотрения остановимся на вопросе, как понимает и представляет себе коран жизнь вообще и человеческую жизнь в частности. Заранее заметим при этом, что коран кроме земной, действительной жизни, признает и проповедует, подобно родственным ему религиозным системам, жизнь после „первой" смерти,—загробную жизнь.

„В самом деле, **чему подобна здешняя жизнь?** Она подобна—свидетельствует коран—воде, которую низводим мы с неба, и которою питаются земные растения, какие едят люди и скот. В то время как земля наденет на себя свои красивые уборы, нарядится в них, и обитатели ее думают, что они делают это с нею,—в течение какой-либо ночи или дня приходит к ней наше повеление, и она делается как бы пожатою так, что будто она и не была вчера богатою" (10,25). Вот „образец сей дольней жизни—раз'ясняет коран в другом месте. Она подобна воде, которую ниспосылаем с неба: растения земли смешиваются с нею, а на утро они делаются сухим былием и ветры развеют его" (18, 43). Итак, жизнь, „здешняя жизнь", уподобляется в коране растениям, быстро возникающим и развивающимся от влаги небесной и так же быстро погибающим.

„Знайте, что **жизнь в здешнем мире есть обманчивая утеха, обольщение, суетный наряд, тщеславие между вами, желание отличиться множеством имущества и детей**: она подобна тем произрастаниям при дожде, которые собой пленяют земледельца, потом увядают, после того видишь их пожелтевшими, напоследок делаются сухими стеблями... **Жизнь в здешнем мире есть только обманчивое наслаждение**" (57, 19—20; 3, 182).

„**Эта дольняя жизнь есть только обольщение, суета**"... (29, 64).

Значит прав был Иблис, когда говорил богу: „я буду делать засады им на твоем прямом пути. Я буду нападать на них спереди и сзади, справа и слева, и ты увидишь, что многие из них (людей) будут неблагодарны" (см. выше). Да! Иблис, судя по корану, действует и работа его не проходит бесследно. „Когда люди плавают на кораб-

---

[1]) Подробнее в подтверждение сказанного см. мою книгу „Социалистическое строительство на Востоке и религия", изд. „Московский Рабочий", М., 1929 г.; В. Н. Дурденевского и Е. Ф. Лундшувейта—„Конституции Востока", Ленинград 1926г. и др.

лях,—продолжает коран,—тогда призывают **бога,** обещая **искреннее** служение ему; но, когда он спасает **их** на сушу, вот, они уже многобожествуют, оставаясь неблагодарными за то, что доставили **мы им,** и предаваясь удовольствиям" (29, 65—66). Это совращение, обольщение сей жизнью, чем руководил, конечно, Иблис, было делом нешуточным. Недаром в коране мы встречаем неоднократные предостережения: „Люди! бойтесь господа вашего и страшитесь дня, когда ни отец нисколько не удовлетворит за детей, ни дети не удовлетворят за своего отца. Обещание бога истинно: **да не обольстит вас эта дольняя жизнь, да не обольстит вас обольститель чем либо о боге"** (31, 32—33). С подобными предуказаниями не раз обращается аллах и через посредство своего пророка, Мухаммеда:

— **„Люди! обетование божие верно; потому да не обольщает вас эта дольняя жизнь; обольщение это да не обольстит вас в отношении к богу. Сатана враг вам, а потому за врага себе и считайте его: он своих преверженцев зовет к себе только для того, чтобы им быть страдальцами в пламени"** (35, 5—6).

Правоверным запрещается „обольщаться" благами сей „дольней" жизни: **лишь „для неверных обольстительна настоящая жизнь,** и они насмехаются над верующими; но в день воскресения (а такой, как увидим, будет! Л. К.) благочестивые будут выше их" (2, 208). „Не думали бы неверные,—утешает Мухаммед верных, после неудачной битвы, при горе Оходе,—что продолжительная жизнь, какую мы даем им, есть счастье для них: мы даем им долгую жизнь только для того, чтобы они увеличили свои беззакония; а после им томительное мучение" (3, 172).

Но, если жизнь земная есть „обольщение", „призрак" и „обман", какой же смысл было ее создавать всемогущему? И тут коран отвечает старым, уже известным читателю, ответом, что это создано творцом, дабы люди „хвалили его, создателя их". Они созданы также, как увидим дальше, чтобы, хваля бога, жертвовать ему, его посланникам и земным агентам—проповедникам всемогущества и славы аллаха. И, наконец, земная жизнь людей служит им экзаменом (поскольку они наделены своей „свободной волей"), к вящему определению их, на многие неисчислимые лета, то-ли в „райские обители", то-ли в „геенну огненную". А выбор „лона Авраамова" или „лона Иблисова"—предоставляется делать каждому человеку свободно. **„Кто хочет сеять для будущей жизни, для того мы сделаем обильным посев его; а кто хочет сеять для этой жизни, мы доставим и ему пожать от него, но ему не будет уже никакой доли в будущей"** (42, 19).

Смысл жизни этой—в будущей, загробной жизни. „Здешняя жизнь есть только суета, призрак, **но будущая жизнь есть лучшее благо для благочестивых.** Не рассудите ли этого?" (6, 32). „Верующий сказал—в коране... Эта настоящая жизнь есть только временный удел: **другая же, будущая есть постоянное жилище"** (40, 41—42). Она, **„здешняя жизнь, в сравнении с будущей есть только временное наслаждение"**

Так какова же эта не „здешняя", и не „настоящая", загробная жизнь?

б) Страшный суд.

Описанию загробной жизни в коране отводится чрезвычайно много места. Не будет преувеличением сказать, что ей уделяется большее внимание и большее количество стихов корана, чем какому бы то ни было другому вопросу. Всюду, о чем бы коран ни говорил,

кстати или некстати, но прямое или косвенное указание на загробную жизнь, часто связанное с ее непосредственным изображением, мы обязательно найдем. Без „загробной жизни“ нет, пожалуй, ни одной суры корана. Последнее обстоятельство неудивительно; оно, наоборот, вполне закономерно в общем строе идеологии ислама.

Но, несмотря на подобное обилие или, скорее, благодаря подобному обилию мест корана, трактующих о загробной жизни, в этом вопросе коран в ряде моментов противоречив. Начнем хотя бы с чрезвычайно острого, для почти всякой системы религиозного террора, вопроса: когда попадет человек (или его „душа“) в загробные аппартаменты: рай или ад, т.е. когда наступит „воздаяние“, „жизнь“, ради которой в мучениях прожита эта, земная, настоящая жизнь? И будет ли эта „загробная жизнь“ уже окончательной жизнью?

Тут мы увидим, что **в зависимости от практических потребностей,** которые вызвали то или иное место корана, определяется и его направление, разрешение вопроса в ту или иную сторону. Так, после уже упомянутой, проигранной с большими потерями мусульманами, битвы при горе Оходе, близ Медины,—в своей ободряющей речи, обращаясь к хотя и оставшимся в живых, но сильно павшим духом воинам, потерпевшим поражение на поле брани, пророк восклицает: „Тех, которые убиты на пути божием, не считайте мертвыми; нет, они живы, они перед господом своим получили удел свой, утешаясь тем, что бог даровал им от щедрот своих; радуйтесь о тех, которые идут по следам их; для них нет ни страха, ни печали. Они радуются о благах, щедро излитых на них богом, о том, что бог не даст погибнуть награде верующих“ (3, 163—165; 2, 48).

Мы нарочно привели этот отрывок целиком. Отсюда вытекает, что возмездие за дела земные следует **сразу после смерти**; это, как видим, диктуется моментом, необходимостью сгладить отрицательное действие печали по убиенным. То же, наступление воздаяния непосредственно после смерти, подтверждает ряд других мест корана. Приведем наиболее характерные. „**Когда умрут они,—не выполняющие воли аллаха и его посланника,—тогда ангелы как сильно будут бить их по лицу и хребту!** Это будет им за то, что они последовали тому, что прогневляет бога, не хотели угодить ему, и дела их были суетными“ (47, 29—30). „**Нечестивые в час своей кончины, когда предстанут им ангелы,** будут присваивать себе покорность: „мы не делали ничего худого!“ Нет, бог знает, что делали вы. **Идите во врата геенны и оставайтесь в ней вечно.** Как мучительна обитель гордых!.. **Добрым, в час кончины их, ангелы, когда предстанут им, скажут: мир вам! войдите в рай в награду за дела ваши**“ (16, 30—31, 34).

Это, как видим,—воздаяние без излишней волокиты. Но есть и другое...

Это „другое“ заключается в том кораническом учении, впоследствии принявшем догматическую форму, что окончательная, на „веки вечные“, судьба человека будет решена **лишь после дня всеобщего божьего суда.** Этот день, имеющий целых 15 разных названий [1]), явится днем кончины сего бренного мира с его бесчисленными, полными

---

[1]) Именно „День суда“ (1. 3; 20; 82, 18—19); „День откровения“ (32, 29); „День отчета“ (38, 15; 40, 28); „День скорби“ (19, 39); „День вечности“ (50, 35); „День разделения“ (37, 20—21; 77, 14, 37; 78, 17); «День собрания» (42, 5; 64, 9); «День внезапности» (40, 19), «День угрозы» (50, 51); «День взаимного призывания» (40, 34); «День взаимного обмана» (64, 9); „День всеоб'емлющий“ (11, 85); „День тяжелый“ (54, 8); „День великий“ (11, 3); „День страшный“ (6, 15; 7, 57; 10, 16, 19, 38; 26, 135; 39. 15; 46, 20; 83, 4, 5).

ужаса и страданий, репетициями к будущей жизни. Он будет днем подведения итогов всех этих репетиций.

Дню „суда“ будет предшествовать ряд событий.—„Когда солнце обовьется мраком, когда звезды померкнут, когда горы с мест своих сдвинутся, когда девять месяцев сужеребые (беременные. Л. К.) верблюдицы окажутся праздными (бесплодными. Л. К.); когда звезды столпятся, когда моря закипят; когда души сопрягутся (соединятся с телами. Л. К.); когда похороненная живою [1]) будет спрошена: за какой грех она убита? когда свитки (листы книги. Л. К.) разовьются, когда небо, как покров снимется (!), когда ад разгорится и когда рай приблизится,—тогда душа узнает, что заготовила она себе“ (81, 1—14). „Как скоро заклятие было на какой либо-город, мы (бог. Л. К.) погубляли его, потому что жители этого города не обратились бы дотоле, пока не явится Гог и Магог [2]), пока они (повидимому, народы—Яджудж и Маджудж. Л. К.) со всех холмов не устремятся. Приблизится верное обетование, и тогда взоры неверовавших, от изумления их, будут смотреть неподвижно: „горе нам! Мы были беспечны в отношени сего; в самом деле мы были злочестивы“, скажут неверные (21, 95—97).

Это время будет лебединой песнью так усердно создаваемой богом земной жизни и прелюдией будущего, неземного бытия.

Настанет „день суда“! Тогда „потрясающая [3]) потрясет, и повторится за ним последующий [4]), в тот день сердца затрепещут, взоры поникнут“ (79, 6—9). „Прозвучит труба, и все, что на небесах и что на земле, изомрет, как умирает пораженный молнией, кроме тех, которых оставить живыми захочет бог; потом прозвучит она в другой раз; и вот умершие восстанут, озираясь вокруг себя. Земля озарится светом господа своего, положена будет книга (см. выше), приведутся пророки и мученики, и рассудятся они праведно, обижены не будут, верно воздастся каждому человеку за то, что сделал он, потому что он (бог) вполне знает, что делают они“ (39, 68—70) [5]).

В этот знаменательный день, „**в день воскресения, мы**—восклицает бог корана—**поставим весы правды:** ни одна душа не будет оби-

---

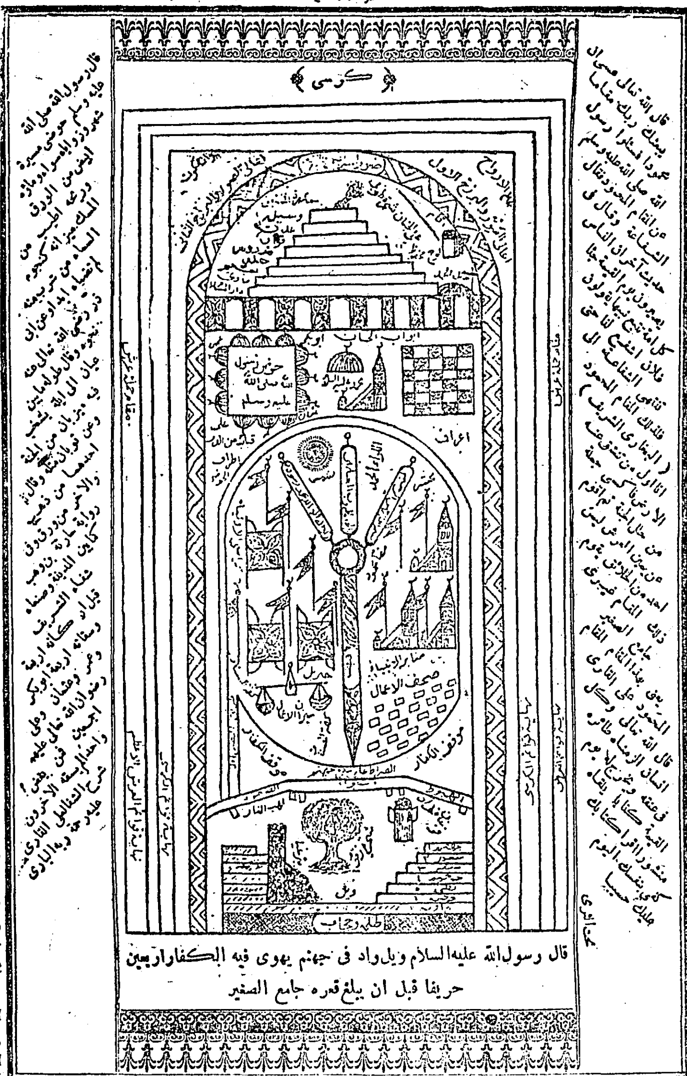
[1]) Вероятно, намек на обычай древних арабов закапывать живыми только-что родившихся, лишних в их хозяйстве девочек

[2]) В коране буквально читается: «Яджудж ва (и) Маджудж». Они—два народа, которые Дзу-ль-Карнайн (т.-е., вероятно, Александр Македонский, так как Дзу-ль-Карнайн буквально—„владетель двух рогов“ или «краев», под чем можно подразумевать Восток и Запад; так именует Александра Великого, государя Македонского, ряд народностей Азии) заградил стеною для защиты другого народа (18, 92—99). Можно думать, что Яджудж и Маджудж—библейские Гог и Магог (см. Бытие, 10. 2; Иезек. 38, 2—3; 39, 1—13; Апокал. 20, 7) или—персидские Чин, что значит—Китай, и Мачин, что значит—Китайская империя. Отсюда кораническое повествование о Дзу-ль Карнайне—смешение библейских сказаний о Гоге с персидскими о Китае, о китайской стене и с преданиями азиатских народов об Александре Македонском. Яджудж и Маджудж—общие названия, обозначение народов восточной Азии, нападения которых, по ряду преданий, прекратил Александр Македонский, воздвигнув между двух гор в долине, через которую эти народы проходили, непреодолимую преграду, стену.

[3]) Труба ангела Исрафила. Примеч. переводчика.

[4]) За первым звуком трубы—второй. Примеч. переводчика.

[5]) Утверждение двукратного звука «трубы» в коране не единственное, есть и однократное. Вот оно: „раздастся звук трубы, и вот, они поспешат из своих гробов ко господу своему. Они скажут: горе нам! Кто поднял нас с ложей наших?.. Будет только один восклик, и вот все они предстанут пред нами“ (36, 51—54). При этом, заметим также, что **воскресение будет материальное.** Об этом в коране говорится: „клянусь днем воскресения, клянусь душой, самое себя тогда упрекающей: ужели человек думает, что нам не собрать костей его? Напротив, мы можем правильно сложить даже концы пальцев его“, и т. д. (75, 1—4). Первое, из здесь приведенного, толкуется иногда в примирительном духе, как „дополняющее“.

Картина воскрешения мертвых (махшар). На верху, в центре полуокружности, место Исрафила, откуда этот ангел трубными звуками должен возвестить пришествие дня страшного суда. Ниже, наверху—райские обители, внизу—ад. В середине—арена суда. В промежутке между срединой и раем, слева—озеро (хауз кауѓар), помещенное в квадрате, по четырем углам которого—„четыре драгоценных места" халифов: Абу-Бекра, Омара, Османа и Алия. Около них, по учению мусульман-суннитов, будут группироваться „самые верные" мусульмане. Распределение последних будет по их служебно-качественной стороне, соответствуя особо отмечаемым качествам каждого из четырех халифов. Справа — „затерянные души" (аграф) „на преградах". Между этими квадратами — „михбары", места для проповеди, кафедры для свидетельских показаний. Все это место занимает огромное пространство, так что посреди его, на рисунке в виде ручки с тремя, на кольце приделанными, цепами, изображенное „знамя пророка" в день суда, в каждой своей части равно по длине тысячелетней дороге. Наверху, между концами знамени, солнце. С боков: слева—почетные места улемов, ишанов, мулл и др. духовенства ислама, справа—места пророков. Ниже, в середине же: слева—весы „правосудия", справа—стопы заготовленных листов —личных дел подсудимого человечества. Суд будет происходить так: после взвешивания дел подсудимого, если ему „запись дел его подастся в правую руку", то он будет предназначаться в рай, если же в левую „из-за спины его", то—в ад. Получив подобный направляющий приговор, получившие его направятся в место, на рисунке отделяющее середину от коридора, предпосланного аду. По последнему, являющемуся пресловутым в исламе мостом „Сират", который „тоньше волоса и острее лезвия меча", и в каждом из трех своих отрезков равен по 3.000 верст, слева-направо пойдут получившие листы. К кому они прибыли в правую руку, те перейдут его благополучно—„быстрее молнии", ибо им помогут это сделать „благочестивые" дела и деяния их; перейдя, они, предварительно искупавшись в вышеуказанном озере, войдут в рай. Получившие листки в левую руку—не пройдут Сирата, они попадут в ад. В последнем, в назидание верующим, в средине изображено дерево заккум, рядом, справа —терн дзариг, которыми будут питать адских обитателей; слева—темным фоном представлен колодец „с гноевидною водою", „подобной расплавленному металлу"—питьем для неверных. Справа—семь отделений геенны корана. Рисунок взят из высокочтимой у мусульман-суннитов книги «Мухаммедийе» Мухаммеда Чаляби, из Калибули. Казанское издание 1900 г.

жена, ни на одно дело, хотя бы оно было весом с зерно горчичное, и его мы положим **на вес:** мы самый верный из счетоводцев" (21, 48). „**В этот день взвешиванье дел будет верным:** чьи весы опустятся под тяжестью, те будут блаженны; а чьи весы поднимутся по легкости, те сами себя сделают несчастными, потому что ожесточались против наших знамений" (7, 7—8).

„И в тот день, когда мы (бог. Л. К.) сдвинем с мест горы, и ты увидишь, что земля будет равниною, и **мы соберем людей, не оставив ни одного из них,** и они предстанут перед господом твоим рядами,—тогда вы придете к нам такими, какими вас сотворили мы в первый раз... Представлена будет книга, и ты увидишь, как законопреступники устрашатся того, что есть в ней; они скажут: о горе нам! **Что это за книга! Не оставлено ни малого, ни большого, что не было бы записано в ней.** Они найдут наличными дела свои. Господь твой ни с кем не поступит несправедливо" (18, 45—47). Неверующие поймут свои заблуждения, воскликнув: „Вот то, что предвозвещал милостивый и о чем верно говорили пророки... В день тот ни одной душе не будет сделано несправедливости, и вы получите воздаяние соответственно делам вашим" (36, 52, 54).

И, „когда небо разверзется, повинуясь своему господу (что непременно и будет); когда земля расширится, извергнет из себя, что в ней есть, и опустеет, повинуясь своему господу (что непременно и будет) [1]), тогда ты, о человек, стремительно устремишься ко господу своему и предстанешь перед ним. Тогда, **кому запись дел его подастся в правую его, руку, с того ответ потребуется легким отчетом,** и он воротится к своим ближним, радуясь. **А кому запись дел его подана будет из-за спины его тот будет просить себе погибели:** он будет гореть в пламени адском. Среди ближних своих он жил, радуясь; он думал, что ему уже никогда не возвращаться к богу. Нет; господь его видел его" (84, 1—15). „В распоряжении бога тайна небес и земли; наступление часа (суда.—Л. К.) не больше, как только мгновение ока или еще быстрее"... (16, 79). И если это время, „пора божия"... наступит (то), уже не отсрочивается. О, если бы вы заблаговременно узнали это!" (71, 4).

А время это ужасное, человек последний раз будет хитрить перед богом. „**Будет день, когда небо будет, как медь расплавленная, когда горы будут, как шерсть расщипанная, когда задушевный друг не спросит задушевного друга при своем свидании; в тот день законопреступник пожелает откупиться от казни ценой своего сына, своей жены, своего брата, своих родных, душевно любивших его, всего, что только есть на земле, чтобы все это спасло его; но нет: адское пламя, крепко обняв члены его тела, повлечет к себе каждого, кто отвращался и удалялся, собирал и прятал**" (70, 8—18).... „**Тогда тому, кто был упорен в нечестии, предпочитал всему здешнюю жизнь,—тому адский пламень будет жилищем. Но кто боялся мести господа своего и свою душу удерживал от страстей, тому рай будет жилищем**" (79, 37—41).

Суд бога совершится...

„**Неверных толпами погонят к геенне, и когда они подойдут к ней, отверзутся врата ее.** Стражи ее скажут им: ужели не приходили к вам посланники из среды вас самих, чтобы прочитать вам знамения господа вашего и предуведомить вас о встрече вами дня сего? Они (толпы неверных. Л. К.) скажут: напротив, но верно испол-

---

[1]) 27, 84 говорит даже о том, что „тогда" аллах „выведет из земли зверя; он будет говорить о них"...

нилось над неверными слово о наказании. **Им сказано будет: войдите во врата геенны, оставаясь в ней на веки. Какое ужасное жилище для гордых! Боящихся господа своего толпами поведут к раю; и когда они подойут к нему, отверзутся врата его; стражи его скажут им: мир вам! Вы были добрыми, за то войдите в него, оставаясь в нем на веки.**

„Знамя пророка" во время „страшного суда". На флагах слева направо надписи: 1) Нет бога, кроме бога, и Мухаммед его пророк. 2) Высшая хвала создателю вселенной. 3) Именем бога милостивого, милосердного! Рисунок из „Мухаммедийе".

„Они (боящиеся господа своего.—Л. К.) скажут: слава богу, верно исполнившему для нас обетование свое, давшему нам в наследие эту землю, чтобы нам обитать в раю, где ни захотим! Как прекрасна награда деятельным!

„И ты увидишь,—заключает коран,—как ангелы, носясь окрест престола, будут славословить господа своего. **Суд между ними** [1]) **произведен истинный; и будет сказано: слава богу, господу миров!"** (39, 71—75).

— „Таковы доли им в день суда!" (56, 56).

Так окончится временная жизнь людей, их прозябание и начнется их вечное процветание или горение. Но человечество разделится на два лагеря, жизнь каждого из которых будет прямо противоположна другому. Так посмотри же, что за юдоли жизни приготовил бог корана как его поклонникам, так и отвергающим его, в этой вечной, загробной жизни.

в) Рай и ад.

Войдя в рай, люди воскликнут: „слава богу, приведшему нас в сие место! Мы не могли бы придти сюда, если бы не привел нас бог: посланники господа нашего возвестили нам истину". К ним (в ответ на их восклицание. Л. К.) будет возглашено: вот рай, который дан вам в наследие за дела ваши. Тогда обитатели рая воскликнут обитателям огня: мы уверились, что обетования нам господа нашего были истинны; уверились ли и вы, что угрозы господа вашего были истинны? Они скажут: да. Тогда глаташай возгласит между ними: проклятие божие над беззаконниками, над теми, которые отклоняли других от пути божия и усиливались искривить его, сами будучи неверующими в будущую жизнь! **Между теми и другими будет завеса, а на преградах люди** [2]); они узнают друг друга по некоторым признакам. „Мир вам"! воскликнут к обитателям рая те, которые не вошли в него, как ни сильно желали того. И когда взоры их обратятся

---

[1]) Между людьми. Примеч. переводчика.

[2]) Это место седьмой главы, носящей название „Преграды", характерно тем, что здесь мы можем усмотреть своего рода „чистилище"—„преграды", получившее название „арафы", в котором содержится некоторая часть людей после „всеобщего суда", дабы попасть затем в рай.

к обитателям огня[1]), **они скажут: господи наш, не помещай нас купно с людьми беззаконными!** Находящиеся на преградах воскликнут к людям (ада. Л. К.), которых узнают по их признакам, и скажут: какую выгоду принесло вам все имущество ваше, то, чем величались вы? Эти люди[2]) не те ли, о которых вы клялись, что бог им не окажет своей милости? Войдите в рай; здесь вам не будет ни страха, не будет вам печали" (7, 41—48). В „сады Эдема... войдут сами они и те из отцов их, супруг их, детей их, которые были добродетельны. Ангелы будут всеми дверями входить к ним, приветствуя их: **„мир вам за то, что вы были терпеливы".** Как прекрасно это наградное жилище!" (13, 23—24)...

Коранический рай, одних лишь названий которого в коране можно насчитать целых десять[3]), крайне чувственен, восточен. Авторы поистине не пожалели на него красок. Смех и веселие, вино и девушки будут вечными жильцами рая на благо его обитателей. „... **Вступившие в рай**—свидетельствует коран—**за свою деятельность возвеселятся; они и супруги их в тени возлягут на седалищах; там для них плоды и все, что только потребуют. „Мир!" будет слово приветствия им от милосердного господа"** (36, 55—58).

Рай божий будет—„блеск и радость" (76, 11). Он обширен, „как обширность небес и земли" (3, 127), его „пространство равно пространству неба и земли" (3, 130). При этом, „в нем реки из воды, не имеющей смрада; реки из молока, которого вкус не изменяется; реки из вина, приятного для пьющих; реки из меда очищенного. Там для них (попавших в рай. Л. К.) плоды всякого рода"... (47, 16—17). „Они будут среди лотосов, не имеющих шипов, среди бананов, на которых висят ряды плодов, в тени, широко растилающейся, среди воды разливающейся, среди обильных плодов, которые не прекращаются и никогда не запрещаются"... (56, 27—32). Вошедшие в эти „сады эдемские... нарядятся там в запястья золотые, жемчужные; там одежда на них шелковая" (35, 30). Они „будут одеты в атлас и шелк, выказывая себя перед очами друг друга" (44, 53), „... облекшись в зеленые одежды из штофа и атласа, будут возлежать на седалищах" (18, 30). „Будут с лицами радостными, удовлетворяясь своими подвигами, в горнем рае. В нем не услышишь празднословия; в нем источник проточный; в нем седалища высокие, кубкие расставленные, подушки, рядами наложенные, ковры разостланные" (88, 8—16), „снеди в нем постоянны, а также и тень его" (13, 35). Чудно и прекрасно будет это „жилище всегдабытности"...

Вот, чтобы не растекаться по сурам за крупицами, краткая картина жизни коранического рая:

„Наградой им (людям, вошедшим в рай) за их терпение будет райский сад и шелковая одежда. Там они, разлегшись на седалищах, не увидят ни солнца, ни луны; тень деревьев над ними будет простираться, гроздья плодов их низко будут опускаться. Их будут обносить серебряными сосудами, кубками, сделанными из хрусталя, хрусталя, который светлее серебра, в соразмерных по величине размерах. Там их будут поить из чаши питьем, которому приправой будет инбирь, из источника, называемого сельсебиль. Кругом обно-

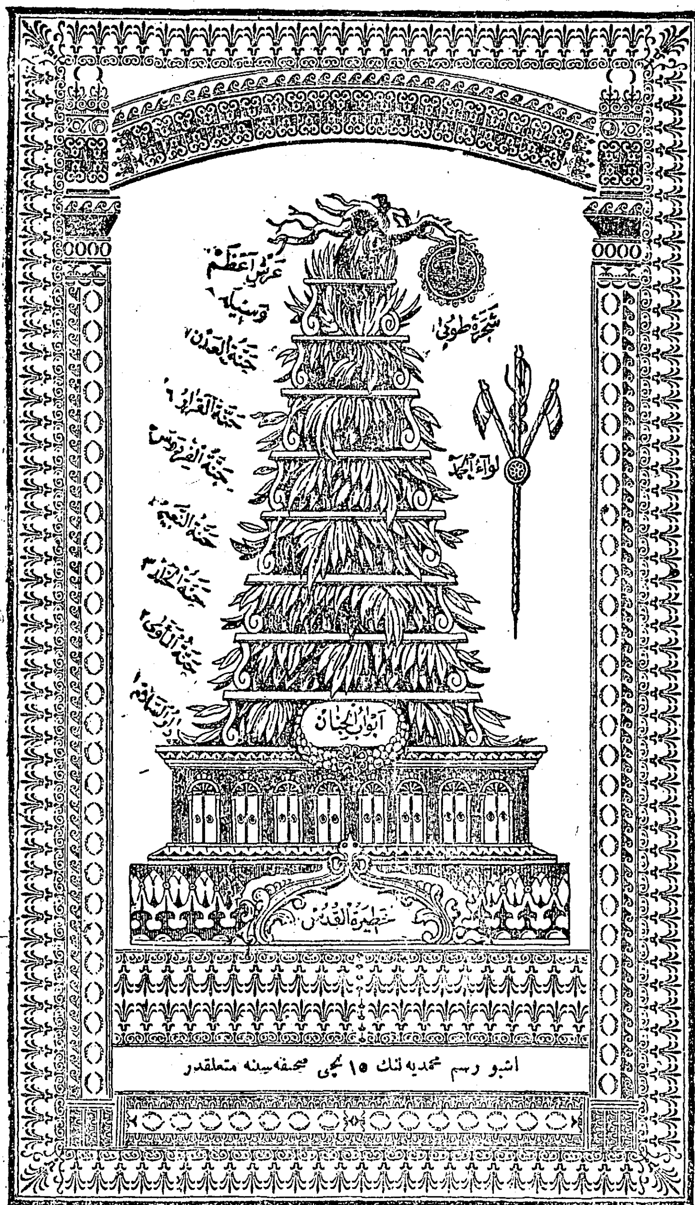
---

[1]) Ада. Примеч. переводчика.

[2]) Стоящие на преградах обитатели рая. Прим. переводчика.

[3]) Именно: „Фирдаус" (18, 107; 23, 11); „Сад Эдема", „Сад эдемский", „Сады эдемские" (9, 73; 13, 23; 16, 33; 35, 30); „Верхний рай" или „Верхний сад" (88,10); „Сады утех" (5, 70; 10, 9; 22, 55; 68, 34); „Сад вечности" (25, 16); „Сад обитания" или „Сады обитания" (32, 19); „Жилище всегдабытности" (35, 22); „Жилище мира" (6, 126); „Горния обители" (34, 36) или „Горный рай" (88, 10)

сить их будут юноши, вечно юные; когда увидишь их, подумаешь, что это рассыпанный жемчуг; когда увидишь это, увидишь тогда блаженство и великое царство" (76, 12,—20). Действительно там будет не хуже, чем в любом европейском grotesque или

Р а й. Снизу—восемь дверей рая, в которые будут введены «благочестивые» за свое терпение и покорность в земной жизни; там же—места нахождения священных стражей рая. Восемь разделов изображенного «древа»—восемь отделений рая. Наверху, в последнем из райских отделений—«шажерей-туба»—дерево радости, считаемое величайшим из существующих; по верованиям мусульман, оно—источник всех явств, райских и земных. Находящийся на правой стороне его медальон с орнаментировкой, собственно, аллах, бог корана, «излучение бога», которое будут созерцать обитатели отделений райских. Справа, рядом с райской пирамидой,—«знамя пророка», которое будет развеваться на «страшном суде». Рис. из указ. «Мухаммедийе» Чаляби.

на пресловутых, исторически более близких авторам коранического рая Лукулловских обедах.

„Они (приближенные к богу) будут в садах сладости... на украшенных дорогими камнями седалищах, облокотившись на них и сидя одни против других,—отчасти повторяясь, продолжает развивать картину рая коран. Вечно юные отроки будут носить вокруг них кубки, братины, чаши с напитком, от которого они ни одуреют, ни пьянеют; с плодами, какие захотят выбрать; с мясами птиц, каких пожелают".

„Чернозеничные,—продолжает с увлечением коран,—велеокие, подобные хранимым жемчужинам, будут им воздаянием за то, что они прежде делали... А они („велеокие." Л. К.) созданы нами (богом. Л.К.) особым созданием: мы им положили быть девами, мужьям милыми, по возрасту равными" (56, 11—23, 34—36). Они, райские девы—хурии, „перед вошедшими в рай будут скромные взглядами, светлоокие, подобные бережно хранимым яйцам" (37, 47), они „добротные, красивые... черноокие, укрытые в шатрах... с ними прежде них (попавших в рай людей) не сообщались ни люди, ни гении... они будут возлежать, облокотившись на зеленые подушки и на прекрасные габкарийские ковры" (55, 70, 72, 74, 76)... „Они подобные яхонтам и кораллам" (55, 58)..., „полногрудые, равные по летам" (77, 33)... И тут же опять и „сады и виноградники", и „полные чаши" (78, 32, 34).

Родовые чувства и стремления получат удовлетворение. „Верующим и потомкам их, последовавшим им в вере—свидетельствует „досточтимое писание"—мы дадим видеться с потомством их" (52, 21). В раю „не услышат они празднословия" (19, 63), но лишь, по щедрински: „по-тихонечку, да по-маленечку, мирком, да ладком", станут спрашивать они других (37, 48). Непрерывный „возглас их там: хвала тебе, боже! Привет им там: мир! Заключение их возгласа: слава богу, господу миров" (10, 10—11).

Угощая жителей рая, небожители будут говорит им: „Кушайте, пейте на здоровье, за то, что вы прежде сделали, в минувшие дни!" (69, 24). „Бог будет доволен ими, а они будут довольны им. Они достояние бога; достояние божие будет блаженно" (58, 22; 98, 8). Словом, „божия благодать" будет царить в „фирдаусе". И лишь изредка, от пресыщения негой хурий и сладостью явств, „кто-либо из них скажет: у меня был друг, говоривший мне: и ты не из тех ли, которые считают это (очевидно, учение бога, переданное людям через пророков и посланников. Л. К.) правдой? и увидит его (друга. Л. К.) посреди геенского пламени. Он скажет: ей богу! если бы ты ухитрился, ты погубил бы меня. Если бы не благость господа моего, то я был бы в числе находившихся тут. Неправда ли, **что мы уже не будем умирать, кроме прежней смерти** [1]), и уже не подвергнемся мукам? Истинно,—заключает коран,—**это есть великое блаженство! ради подобного сему—да трудятся трудящиеся!**" (37, 49—59).

Но, если экзотика коранического рая „обольстительна", то в аду она—„отвратительна".

„Верно, передает откровение бога „посланник" в коране,—клянусь луною, клянусь ночью, когда она удаляется; клянусь зарею, когда она занимается: она [2])— одно из самых великих наказаний, есть угроза

---

[1]) Эта идея бессмертности жителей рая, идея одной смерти, особенно ярко выражена в след. месте корана: „там (в раю. Л. К) они не вкусят другой смерти после первой смерти" (44, 56), хотя это отчасти и противоречит вышеприведенному отрывку корана.

[2]) Пламень или огонь адский... Прим. переводчика.

для людей, для тех из вас, которые хотят или поспешить, или замедлить. Для каждой души залогом за нее то, что она усвоила себе. Только те, которые на правой стороне (в день суда, см. выше. Л. К.), будут в садах райских. Разговаривая между собою, они спросят преступников: что привело их в адский пламень? Они скажут (жители ада, в ответ. Л. К.): мы никогда не молились, не кормили бедных,—мы только купались в волнах суеты вместе с купающимися в суете, а день суда считали ложью, покуда не наступило для нас верное знание". Теперь бесполезно для них ходатайство ходатаев. Зачем было уходить от сего учения подобно тому, как бегут от льва пугливые ослы? Да, каждый из них желает, чтобы ему даны были развернутые свитки. Нет, этого не будет" (74, 36—53). Наоборот. **„Истинно, геенна обн мет неверных"** (9, 49), „жестокая казнь постигнет тех из них, которые не веруют"! (9, 91).

„Для неверующих мы,—говорит бог,—приготовили цепи, ошейники, геенское пламя" (76, 4). Им „будет питием кипяток и лютая мука за то, что были неверными" (10, 4), непокорными, нетерпеливыми.

Ад корана отвечает всем, ранее указанным, требованиям—наказания и укрощения. Он состоит из шести отделений [1]), из которых одно ужаснее другого. „Неверных толпами погонят к геенне". **„У ней семь ворот: в каждые ворота пойдет отдельная часть их"** (15, 44). „При нем девятнадцать (стражей ада). В стражи ада мы определили только ангелов, и число их мы определили только для того, чтобы испытать неверных, выдавать тех, которым дано писание, чтобы увеличить веру в верующих и чтобы не сомневались те, которым дано писание (т. е. христиане и иудеи. Л. К.), и верующие", т. е. мусульмане (74, 30—32). Диаволам и людям, не исполняющим волю аллаха, предназначается геенна.

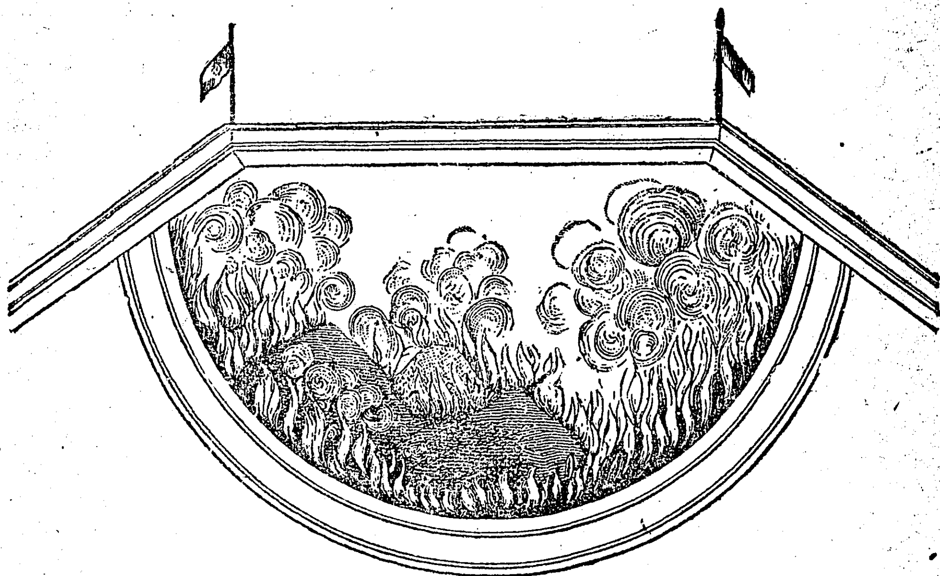
„Мы,—говорит бог в коране,—украсили нижнее небо светилами и поставили их для отражения диаволов, которым приготовили муку в пламени. Мука в геенне будет и тем, которые не веруют в господа своего. Как страшно это пристанище. Когда они будут низвергаемы в нее, они будут слышать рык ослиного крика от ее клекотания. Едва она не лопнет от ярости! Каждый раз, как будет низвергаема в нее которая либо толпа, стражи ее спросят их: ужели не приходил к вам проповедник? Они скажут: напротив, приходил к нам проповедник, но мы почли его лжецом и говорили: „бог не давал никакого откровения; сами вы только в крайнем заблуждении". И еще скажут: „если бы мы послушались, если бы мы были рассудительны, то не были бы теперь страдальцами в этом пламени". Они теперь исповедают грехи свои, но—прочь от нас жители пламени!" (67, 5—11).

„...—Горе верующим в ложь! Идите к тому, что считали вы вымыслом; идите во тьму, извергающую три столба дыма, который ни тени не даст, ни от пламени не защитит: он будет извергать искры, величиной, как башни, цветом, как желтые верблюды" (77, 28—33). „Когда он (геенский пламень. Л. К.) увидит их из отдаления, тогда они услышат его ярость и рев" (25, 13). „Им велим наслаждаться ее огненной мукой"... (22, 19). „Для неверующих,—раз'ясняет коран,—будут выкроены одежды из огня; на головы их будет возливаема кипя-

---

[1]) Отделения эти следующие: 1) джахим—„пламень", „огонь" (37, 95) или „геенский пламень" (26, 91; 2, 113; 69, 31); 2) хотама—„сокрушающий", „крушитель" (104, 4—5); 3) сягыр — „пыл", „пламя" (4, 11, 58; 17, 99); 4) сякар — „жгучий", „палящий огонь" (79, 26—30, 43; 54, 48); 5) ляз'а—„пламя" (70, 15; 96, 14); 6) гавийя—„пропасть", „преисподняя" (101, 6—8).

щая вода. Ею будут обвариваемы и внутренности их, и кожи; для них будут там рожны железные" (22, 20—22). „Огонь ее будет опалять лица их, и они в нем будут морщиться от боли" (23, 106). „Горе каждому хулителю, поносителю, который собирает имущество и копит его, думая, что его имущество увековечит его! Нет, он ввержен будет в Хотаму. О, если бы кто вразумил тебя, что такое Хотама! Это разженный огонь божий, который взвивается вокруг сердец и над ними смыкается в свод на высоких столбах" (104, вся глава). Да!

Ад. Сверху над адской котловиной мост Сират, по верованиям мусульман, равный во всех трех отрезках 9.000 килом., с него не удержавшиеся на нем грешники попадут в ад. Рис. из указ. изд. „Мухаммедийе".

„нечестивым мы приготовили огонь, который окружит их, как шатер" (18. 28); „над ними сомкнется огненный свод" (90. 20). Они „будут в огне; там вопли их—вопли рык ослов" (11, 108). Огню этому „растопкой будут люди и камни" (2, 22); над ними будут находиться „ангелы, суровые, лютые, не противящиеся богу в том, что повелел он им, но исполняющие то, что повелено им" (66, 6). И эти исполняющие ангелы будут жечь грешников так, что они будут гореть, не сгорая. Коран говорит об этом: „мы (бог. Л. К.) велим жечь в огне; каждый раз, как пропечется на них кожа их, мы заменим ее другою кожею для того, чтобы им наслаждаться этой мукою"... (4, 59). И как приятны были снеди райские, так ужасны будут адские.—„Дерево заккум[1] будет пищею грешникам; как расплавленная медь, она будеть кипеть во чреве, как кипит кипящая вода" (44, 43—46). „Мы произвели его для наказания законопреступников. Оно есть дерево, растущее на дне геенны. Плоды его, как головы диаволов; ими будут они питаться, ими будут наполнять свои чрева; а к ним питием им будет кипящий раствор" (37, 61—65). „Будете есть плоды с дерева заккума... будете запивать это кипящею водою и будете пить, как пьют мучащиеся неутолимой жаждой верблюды" (56, 52, 54—55). Также „питие им бу

[1]) Закк ум, как и дзариг (тоже пища жителей коранического ада: „пищею им будет только (?) терн дзариг" (88, 6),—растения Аравии. Отличаются ужасным зловонием, особенно в свеж ем виде. Запах их столь отвратителен, что их не едят даже неприхотливые верблюды.

дет из сильно кипящего источника; пищей им будет только (?) терн дввриг: он не утучнит, да и голода не утолит" (88, 5—7). „Их будут поить отвратительной гноевидною водою; с трудом они будут хлебать ее и с усилием будут глотать ее; смерть со всех сторон будет подступать к ним, но они не будут мертвыми"... (14, 19—20). Сдавая в ад грешника, бог будет приказывать: „Возьмите его, свяжите его! жгите его адским пламенем; наденьте на него цепь, которой мера семьдесят мерных локтей... Пищей ему будут только помои, едят их только грешники" (69, 30—32, 36—37). „Схватите его и бросьте его в средину адского пламени; лейте на голову ему муку от кипящей воды! насладись! ты силен, знатен" (44, 47—49). ...„Бросьте в геенну всякого неверного, упорного, препятствующего доброму, законопреступного, сомневающегося... бросьте его в жестокую муку... (Но, набросавши так в геенну большое количество, бог, повидимому, беспокоясь, хватит ли адской жилплощади на всех, запрашивает геенну. Л. К.): „полна ли ты? Она скажет: ужели еще больше этого есть?" (50, 23—25, 29).

Мученики коранического ада никогда не попадут из него в рай, они не выйдут из него. Для них „не отверзутся врата небесные; они тогда только войдут в рай, когда верблюд пройдет в игольные уши"... Когда же, изнемогая от жажды, „обитатели огня воззовут к обитателям рая: излейте на нас какую-либо малость воды или что-либо из того, чем наделил вас бог! Они (жители рая) в ответ скажут: „бог то и другое запретил для неверных" (7, 38, 48). Напротив: „**Когда они будут умолять о помощи, им помогут водою, подобной расплавленному металлу, которая будет жечь лица. Мучительное питие! Томительное место отдохновения!**" (18, 28). „**Каждый раз, когда захотят они выйти из него, из мучений в нем, они будут возвращаемы в него: „наслаждайтесь мукою в пламени!**" (22, 22). „...Нечестивым будет ужасная обитель,—геенна, в которой они гореть будут; как мучительно это ложе! ...то, что они будут вкушать, будет кипяток, смрадная гниль и другие, подобные тому, возбуждающие отвращение, вещества. А это... это толпа тех, которые бессмысленно бросились за вами; им не будет отрады здесь, потому что они будут гореть в этом огне. Они скажут: да не будет и вам отрады! Вы нам приготовили это; как беспокойно это жилище. Они (обвиняемые „бессмысленно" бросившимися. Л. К.) скажут: господи наш! муку в этом огне удвой для тех, которые приготовили его нам"... „Действительно, таково будет—это истинно взаимное препирательство мучащихся в огне" (38, 55—61, 64).

Подобная жизнь приведет обитателей ада к желанию себе смерти. „Они воскликнут: о Малек [1]), господь твой послал бы нам кончину! Он скажет: **вы останетесь здесь навсегда**" (43, 77). Но грешники не успокоятся. „И когда они, связанные одни с другими, им (Малеком. Л. К.) будут повергнуты в тесное поместилище, тогда они будут просить себе уничтожения. В день этот,—учит, издеваясь, коран,—не просите себе однократного уничтожения, но просите себе многократных уничтожений" (25, 14—15). Но: „в нем ему (виновному пред аллахом. Л. К.) ни смерть, ни жизнь" (20, 76), „**он в нем (в великом огне) не умрет, но и не будет жить**" (87 12—13). „Там,—возвещает коран,— они пробудут, пока существуют небеса и земля (!) [2]), если только господь не захочет чего-либо особенного; ибо **господь твой есть полновластный совершитель того, что хочет**" (11, 109).

---

1) Малек или Малик—собственное имя, значит: владеющий, царствующий царь. В данном случае, в коране, в смысле царь геенны, ангел-страж, владычествующий в аду.

2) Утверждение, противоречащее с указанным выше в настоящей гл

ГЛАВА V.

Законоустановления корана.

На ряду с целым списком носящих чисто-религиозный характер определений корана, в коране особенно ярко проходит определение его значения, **как судебника, как законодательной книги**, книги, рассматривающей и направленной к регулированию не только вопросов теологического характера, но и вообще всей общественной, хозяйственной и т. д. жизни человека. Это, как мы не раз уже отмечали, по нашему мнению, и явилось основной причиной, благодаря которой коран получил распространение и значение первой книги у мусульман всех сект и толков, книги, которая до сих пор среди них признается высшим авторитетом в решении не только религиозных, но и светских, гражданских вопросов.

В коране, где, как уже было показано, есть большое количество внутренних противоречий, как в описании „фактов", так и в части описания взаимоотношений бога и человека, мы и в содержащихся в нем законоустановлениях единства не найдем. Последнее станет вполне понятным, если мы вспомним первоначальные моменты в развитии мусульманской общины, от гонимых ханифов до гонящего и гнетущего халифата. К тому же отметим, что это обилие коранических противоречий, особенно в рассматриваемом нами сейчас вопросе, своеобразно явилось одной из причин коранического успеха, вознесения его на пьедестал не только религиозного, но и, не будет преувеличением сказать, государственного авторитета.

Мы уже видели, что коран говорит о себе, как о „руководстве на прямой путь", как о „поучении", „увещевании", учении для его „одноплеменников", говорит о том, что он „поучителен", что „он—мудрое учение", „ведет от тьмы к свету", что „он—озарение", что он „судебник для арабов", что „он—истина", что „ложь не подходит к нему ни спереди ни сзади" и т. д., и т. п. Всякому непредубежденному читателю корана уже одни эти коранические самоопределения, несомненно, достаточно ярко скажут о том, к чему они направлены. Это станет еще яснее после чтения следующих мест корана; „И этот [1]): есть писание (раньше шла речь о писаниях", ранее переданных: о библии и др. Л. К.), ниспосылаемое нами (богом. Л. К.); оно благословенно, подтверждает то, что было прежде него, и для того, **чтобы ты (Мухаммед. Л. К.) учил эту мать городов (Мекку. Л. К.) и тех, которые вокруг ее"**... (6, 92). Или: „Истинно, мы ниспослали тебе (Мухаммеду. Л. К.) это писание для того, **чтобы ты судил этих людей сообразно тому, что показал тебе бог"** (4, 106). И, наконец, прямое заявление, что: „**Вот, мы (бог. Л. К.) ниспослали его [2]), чтобы он был арабским судебником"**... (13, 37).

---

[1]) Коран. Примеч. переводчика.
[2]) Коран. Примеч. переводчика.

Нам хорошо известно, что в обществе, где существует имущественное неравенство, существует и противоположность интересов среди членов данного общества, принадлежащих к различным имущественным категориям. Социальная среда, в которой развился ислам, также, конечно, имела свои противоречия, при том обнажавшиеся в ней в весьма резкой форме. Поэтому плох был бы тот „судебник", то „руководство на прямой путь", которое не брало бы на себя этой цели, не разрешало бы данный вопрос. Больше того, мы можем смело утверждать, что **произведение, претендовавшее на роль „судебника" и не разрешавшее—плохо ли, хорошо ли—этот коренной вопрос, не имело бы успеха**: оно должно было бы захиреть и погибнуть, не оставив сколько-нибудь значительного следа. Коран, явившись произведением определенного коллектива, отразивши общественную психику определенных социальных группировок, конечно, не мог пройти мимо попытки разрешения этого вопроса. Наоборот, все вышеизложенные системы—творения и устроения вселенной, человека, целей его бытия и будущей жизни,—все они являются лишь **подсобным аппаратом**, лесами, которыми обнесено и которому эти „леса" служат, заданию стержневого вопроса, **вопроса разрешения прмблемы социального и хозяйственного неравенства.**

Развивавшийся арабский торговый капитализм, из низшего слоя которого вышел первый росток ислама, выдвинул этот вопрос. Коран его разрешил, использовав для этого „опыт" ранее „открывшихся" человечеству „откровений".

а) В чем благочестие?

Не раз уже мы слышали, что коран послан научить и сказать человеку: ...„поклоняйся богу, искренно выполняя перед ним дела благочестия" (32, 2). Последние—те же, что были проповедываемы и ранее посланниками бога. „Он,—говорит коран,—узаконил для вас ту благочестивую деятельность, какая была заповедана Ною, которую мы (бог. Л. К.) открыли и тебе (Мухаммеду.—Л. К.), какую заповедали мы Аврааму, Моисею, Иисусу: „будьте постоянны в этом благочестии и не раскольничайте в нем!" (42, 11), ибо: „Благочестие не в том, чтобы вам обращать лица свои к востоку или к западу, но благочестивы те, которые веруют в бога, в последний день, в ангелов, в писание, в пророков; по любви к нему[1]) дают из имущества своего ближним, сиротам, бедным, странникам, нищим, на выкуп рабов; которые совершают молитвы, дают очистительную милостыню; верно исполняют обязательства, какими обязывают себя; терпеливы в бедствиях, при огорчениях и во время бед. Таковы люди праведны; таковы люди благочестивы" (2, 172, см. также цитаты первых трех абзацев гл. I).

Путь исполнения этого „благочестия" не один; одним из этих „путей", ведущих по „прямой стези", является торговля.

б) Путь благочестия—путь торговый.

Торговля, как неоднократно заявляет коран, есть „искание даров божиих". „Искание", которому бог старается во время потрафить, облегчить получение искомого. Для этого, оказывается, и устроена земля, „как колыбель", „как ложе", проложены „на ней для вас"

[1]) К богу. Примеч. переводчика.

„реки и дороги, чтобы вам ездить и ходить прямыми путями. Больше того, в этих же целях, облегчения торговых сношений, устроены звезды и горные вершины: они—„горные вершины вместе со звездами указывают вам прямые пути“ (см. главу II).

Для того же сутки разделены на день и ночь. И не только устроил, но и „отдал во власть“ торговых людей бог ряд своих „творений“. „**Во власть вашу**,—говорит коран,—он отдал море, чтобы из него питались вы свежим мясом, из него доставали себе украшения, какие на вашей одежде. Видишь, как корабли с шумом рассекают его, чтобы вам доставить благотворение его и возбудить вас к благодарности“ (16, 14).

„**Бог есть тот, кто подчинил вам море, чтобы, по его велению, пробегали там корабли, искали щедрых даров его и чтобы вы были благодарны. Он подчинил вам то, что есть на небесах, и то, что есть на земле**“ (45, 11—12). „Господь ваш тот, кто движет для вас корабли в море, чтобы вам искать щедрот его“ (17, 68; 30, 45).

Указания эти в коране не оторваны от действительности. „Два моря,—читаем мы в коране,—не равны одно другому; из одного питие (пресное) вкусное, приятное, легкое[1]), а из другого—соленое, горькое. Из каждого получаете в пищу свежее мясо, достаете наряды на вашу одежду“ (35, 13).

Чисто практические цели торгового капитала преследовал бог корана и в делении суток на день и ночь. „Ночь и день,—говорит он,—поставили мы двумя знамениями: когда прекращаем знамение ночи, ставим тогда **знамение дня, дающее все видеть для того, чтобы вам искать щедрот господа вашего“, то-есть, видеть товары торговли вашей** (17, 13).

Те же цели рекламирования достоинств и лучшего сбыта предметов купли-продажи преследует коран и в регламентировании правил торговли. В противоположность юдаизму, она даже разрешается в „день собрания“, т. е. в еженедельный праздничный день—пятницу. „Верующие! когда в день собрания будет возглашено к молитве, то постарайтесь итти к славословию бога и оставляйте торговлю: в том больше для вас добра. ... **Когда кончится молитва, тогда расходитесь по этой земле и ищите щедрот божиих**“ (62, 9—10).

---

[1]) Академик В. В. Бартольд, в своей статье «Коран и море» (см. «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук». Т. 1, стр. 106—110. Ленинград, 1925), посвященной статье H. Bauer'a о кораническом термине «фульк» (корабль), помещенной в «Энциклопедии ислама», указывает (стр. 107—108) на то, что значащееся в данном случае в коране слово (по передаче Казимирского-Николаева «Багр») значит не только «море, но также «большая река»; «этим,—пишет В. В. Бартольд,—как признают и некоторые мусульманские комментаторы, об'ясняются те стихи корана (25, 55; 35, 13), в русском переводе производящие довольно странное впечатление, где говорится о двух морях: пресном и соленом. В одном стихе (25, 55; у нас см. выше. Л. К.) прибавлено, что между обоими морями бог поставил «преграду и ненарушимое запрещение». Понятие «пресный» обозначается словом, аналогичным названию реки Евфрата. «Вполне возможно, что это созвучие здесь не случайное и что в стихе корана (35, 13), где говорится, что из обоих морей, соленого и пресного, люди получают нужные им товары, имеется в виду судоходство по Индийскому океану и по Евфрату. Под преградой в данном случае надо понимать те отмели, которые преграждали Евфрату путь к Персидскому заливу. Известно, что в то время главным рукавом Евфрата считался западный рукав, протекавший мимо Хиры и терявшийся в болотах; только второстепенные рукава Евфрата соединялись с Тигром, впадавшим в море. Еще в IX и X в.в. у мусульман существовало представление, хотя и ошибочное, будто пространство суши между Хирой и морем образовалось сравнительно недавно и будто Хира была морской гаванью». Краткое замечание об этом см. также у Казимирского, «Коран Магомета», в примеч. к пер. с арабского яз. Стр. 304 по русск. пер. К. Николаева. Изд. 3-е, Москва, 1876.

Торговля не рекомендуется („постарайтесь"), таким образом, **лишь во время молитвы, по окончании ее** „искание щедрот божиих" можно продолжать. Преследование и защита интересов торгового капитала особенно выявляется в разрешении торговых операций во время хаджа, значение которого для купечества еще и в доисламистские времена было огромно. Во время него, „торжественного праздника", свидетельствует коран, „**не будет на вас греха в том, что будете искать щедрых даров господа вашего**" (2, 194), **т. е. вести торг.**

В этой регламентации коран доходит до ряда коммерческих тонкостей, при чем, необходимо заметить, он борется с нечестным (обмеривание и обвешивание) ведением торговли. Трата, расточение верующими своего имущества разрешается только на торговые нужды. „Верующие!—указывает коран—не расточайте ваших имуществ, употребляя их между собою на пустое, **кроме таких случаев, когда будут между вами торговые сделки**" (4, 33). О заключении последних, о получении долгов и выдаче займов коран дает ряд предписаний, которые мы, вследствие их интереса и для характеристики правового положения женщины, приведем возможно полнее.

„Верующие!—говорит коран по данному поводу—когда вы друг у друга делаете долги на срочное время, то давайте расписки в том; писец между вами должен написать расписку верно; писец не должен отказываться написать ее; как бог научил его, так пусть и пишет. Тот, кто занимает, пусть диктует [1]), но должен бояться бога, господа своего, и ничего не убавлять из того, что занимает. Ежели тот, кто занимает, не рассудителен, или слаб здоровьем, или сам диктовать не может, тогда пусть друг его диктует верно. Для засвидетельствования пусть призовут двух свидетелей из мужчин между вами; а если двух мужчин не будет, то пусть будут свидетелями мужчина и **две женщины**, каких вы заблагорассудите, для того, чтобы, когда одна из них ошибается, другая которая либо из них напомнила. Свидетели не отказались бы, когда призываемы будут Не пренебрегайте в расписке о нем [2]), большой ли, маленький ли будет он,—прописывать срок его. Это будет самое справедливое перед богом, удобнейшее для засвидетельствования и найлучшее для устранения ваших сомнений. Но если будут между вами какие-либо на-лицо торговые обороты [3]), то на вас не будет вины, если вы не будете давать расписок в них. Поставьте свидетелей, когда делаете условия между собой, и ни писец, ни свидетель не были бы стесняемы; если же так поступите (т.-е. стеснять будете. Л. К.), то это будет вашим законопреступным поступком. Бойтесь бога; бог научил вас, бог всеведущий. Если вы будете в дороге, и не найдете писца, тогда берутся залоги. И если кто-либо из вас поручит что другому, то тот, кому оно поручено, должен возвратить полученное им, должен бояться бога, господа своего. Не скрывайте свидетельства своего; кто скроет его, у того сердце коварное, а бог знает, что делаете вы. Во власти бога, что на небесах и что на земле; обнаруживаете ли то, что в душе вашей, или скрываете то, в том бог потребует отчета от вас. Он простит, кому захочет, и накажет, кого захочет: бог всемогущ" (2, 282—284).

В приведенном кораническом отрывке ярко видно, что за причины его могли вызвать, чему он должен служить, а также цветисто

---

1) Сказывает, что писать. Примеч. переводчика.
2) О долге или о займе. Примеч. переводчика.
3) Или: сделки. Примеч. переводчика.

выявляется служебная роль религии в правоустановлении. Так наз. религиозные моменты здесь лишь даны в виде морального устрашения, узды страха пред всемогуществом бога, в целях „духовного" укрепления непреклонности верующего в выполнении взятых на себя обязательств. Этому же служит разрешенная и в самом коране часто применяемая **клятва**, которая, как известно, вообще играет большую роль в торговле Востока. О ее значении у арабов-язычников, как „великой клятвы", не раз упоминает коран (См.: 5, 68; 6, 109; 9, 42, 75; 16, 40; 24, 52; 35, 40; 58, 15—17; и некотор. друг.). С своей стороны, коран указывает верующим в него: „**Не считайте бога помехой для ваших клятвенных уверений**... Бог не будет наказывать вас за празднословие в клятвах ваших"... (2, 214—225). При этом, правда, по несколько интимному поводу, коран выдвигает следующее положение, много разрешающее при его толковании власть имущему торговому капиталу: „**бог позволил вам нарушать ваши клятвы**" (66, 2). Конечно, подобному тезису в коране можно найти не один антитезис, но это не меняет дела.

Некоторые другие места дают более подробные раз'яснения. Так, из 93, 94 и 96 стиха 16 гл. корана следует, что верующий не должен нарушать клятву, данную единоверцу; с неединоверцем, таким образом, как будто, нарушать ее можно. „Будьте верны союзу с богом—читаем мы в указанном месте корана—после того, как вошли в союз с ним; не нарушайте клятв после того, как вы утвердили их... Не уподобляйтесь той, которая распускала напряденное ею после того, как крепко были свиты отдельные волокна для пряжи, нарушая вероломством клятвенные обещания друг другу (мусульманин мусульманину. Л. К.).. Не нарушайте вероломством клятвенные обещаний друг другу (верующие. Л. К.), так, чтобы ваша стопа поскользалась после того, как она стояла твердо, и чтобы вам испытывать бедствия за то, что уклонились от пути божия".

Клятва ставится кораном высоко. Нарушающий клятвенное обещание должен быть наказан. „Бог не накажет вас—заявляет коран—за празднословие (промах) в ваших клятвах, **но накажет вас за важные обещания, которые бы вы нарушили**. Очищением этого греха послужит—накормить десять нищих или отпустить на волю раба. Кто этого не может, тому поститься три дня. Это будет очищением клятв ваших, какими поклялись вы. **Соблюдайте клятвы ваши**" (5,91). В других местах коран еще более суров.

Высшая мера наказания, известная кораническому трибуналу,—гееннское пламя,—присуждается меняющим свои клятвы. «Тем,—говорит коран,—которые завет с богом и свои клятвы меняют на малоценное,—тем не будет блаженства в будущей жизни: бог не будет говорить с ними и не взглянет на них в день воскресения; не оправдает их, им будет лютая мука» (3, 71).

Подобное санкционирование авторитетом корана клятвы имело, конечно, большое практическое значение для торгового капитала.

Но, стремящийся внести во внутри-общественные отношения определенный порядок коран и здесь, в области непосредственной деятельности торгового капитала, вносит ряд регулирующих ее моментов. При этом главное «орудие» торговца, его эмблема и неразлучное неразлучных—**весы**—ставится на пьедестал высокой значимости для людей, граничащей с «самим» кораном. «Поистине,—читаем мы в последнем,—сам бог ниспослал это писание и в нем равновесие» (42, 16). «Равновесие» посылалось и раньше. «Мы (бог. Л. К.) посылали уже наших посланников с ясными указаниями и **вместе с ними ниспосылали писание**

и весы, чтобы люди были стойки в правде,—как мы ниспосылали и железо, в котором есть для людей и великое зло, и выгоды» (57, 25) [1]...

Таким образом, значение весов велико: их бог корана послал одновременно с писаниями посланникам его. И не только на бренную землю, в пользование людям, дал аллах весы, он установил их и на небе и, как мы неоднократно уже видели, подобно короленковскому богу „Тойону“

[1]) Вероятно, намек на деньги. В последнем случае не могу не привести прекрасных строк из «Макаматы »—«Беседы»—Харири (Абу Мухаммед Хасем Басри Харамий, род. в 446 г. хиджры в Басре, ум. там же в 515—по «р. х.» 1054—1121 г.г.), писанной им. как прозой, так и стихами, безусловно, злостно-злободневной и в наши дни и не безынтересной для нашего дальнейшего изложения. Герой бесед Харири Абу-Зейд из Саруджа, явившись, как бедняк-странник, поэт, принял вызов Хареса ибн Хаммама (другого героя Харири, рассказчика о совместных встречах его с Абу-Зейдом): «воспой его (динар, золотая монета. Л. К.) жемчужными стихами, и, клянусь, он будет твой»,—и запел:

«Хвала тебе, желтый, блестящий, прелестный,
«Далекий скиталец страны поднебесной!
«Громка твоя слава, могучий динар—
«Чело твое носит таинственный дар;
«Успех предвещает твой лик благотворный;
«К тебе все любовью горят непритворной...
«Металл твой—не наш ли сердечный металл?..
«Тот горд, в чьем кармане динар зазвучал!
«Когда ж ты коварно блестишь в отдаленьи,
«Тогда твои взоры полны обольщенья...
«Как мил ты в красивой толпе близнецов!
«Ты правишь делами всех стран и веков;
«Ты счастье счастливцев один составляешь;
«Дружину—труды забывать заставляешь.
«Ты ПОЛНЫЕ ЛУНЫ сияньем затмил;
«Ты гнева каленые угли тушил.
«Когда же все пленным, рабам изменяло,—
«К ним светлая радость с тобой прилетала!..
«Когда б не боялся я божиих кар,
«Промолвил бы смело: всесилен динар!».

«Потом,—продолжает уже прозой Харири,—он протянул руку к воспетому и сказал: «я пел от молнии обещанья, предвещавшей дождь милосердия; где же гроза?» И я (Харес, сын Хаммама. Л. К.) бросил ему динар, промолвя: «возьми—даю без сожаления! Он взял, скрыл его в устах, воскликнув: «благословен господь!», и, прощаясь с собранием (Харес ибн-Хаммам сидел «в жемчужном ожерелии друзей». Л. К.), готов был опоясаться поясом путешествия. Но я почувствовал в душе веселость, щедрость и жажду добра; и не скрылась моя расточительность; я вынул другой динар, говоря незнакомцу: он будет твой, если споешь ему хулу! Быстро раздалась его звонкая песня; он пел:

«Погибни, проклятый, двуличный хитрец,
«Динар желтолицый, изменник и льстец...
«Двойною личиной он взор обаяет,
«Как дева любви полусветом мерцает.
«Любовью своей соблазнит мудреца—
«И грянет над грешным гнев правый творца.
«Никто без него не ЛИШАЛСЯ Б ДЕСНИЦЫ;
«И реже являлись бы злобные лица;
«Скупец не стерег бы пришельцев ночных,
«Богач должников не корил бы своих,
«И алчного взора ничто-б не страшилось...
«И много, и много в нем зла затаилось:
«Не будет он верен тебе до конца,
«В беде убежит он стезей беглеца!..
«Блажен, кто его вниз утеса низринет
«И ласк обольстительный шопот отринет;
«И скажет ему слово правды святой:
«—Прочь!.. у меня нет союза с тобой!..».

Приведенный отрывок, думаю, помимо его непосредственного отношения к предмету, нами трактуемому, дает возможность по достоинству оценить богатство изобра-

в „Сне Макара“, бог корана орудует с ними на «страшном суде». Это частое общение корана с весами не случайно, оно имеет определенные практические цели. Посланный богом, по корану, к мадианитянам Шухайб [1]) восклицает: «Народ мой!.. от бога вашего пришло к вам указание: соблюдайте верность в мере и весе» (7, 83)... «Не уменьшайте меры и веса... соблюдайте верность в мере и весе» (11, 85, 86). Обращаясь к жителям Эйки (буквально—«дубравы»), тот же посланник—Шухайб—говорит: «Меряйте правильно и не будьте обманщиками; вешайте весами верными» (26, 181—182).

За «правильность в мере и весе» (6, 153) коран ратует неоднократно. Не раз мы встретим увещевания: «Будьте верны в мерении, когда вы мерите для других; и весьте весами правильными: это самое доброе и лучшее по отношению к тому, в чем требуется определенность» (17, 37). С этой целью кораном используются и созвездия зодиака. «Небеса, читаем мы в коране, возвысил он (бог. Л. К.) и поставил на них Весы, для того, чтобы не уклонялись от правильности в весе. Соблюдайте правильный вес и не портьте весов» (55, 6—8).

К лихве и ростовщичеству аналогично относится коран. «Верующие!—предупреждает коран.—Не будьте жадны к лихве, удваивая ее до двойного количества» (3, 125). Ибо «то, что даете вы в рост, чтобы оно возросло от имущества других людей, не возрастет перед богом» (30, 38). Лихоимцам и обмеривающим не сладко придется в кораническом раю. «**Горе обмеривающим**, тем, которые, когда для себя мерой берут у людей, требуют правильного мерения; а когда для них отмеривают им или отвешивают, мерят неверно»—читаем в 83-ей—«Обмеривающие»—главе корана (стихи 1—4). «За то, что брали лихву», не только мусульманам, но и иудеям будет солоно (4, 159). Все это особенно ярко выражено во 2-й главе корана: «Те,—читаем мы в ней,—которые жадны к лихве, воскреснут такими, какими воскреснут те, которых обезумил сатана своим прикосновением. Это будет им за то, что они говорят: «лихва то же, что прибыль в торговле». Но «**бог позволил прибыль в торговле, а лихву запретил**. Тот, к кому придет это наставление, и он будет воздержан, тому будет за то снисхождение: деятельность его перед богом. А те, которые обратятся к прежнему (к лихве), те будут страдальцами в огне, в нем они останутся вечно. Бог выводит из употребления лихву... Верующие, бойтесь бога и оставьте то, что достается вам лихвой [2]), если вы верующие. Если не сделаете того, то знайте, что у бога и посланника его война с вами. Но **если вы покаетесь, то в ваших руках останется капитал**“ (2, 276—279).

В указанном осуждении нечестной торговли—обмеривания, обвешивания—и чрезмерной лихвы мы лишний раз видим диктовку интересов торгового капитала, стремящегося к организации. Собственность всегда выше всего: „вору и воровке отсекайте руки в воздая-

---

зительности арабского языка. Последнему во многом обязан коран, хотя, конечно, что можно видеть и из только-что приведенного, утверждение, будто коран не имеет себе равного по стилю и красоте художественной формы—вздорно. Выделенные нами места: «полные луны» — употреблено здесь, как символ красоты и благородства; «лишался десницы»—намек на обычай древних арабов, узаконенный потом и кораном (5, 42), отрубать за воровство правую руку.

[1]) Которому бог, по его «собственному» признанию в коране, «доставил... от себя хороший достаток» (11, 90) и который, как можно заключить из других коранических текстов, был шейхом (28, 22—23).

[2]) „Т.-е. простите совершенно остальную лихву“. Раз‘яснительное примеч. к данному стиху Казимирского. См. указ. изд., стр. 34.

ние за то, что сделали они, в назидание от бога" (5, 42). Прибыль в торговле не запрещается, нет, барышник остается с барышом и капиталом („в ваших руках останется капитал"), запрещаются лишь, в целях всего купечества, самовольные выходки отдельных его представителей. Купеческий коллектив, развивавшийся торговый капитализм, кодексом которого в известной степени явился коран, требовал установления в интересах всего „коллектива" известной дисциплины, нормировки торговых отношений.

Это—один путь, путь торговой буржуазии, сопровождаемый, в целях достижения „благодати" его держащихся путников, рядом даяний аллаху чрез посредство его агентуры—духовенства. О них—даяниях несколько позднее, сейчас же займемся „путем" № 2.

в) Путь благочестия—путь терпенья.

Не всем же быть купцами! Не всем же „искать даров божиих". Из этого исходит коран при разрешении ранее указанного—основного вопроса—имущественного, классового неравенства. Оно, имущественное и правовое неравенство, по корану, установлено аллахом, что „доказывает" необходимость его незыблемости в интересах „всех" муслимов, по утверждению богословствующих политиков ислама. „**Мы—говорит бог корана—раздаем... жизненные потребности в этой дольней жизни, возвышаем одних над другими в степенях, так что одни... держат других подвластными себе невольниками**" (43, 31). „Бог, читаем мы в другом месте, посылает свои дары, кому хочет, без счета" (24, 38). Он „или в избытке доставляет, кому захочет, жизненные потребности, или дает в соразмерном количестве" (17, 32). „Создавая" таким образом неравенство, бог корана дает указание и относительно как образа правления, так и вообще отношения „малых" к „сильным" мира сего.

„Верующие—читаем мы в коране—**повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику сему (Мухаммеду. Л. К.) и тем из вас, которые имеют власть**» (4, 62). При этом, повинуясь, не завидуйте, не помышляйте о „благах", коими „имеющие власть" обладают. „Не засматривайся очами твоими—поучает коран—на те блага, какими наделяем мы (бог. Л. К.) некоторые семейства..., на этот цвет дольней жизни..." (20, 131). Это вытекает, по корану (повидимому, только в отношении беднейших слоев, так как, когда речь обращена к имущим, что видно из ее характера, такие мотивы крайне мизерны), из вышеизложенного (см. § „Земная жизнь и ее смысл") значения земной юдоли, как лишь преддверия к „вечной жизни", в которой все удовольствия лишь „суетный наряд".

Путь к благочестию этой части верующих, не наделенной „дарами" аллаха, есть путь терпения и смирения. Правда, покорным должен быть всякий мусульманин, ибо „**благо перед богом есть покорность**" (3, 17), **т.-е. есть ислам. Ведь бог корана говорит: „Я благоизволил поставить вероуставом для вас покорность**" [1]) (5, 5). Но тут мы вправе поставить маленькое—**но.** Именно: ислам есть покорность. Кому? Богу? Нет, как мы видели из вышеприведенной цитаты (4. 62), не одному лишь богу, но и посланнику его, и „тем..., которые имеют власть". Это входит в коран и этого ничем оттуда не выскоблишь. Что же получается? А то, что **ислам, по корану, для власть имущего одно, для бедняка—другое.** Первому нужно быть „покорным" лишь богу и его посланнику, второму же, тоже им, да плюс к тому этому же первому—власть имущему.

---

[1]) По-арабски: ислам. Примеч. переводчика.

Действительно, если мы просмотрим коранические законоустановления, а также действия и проповеди описанных в коране пророков и посланников божиих, то без большого труда ясно заметим получающуюся тут неувязку. Собственно, и некоторые из противоречий, отмеченных нами при изложении коранических систем—детерминированной и индетерминированной человеческой воли, также получаются в плоскостях, соприкасающихся с сим „щепетильным" вопросом. Необходимость смирения и покорности не только богу коран подчеркивает постоянно, он придает этому первостепенное значение. „**Если бы бог не удерживал одних людей другими,—читаем мы в коране,—то были бы разрушены и монастыри, и церкви, и синагоги, и мечети, где постоянно призывается имя божие**" (22, 41).

Приведенная коранической цитата, аят, не оставляет почти сомнений в понимании автором этого аята социальной значимости проповеди „покорности", т.-е. ислама, необходимости удержания „одних людей другими". Коранический террор становится ясным. „**Учи кораном того, кто боится моей угрозы**" (50, 45),—это не звук, но лозунг, наполненный определенной классовой идеологией, и он подтверждается всей историей ислама.

Коран, поистине, дал в противоречиях, в нем содержащихся, удобное оружие не на одну сотню лет для тех, которые после „печати пророков", Мухаммеда, „учили (и учат) кораном". „**Мы—говорит бог корана—послали каждого посланника только с тем, чтобы ему, по изволению божию, повиновались**" (4, 67). Но большинство посланников не только „слуги божьи", они —шейхи, власть имущие, политические вожди и государственные мужи. „Господь миров", „царь царства" среди своей челяди земных посланцев—не имеет „голодранцев". И если некоторые из них и происходят из „бедных" и „неучены", то, становясь собственно „божьими" пророками, они „просвещаются", выбираются на „свет божий" в ряд с власть имущими.

Такова история почти всех пророков корана.

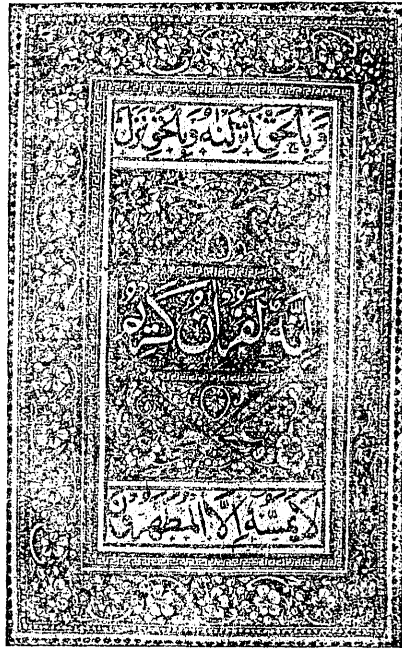
Поэтому неудивительны слова последнего: „**Скажи: боже, царь царства! Ты даешь царство, кому хочешь, и от'емлешь царство, у кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь: благо в твоей руке, потому что ты всемогущ**" (3, 25)

Эти мотивы проходят красной нитью почти через все коранические суры. Еще божие посланцы Моисей с Аароном с успехом их применяют.—„**Господи наш! влей в нас силу терпения и дай нам умереть покорными**" (7, 123). „Моисей сказал народу своему: просите помощи у бога и будьте терпеливы. Истинно, земля во власти бога; он отдает ее в наследие тем из рабов своих, которым хочет" (7, 125). Помните: „На бога уповайте, если вы верующие" (5, 26), „**призовите на помощь терпение и молитву; они, действительно, великая сила только для покорных**, для тех, которые думают, что они сретят (увидят) господа своего, и что к нему они возвратятся" (2, 42—43). Покорность эта не абстрактна, а конкретна. Дается ряд примеров и указаний, как и в каких случаях ее применить:

„Сын мой—восклицает коранический пророк-мудрец в главе его имени, Лукман, образец кротости, вежливости и осторожности, по арабским сказаниям,—совершай молитвы, учи доброму, запрещай противозаконное. **Будь терпелив в несчастии, какое постигнет тебя: это одна из непременных доль наших.** Не криви своего лица из презрения к людям и **не ходи по земле величаво**, бог не любит гордых и надменных, но **походка твоя пусть будет скромная. Говори голосом тихим**, потому что самый неприятный из голосов есть голос ослов" (31, 16—18). „Верующие! не спрашивайте о таких вещах, которые,

если открыты будут вам, огорчат вас" (5, 101). Но если нельзя открывать широко рта, поднять свой голос, узнать о причинах той или иной невзгоды, то как же реагировать на подобный поступок со стороны других? **„Терпеливо переноси то, что говорят они"** (20, 130; 73, 10)—рекомендует коран. Коранический бог делает строгий расчет. „Да, если мы дадим ему (человеку) вкусить удовольствий после того, как его постигали огорчения, то будет говорить: беды отошли от меня; и он тогда весел, горд. **Только тем, которые терпеливы и делают доброе,—тем только будет прощение и великая награда"** (11, 13—14).

„Перед богом—читаем в коране—тот из вас (арабов. Л. К.) более имеет достоинства, кто из вас богобоязливее... Пустынные арабы говорят: „мы веруем!". Скажи им: вы не уверовали. Скажите лучше: **„мы приняли ислам"...** Если вы повинуетесь богу и его посланнику (**„и тем из вас, которые имеют власть"**, см. выше. Л. К.), то он ни на одну долю не уменьшит дел ваших" (49, 13—14). Итак, „терпеливо жди суда господа твоего: ты перед его очами. Воссылай хвалу господу твоему, когда ты встаешь; хвали его во время ночи и при закате звезд" (52, 48). Помните: „и этот [1]) есть писание, свыше нами ниспосланное; оно благословенно, а потому последуйте ему и будьте богобоязненны: может быть, будете помилованы" (6, 156).

Заглавный лист корана.
Индийское изд. 1283 г.

---

[1]) Коран. Примеч. переводчика.

ГЛАВА VI.

Законоустановления корана

Джихад, или беспроигрышная лотерея „жилища всегдабытности".

Джихад—это ученье о „священной" войне, войне „за веру". Он занимает одно из важнейших мест в коране. Собственно он, джихад, в руках руководителей первоначального ислама и сыграл решающее значение в деле его формирования, как определенной религиозно-политической системы, связанной с государственной организацией. Халифат, как своим образованием, так и успешным развитием в дальнейшем, во многом был обязан умелому использованию, постановке и развитию этой идеи, „войны за веру". Эта идея стала прекрасным оружием и в руках многих последующих поколений, вплоть до наших дней.

Ее значение было велико и во время последней империалистической войны [1]) и во все предшествовавшие войны; используется это учение и сейчас, и не безрезультатно, империалистами, особенно Великобританией в колониальных и полуколониальных ее странах (Индия и др.), Голландией (Индонезия) и т. д.

Значение джихада, между прочим, было отмечено и **К. Марксом** в его работах, посвященных Русско-Турецкой войне 1854 года. В статье „Об'явление войны. Мусульмане и христиане", датированной 24 марта 1854 г., Маркс пишет: „Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных. Неверный, это—„гяур", это враг. Ислам проклинает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными. В этом смысле пиратские корабли берберийских государств были священным флотом ислама"[2]).

Действительно, значение этого деления было огромно. Слово „кафыр" или, по произношению татар, „кафир", также широко известное по персидскому термину —„гяур" (от фарсистского „гебр"),перешедшему и к османским туркам, вошло как в устное, так и пись-

---

[1]) Кратко об этом читатель найдет сведения в работе Б. Кандидова, „Церковный фронт в годы мировой войны". Изд. „Атеист". М. 1927. См. стр. 136—138. Как иллюстрацию значения данного вопроса в годы империалистической войны 1914—18 г. г., отметим изданную Исторической Комиссией при Уч. Отд. О. Р. Т. З., в серии „Война и культура" (№ 28), крайне безграмотную брошюру Н. А. Куна,—„Магомет и магометанство". М. 1915. Укажем также, что на русском языке имелись и специальные работы, посвященные джихаду; таково, напр., соч. А. Агрономова—„Мухаммеданское учение о войне с неверными (Джигад)". Казань. 1877. Стр. 231. Из серии „Миссионерского Противомусульманского Сборн. Казанской Дух. Акад."Вып. XIV

[2]) См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. X. ГИЗ. 1926. Стр. 438. Цитирую по изданию „Мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о религии". Изд. Атеист. М. 1927. Стр. 308.

менное, книжное употребление почти всех языков мира. „Джихад“ и „хазават“—„война за веру“—также получили не меньшие права гражданства, чем вышеуказанное слово „неверный“. Все это создает необходимость более детального освещения данного вопроса и в нашем изложении корана.

В разделе „Страшный суд“ мы имели уже случай видеть, что погибших „на пути божьем“ коран об‘явил живыми и находящимися „перед лицом господа“, создавая тем самым внутреннюю неурядицу своих утверждений о посмертной участи человека. Об этом „пути“ коран говорит неоднократно. И он прямо вытекает, правда, несколько противоречиво, из изложенных выше „путей“. „Верующие!—восклицает коран.—Ищите помощи себе в терпеньи и молитве, потому что с терпеливыми—бог. О тех, которые убиты на пути божьем, не говорите: они мертвы; нет, они живы. Но вы не постигаете этого.

„Действительно, мы искушаем вас то тем, то другим способом: страхом, голодом, потерею имущества, жизни, плодов; но обрадуй терпеливых благою вестью. Те, которых постигнет когда какое-либо бедствие, говорят: „мы во власти бога и к нему мы возвратимся!“. Им благословения и милость от господа их; они идут по прямому пути“ (2, 148—152). Таким образом, как и вообще вся земная жизнь человека, так и „пути“ верующих в ней,—для искушения. Иначе и не могло бы быть, ведь: „Если бы бог захотел, он установил бы из вас (людей. Л. К.) одну религиозную общину; но он хочет испытать вас тем, что дает вам“ (5, 53), а потому, повидимому, и разделил вас на ряд „религиозных общин“. Но тут в коране мы не найдем единого мнения. А потому, скажем прежде всего, о вере, ее происхождении и о коранической регламентации взаимоотношений между верными—мусульманами и неверными—кафырами.

„Небесам, земле, горам мы (бог. Л. К.) предлагали залог (обязательство) веры, но они отказались принять его, устрашились его; а человек принял его, потому что он дерзок, безрассуден“ (33, 72)—вот причина принятия веры, по корану. Хотя, с другой стороны, судя по тому же корану, вера неот‘емлема от человеческой природы, она присуждена ему, его физической конституции. „С искренностью держи постоянно лицо свое обращенным к этому вероуставу,—читаем в коране,—**соответственно тому устройству бога, в котором он устроил людей! Нет перемены творению божию**“ (30, 29). При этом, конечно, „**душа может веровать только по изволению бога**“ (10, 100). Но, веруя, она может, опять-таки, веровать по-разному: прибыльно или убыточно. Ибо и неверные верят, но „в день... решения (см. § „Страшный суд“) **не принесет пользы неверным вера их**, и отсрочки не дастся им“ (32, 29). А в выборе веры человек как будто бы[1]) волен. „Я требую от вас...,—говорит посланник в коране,—**только того, чтобы тот, кто хочет, держался пути ко господу своему**“ (25, 59). При этом вера имеет разные степени, может увеличиваться и уменьшаться. См. 3, 167; 8, 2; 9, 125; 33, 22; 48, 4; 74, 31.

Но, в виду ограниченности места и без того затянувшегося изложения, перейдем непосредственно к предмету, нас сейчас привлекающему.

„Кто держится другого какого-либо вероустава, а не ислама[2]),—об‘являет коран,—в том нет угодного ему (богу. Л. К.); в будущей

---

[1]) „Как будто бы“ потому, что место: „Истина от господа вашего: кто хочет, уверует, кто хочет, будет неверным“ (18, 28), как и приведенное в тексте, может толковаться и в более широком смысле, в отношении роли человеческого желания.

[2]) Покорности богу. Примеч. переводчика.

жизни он будет в числе несчастных“ (31, 79). Раз так, если за свое непризнание ислама „истинным вероуставом“ человек неминуемо попадет в геенну, в ад, то могут ли верующие в ислам допускать это, не должны ли они бороться за вывод заплутавшихся неверных на „прямой путь“? Допустима ли веротерпимость? На эти вопросы коран отвечает, но тоже противоречиво, что, заметим, об‘ясняется политическими моментами, конкретной обстановкой, вызвавшей то или иное кораническое утверждение.

„**В религии нет принуждения**,—об‘являет коран, с одной стороны. Прямой путь ясно отличается от кривой дороги...“ (2, 257). „Не принуждать их“, неверных,—советует коран в другом месте (50, 44). „Скажи верующим,—поучает аллах,—чтобы они были снисходительны к тем, которые не ожидают тех дней бога, в которые он воздаст людям за то, что усвоили они себе“ (45, 13). И если старались бы их склонить на свою „правую“ сторону, то, не оскорбляя их чувств, „не злословя“ (6, 108). „Призывай на путь господа твоего—учит коран—мудрыми, добрыми наставлениями и веди с ними (с иноверцами. Л. К.) споры о том, что добро“ (16, 26).

Не то говорит другая, явно преобладающая часть коранических поучений.

„Зачем вы двоитесь в отношении лицемеров?—читаем в коране.— Бог отверг их за то, что усвоили они себе. **Ужели хотите поставить на путь тех, кого бог увел в заблуждение? Бог кого вводит в заблуждение, для того ты не найдешь уже пути.** Они (неверные, лицемеры. Л. К.) хотят, чтобы вы были неверными так же, как неверны сами они, для того, чтобы вы были одинаковы с ними; не берите их в друзья, пока не выйдут они на свет божий. Если они отворотятся (обратятся совершенно и преданнейшим образом к неверию), то берите (схватывайте) их, убивайте их, где ни найдете их. Не избирайте из них себе друга, покровителя... **Вам (верующим. Л. К.) доставляем мы полную власть над ними**“ (4, 90—91, 93).

Под этим знаком власти верующих над неверными, признанием никчемности каких-либо споров и увещеваний неверных словом, что, заметим, вполне логично вытекает из признания прирожденности и богозависимости веры у людей, ибо без вмешательства бога „горбатого лишь могила исправит“, идет развитие коранического учения о джихаде. Примером вражды с неверными одноплеменниками является поведение Авраама. „Верующие! врагов моих и врагов ваших—учит аллах—не считайте друзьями своими... Кто из вас поступит так, тот уклоняется от прямого пути. Если они (неверные соплеменники ваши. Л. К.) застигнут вас, то оказываются врагами вам и руки свои и языки свои направляют они во зло вам, они желают, чтобы вы сделались неверными. Для вас **есть прекрасный пример в Аврааме и в тех, которые с ним**; вот, они сказали народу своему: **мы** далеки от вас и от тех, кому вы поклоняетесь, опричь бога, **мы отказываемся от вас и между нами и вами возникает вражда и ненависть навсегда, до той поры, пока не уверуете в бога, который один**“ (60, 1—4). „**Верующие не должны брать себе в друзья неверных**,—не раз подчеркивает коран, правда, иногда с оговоркой,—(кроме) разве того случая, когда будете опасаться их при прямой опасности“, т. е. в случае стратегических соображений (3, 27; 4, 137—140). Во всех остальных случаях верующим предписывается проявить максимум жестокости. (См., напр.: 5, 59; 9, 129; 48, 29).

„Пророк!—обращается коран к Мухаммеду—ревностно воюй с неверными, с лицемерами, будь жесток к ним: их жилище—геенна“

(9,74; 66, 9). „Пророк! поощряй верующих к битве: если будет вас двадцать человек стойких, они победят двести; если будет вас сто, они победят тысячу неверных, потому что это—народ не понимающий" (8, 66). Итак, „сражайтесь на пути божием с теми, которые сражаются с вами... Убивайте их! где ни застигнете их, изгоняйте их, откуда вас они изгоняли: искушение губительнее убийства. Не сражайтесь с ними при запретной мечети[1]), пока они там не начнут сражаться с вами, но если они станут сражаться с вами, то и вы сражайтесь с ними... Сражайтесь с ними до тех пор, пока не будет уже вам искушения, и пока не установится ваше поклонение богу (среди неверных, сражающихся с вами. Л. К.). И если они удержатся **от борьбы с вами**, то вражда у вас будет только против беззаконных. **Запретный месяц будет временем мести за запретный месяц и запретные урочища—местом мести за запретные места** [2]). Потому, кто враждует с вами, с тем и вы враждуйте, так же, как он враждует с вами" (2, 186—190). „**Когда встретитесь с неверными, то ссекать с них головы до тех пор, пока не сделаете им совершенного поражения! Пленных держите в крепких оковах!**" [3]) (47, 4). Воюйте! „**Бог вместе с стойкими в битвах**" (8, 67)!

Сражайтесь стройно ибо, „действительно, **бог любит тех, которые сражаются на пути его, становясь в ряды, подобные стройно-сплоченному зданию**"(61, 4). Всякое дезертирство карается со всей строгостью, присущей божественному трибуналу, который сам и чрез свои невидимые воинства иногда принимает участие в избиении неверных. „Верующие!—читаем по этому поводу в коране—когда встретите неверных, в боевом строе идущих на вас, не обращайте к ним тыла. Кто в такое время обратит к ним свой тыл,—исключается тот, который ворочается для битвы или оборачивается, чтобы примкнуть к плотному строю, тот привлечет на себя гнев бога, тому жилищем будет геенна: страшно это пристанище! **Не вы убивали их, а бог убивал их**; не ты метал, когда метал, но бог метал его [4])" (8, 15—17). Бог и его небесные воинства воюют с неверными. „Верующие!—восклицает пророк к участвовавшим в битве при рве—вспомните божье благодеяние вам: когда шли на вас ополчения, мы послали против них ветер и невидимые для вас ополчения. Бог видел ваши дела. Вот, они напали на вас и сверху, и снизу, и вот, очи ваши поникли, сердца доходили до гортаней, и вы впадали в недоумения о боге. Здесь верующие подвергались искушению и потрясены были сильным потрясением. И вот, лицемеры и те, которые немощны сердцами, говорят: „то, что обещал нам бог и его посланник, есть только обман". И вот, один отряд из них (из поколебавшихся. Л. К.) сказал: „жители Ясриба (или Ятриппа, впоследствии Медина. Л. К.)! Вам не место здесь; возвращайтесь!". Один отряд из них просит у пророка позволения удалиться, говоря: „домы наши

---

[1]) Подразумевается меккская Кааба. „Запретной мечетью" Кааба названа потому,—говорит акад. В. В. Бартольд,—что находилась на священной территории, где были запрещены военные действия и куда был открыт доступ только при соблюдении определенных ритуальных требований. Ежег. Российского Инст. Истор. Искусств, Т. I, 1922 г., стр. 114.

[2]) Этому отчасти противоречит 9, 5, 36, но это подтверждает 2, 12—15; последние стихи известны в исламе под наименованием «Стихов войны». О значении запретных, «священных» месяцев у арабов см. мой указ. очерк—„К вопр. о происх. ислама".

[3]) Последнему несколько противоречит утверждение: «Ни одному пророку не предоставлялось брать пленных, пока ни производилось поголовного избиения на земле» (8, 68).

[4]) Заметим, что данный стих является прекрасной иллюстрацией к кораническому учению о предопределенности и детерминизме человеческой воли.

беззащитны". Но они были беззащитны сами, они только хотели бежать... Скажи: бегство не принесет вам пользы; вы убежали от смерти или от убиения, но вот, недолго пробудете в наслаждениях" (33, 9—13, 16). Помните: „мудрость"—„от судьбы не убежишь".

В некоторых других местах коран несколько более сдержан; допускает соглашения, „союз с многобожниками" (9, 1—4), при чем требуется, правда, их безупречное исполнение. Иначе, „если они (многобожники) после сего союза с ними нарушат клятвы свои и будут хулить вашу (муслимов, мусульман. Л. К.) веру, то **воюйте с вождями неверия... Как не воевать вам с народом, который нарушил свою клятву... Воюйте с ними: бог накажет их руками вашими и посрамит их, даст вам победу над ними** и исцелит сердца людей верующих, изгонит гнев из сердец их" (9, 12—15). „Воюйте с теми,—говорит в другом месте коран,—которые не веруют в бога и последний день, не считают запрещенным того, что запретил бог и его посланник; и с теми из получивших писание, которые не принимают истинного вероустава, **до тех пор, пока они не будут давать выкупа за свою жизнь, обессиленные, униженные**" (9, 29). Здесь мы уже видим „новые" мотивы,—„до тех пор, пока они не будут давать выкупа",—значение которых станет ясным, если мы вспомним „джизью", т. е. налог-выкуп, подушную подать, которую мы упоминали выше, говоря о завоевательных войнах арабов первой половины VII века. „Выкуп"—это и есть „джизья",—платящих же эту дань мусульмане обычно называли „райя", т. е. „стадо скота", или „зимий ями", т. е. обязанными.

Последовательность развития теории предопределенности приводит, таким образом, и здесь, в джихаде, этом обязательстве для мусульманина („Ревностно воюйте за бога **по обязанности** ревностно воевать за него" (22, 77), к полному отрицанию самостоятельности человеческих поступков. Бог, оказывается, будучи вообще любителем „загребать жар чужими руками", наказывает неверных руками верных, не тревожа ему присущей, как мы видели в главе „Бог корана", десницы.

В развитие этих мест авторы корана дали максимум красочности, если не стиля, то смыслового содержания. Все сладости жизни, не только небесной (тут ее одной было бы, конечно, недостаточно), но и земной, сулятся участникам джихада. Участвующие в битвах с неверными об'являются наиболее благочестивыми, угодными аллаху. „Из верующих—читаем в коране—остающиеся во время войны дома, не вынуждаясь к тому необходимостью, **не равны** ревности подвизающимся на пути божием с пожертвованиями своим имуществом и своею жизнью. **Воюющих за веру с пожертвованием своего имущества и своей жизни бог поставил выше остающихся дома, относительно степени достоинств их; всем бог обещал прекрасную награду, но воюющим за веру предоставил большую, нежели какую тем, которые остаются дома, распределив от себя степени, прощение, милость**" (4, 97—98). Наделив „сражающихся на пути божием" такой загробной щедростью, бог, через уста его пророка, не позабыл упомянуть и „о хлебе насущном", о земных „синицах". Правда, посланник бога первым долгом постарался не позабыть себя. „Знайте,—узнаем мы из корана, что из всего, **что ни берете вы в добычу, пятая часть богу, посланнику и родственникам его, сиротам, бедным, путешественникам**" (8, 42). Здесь стоит отметить то, что получение посланником его доли находит весьма логичную, по корану, аргументацию В 59-й суре, в 6—10 стихах, где говорится о правах на военную добычу, читаем: „что от них (т. е. от неверных, у которых взята добыча. Л. К.) предоставил бог своему посланнику, то—несколько коней, несколько верб-

людов,—не вы (сражавшиеся. Л. К.) пригнали к нему, **но бог:** он своим посланникам дает во власть, кого хочет". Дальше излагается порядок распределения военной добычи между мусульманами с различным „стажем"—мухаджир и ансаров, и т. п.

Эту для многих цель войны (о чем говорит и 19-й аят 33 суры), добычу, верно отметил А. С. Пушкин своем „Подражании корану":

„Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!
Вы победили: слава вам,
А малодушным—посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам".

Действительно, коран высоко ставит джихад. Всякий верующий, не отказавшийся от него, тем самым обеспечивает себе „теплое местечко" в „фирдаусе". „Да подвизаются в битвах на пути божием—восклицает коран—те, которые за настоящую жизнь хотят купить будущую: **кто будет подвизаться в битвах на пути божием, тому—убит ли будет он, или победит—мы верно дадим великую награду"** (4, 76). Джихад—это один из путей „искания даров божиих", и, пожалуй, наивыгоднейший, ибо тут не может быть неудачи, банкротства, это—беспроигрышный билет. „Верующие!—восклицает коран—**указать ли вам торговлю, которая избавит вас от лютой муки?** [1]). Вы веруете в бога и его посланника, **сражайтесь на пути божием, жертвуя вашим имуществом и вашими душами** [2]): **это лучшая для вас торговля,** если понимаете. Он простит вам грехи ваши и введет вас в сады, по которым текут реки,—прекрасные жилища в садах Эдема: это великое блаженство.—**И прочее, что вы любите:** помощь божия, близкая победа" (61, 10—13). Все будет вам, верующим, лишь сражайтесь на пути божием". Это—третий и, пожалуй, последний „путь благочестия, изложенный в коране, если забыть о земной агентуре аллаха и ее роли.

---

[1]) Это смешанно-аллегорическое (уподобительное) выражение для ясности требует прибавки слов: которая избавит вас от банкротства, подвергающего лютой муке во аде. Примеч. переводчика.

[2]) Вашею жизнью. Примеч. переводчика.

Виньетка, обычно ставящаяся на заглавном листе корана.

ГЛАВА VII.

Законоустановления корана.

Земные даяния аллаховым слугам—ключи райских врат.

Уже приведенное в учении о джихаде настойчивое указание на необходимость отдания пятой доли военной добычи „пророку и его родственникам“ навело, наверное, читателя на мысль о защите кораном интересов жреческих слоев. И в этом, как увидим, читатель не ошибется. Нужно лишь помнить одно: жрец, служитель бога, в то время в большой степени сохранял еще свойства вождя, политического организатора. В торговых слоях он принадлежал к ним, защищал их интересы, часто, правда, прикрываясь идеями альтруизма. Он—„ходатай“ пред богом, друг; деньги, пожертвования, которые ему даются—даются, будто бы, не ему, а богу, бедным, путешественникам. Словом, благодаря сравнительно большому опыту служителей Каабы [1]), как нам кажется, не беспричастных к корану, коран имеет более или менее удачно замаскированное учение о „божьих слугах“.

Пожертвования, по корану, вытекают непосредственно из необходимости общей благотворительности, именно: милостыни и т. д. Уже сама молитва—некоторая жертва богу, которую последний с радостью от верных ему приемлет и заносит в приход „добрых дел“ поклоняющегося. Но отсюда, от этого „внематериального“ „одолжения“, авторы корана легко и удобно переходят к материальному. „Истинно,—читаем в „увещевании народу“,—господь твой знает, что ты встаешь на молитву то в первую треть ночи, то в половине ее, то в послед-

[1]) См. указ. наш оч. „К вопр. о происх. ислама“.

нюю треть ее, и также некоторые из тех, которые с тобою. Бог разделил на части ночь и день; он знает, что вам этого не узнать точно и он прощает вам это. Потому, читайте из корана столько, сколько можете. Он знает, что из вас некоторые бывают больны, другие странствуют по земле, желая снискать себе что либо из щедрот божиих; иные трудятся в битвах на пути божием; потому читайте из него [1]) столько, сколько можете. Совершайте молитвы, давайте очистительную с имущества милостыню [2]). **Одолжайте бога хорошим одолжением**" (73, 20).

Из этих „одолжений" особенно ценится „одолжение" „на путь божий"—джихад. „Делайте пожертвования—поучает коран—на путь божий... благодетельствуйте, потому что бог любит благодетельствующих" (2, 19). Помните: „Те, которые своим **имуществом жертвуют** на путь божий, подобны зерну, произращающему по семи колосов и в каждом колосе по сто зерен. Бог вдвое воздаст тому, кому хочет... Тем, которые своим имуществом жертвуют на путь божий и своих пожертвований не сопровождают упреками и укорами,—тем награда от господа их... Те, которые жертвуют из своего имущества желая угодить богу и подкрепить свои души, подобны саду на тучном холме: прольется на него обильный дождь, и он приносит плоды вдвойне; то же бывает, если не обильный дождь, а роса проливается на него... **Верующие! отдавайте на пожертвования лучшее из того, что приобрели вы, и из того, что мы выращиваем из земли, а не жертвуйте таким, что считаете для себя самих негодным, таким, что** приняли бы вы не иначе, как зажмурив очи... **Сатана угрожает вам бедностью** и поощряет вас к гнусному, бог же обещает вам свое прощение и благотворение..., какое бы пожертвование ни пожертвовали вы и какой бы обет ни обещали вы,—бог знает их... Если вы открыто будете творить милостыни, то это прекрасно; и если будете тайно творить их и отдавать их бедным, то это будет еще лучше для вас: **загладит вам злые дела..** Что ни жертвуете вы из добра вашего, жертвуете то для себя самих, как скоро жертвуете только потому, что ищете лица божия; **что ни пожертвуете из добра вашего, вам сполна будет заплачено за то, и вы обижены не будете.**—Пожертвования для бедных, которые терпят нужду на пути божием; они не могут вести промыслов на земле; незнающий почтет их, по скромности их, богатыми; ты узнаешь их по их признакам: они не просят докучливо. **Что пожертвуете из добра вашего, бог то знает. Тем, которые жертвуют своим имуществом ночью и днем, тайно и явно,—тем награда от господа их: им не будет страха, они не будут в печали**" (2, 263—264; 267—272, 273—275).

В приведенном, с возможной полнотой, кораническом отрывке о пожертвованиях на войну за веру, собственно, даны все основные моменты этого коранического учения. Применяясь к другим моментам, коран, конкретизируя или, наоборот, абстрагируя, дает лишь вариации приведенного. Заметим, что приведенный отрывок особенно интересен и по своему социальному содержанию. Направленный к имущим, к представителям торгового капитала, что мы ясно видим из характера жертв (моменты земледельческие мизерны) и общего характера (сатана—бедность) отрывка, он, в конечном счете, направлен

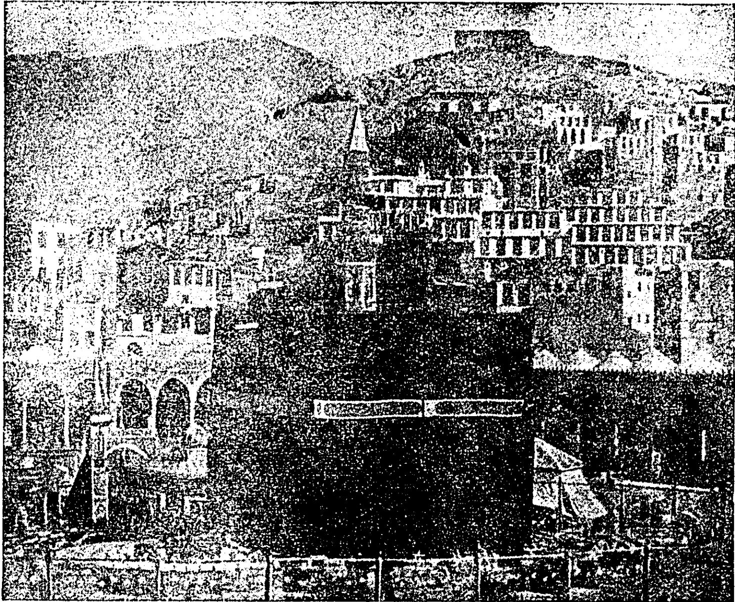
---

[1]) Корана. Примеч. переводчика.

[2]) Так наз. „зякят", „очищение имущества": одна из (пяти) главных обязанностей верующего. Кроме приводимых в тексте, см. 22, 42, 73. О нем, как и о гошере, см. у меня в указ. книге „Социалистическое строительство на Востоке и религия", стр. 98—104, а также в статье „Классовая сущность ислама", журн. „Антирелигиозник", №№ 9 и 11 за 1927 г.

в выгодную для них сторону. Призывая к пожертвованиям имуществом, он не требует жизни, указывая, что на пути божием подвизаются бедные, „которые терпят нужду". Цепь подобных утверждений привела к установлению той, заманчивой для имущих, мысли, что система пожертвований мусульманина, благочестиво им выполняемая освободит его от грехов мира сего на предмет безоговорочного получения вечно-прекрасной райской жизни. В этом отношении, кстати сказать, ислам нисколько не уступает системе папских индульгенций „отпущениям грехов" христианской церкви, даже, пожалуй, превосходя их „достоинство" в некоторых моментах.

Пожертвования крайне необходимы. „Веруйте в бога и его посланника, делайте пожертвования из того, в чем он (бог.—Л. К.) сде-

Кааба в Мекке.

лал вас наследниками",—учит коран, с удивлением восклицая,—„Почему бы вам не делать пожертвований для пути божия, когда богу принадлежит наследие небес и земли? Те из вас которые прежде победы делают пожертвования и сражаются, они выше по степени,— не равняются с теми, которые после нее делают пожертвования и сражаются, хотя бог всем обещал наилучшее... **Кто хочет дать в заем богу хороший заем, чтобы бог вдвое заплатил за него и было бы ему щедрое вознаграждение?"** (57, 7, 10—11). **Ибо „вам не достичь благочестия, пока не будете делать пожертвований из того, что любите..."** (3, 36). Таким образом, коранический бог предлагает верующим в него войти с ним в своеобразную сделку, купить именные акции его небесной кампании с гарантированными 100% дивиденда, плюс „щедрое вознаграждение". Ясно, что дело идет о золотом тельце, о том, „что любите", а это,как мы уже видели из приведенного отрывка „Макамат" Харири,—металл динара, к кому «все любовью горят непритворной».

С взносом пожертвований нужно быть аккуратным, иначе и их действие может оказаться тщетным. „Делайте пожертвования—поучает коран—из того, чем мы наделили вас, прежде, нежели к кому либо из вас придет смерть, и он будет говорить: господи! о если бы ты отсрочил мне хотя на малое время! Я стал бы подавать милостыню и я был бы из числа добродетельных. Но бог не отсрочит ни одной душе, как скоро наступит определенный для нее срок“ (63,10—11). Не просрочьте время не только из-за себя, но и народа вашего,—„вы приглашаетесь делать пожертвования для пути божия. Из вас есть такие, которые скупятся, но кто скупится, тот скупится во вред себе самому. Бог богат, вы бедны. **Если вы отстанете.., то он заменит вас другим народом, и этот не будет одинаков с вами**“ (47, 40). А потому торопитесь, „**делайте пожертвования прежде, нежели наступит день, в который не будет ни сделки, ни дружбы, ни заступничества**“ (2, 255). Вы—„кто хочет одолжить бога хорошим одолжением?“ (2, 246)—не забывайте, что „имущество ваше, дети ваши только искушение вам... **Слушайтесь, повинуйтесь, делайте пожертвования ко благу душ ваших... Если вы даете в ссуду богу хорошею ссудою, он вдвойне отплатит вам, он простит вам**“ (64, 15—17).

Итак, ссуда, заем, одолжения, делаемые богу—чрезвычайно выгодны. Но кому же их непосредственно нужно, не богу же? Этот вопрос почти неизменно и, скажем, логично ставят неверные, не верящие в коран, отказываясь от исполнения рекомендуемых „жертв“. „Когда говорят им—свидетельствует коран—делайте пожертвования из того, чем наделяет вас бог, тогда неверные говорят верующим: **что нам кормить того, кого прокормит бог, если захочет!**“ (36, 47). Наученные ответом своих „языческих“ предшественников, жрецы корана отвечают с ловкостью хорошего виртуоза.—„Спрашивают тебя: на кого делают они пожертвования? Скажи: добро, каким они жертвуют, **идет** на родителей, ближних, сирот, бедных, путешественников“ (21, 12). Ответ, как видим,—туманно-ясный. Именно, в тумане „родителей, ближних“ и т. д. ясно видно приемлющую на себя десницу правящей группы—коранического жречества. Хотя, конечно, для видимости кое-что попадало, иногда в значительных размерах,—сиротам, бедным, путешественникам.

„Милостыня“ развивает и дополняет пожертвования. Она, которую бог „благосклонно приемлет“ (9, 105), которой верующий мусульманин может искупить грех непосещения им Мекки во время годового „торжественного праздника“—хаджа—аид курбана [1]) (2, 192), предназначена „только бедным, нищим, смотрителям милостынь, сердечно верным союзникам (тем, которые привлечены), на откуп рабов, для вошедших в долги, на походы по пути божию и на путешественников, согласно уставу божию“ (9, 60). Опять—туманно. „Тем, которые привлечены“, и „смотрителям милостынь“ остается широкое поле действия. И хотя „**ходатаем пред богом может быть кто-либо только по его (бога.—Л. К.) изволению**“(10, 3), они не во всем безупречны. Оказывается „есть такие, которые бесславят тебя (Мухаммеда.— Л. К) за милостыню“, за неправильный ее раздел (9, 58,—59).

И это не покажется удивительным, если ознакомиться со вкусами „печати пророков“ на этот предмет. „Верующие!—читаем мы по этому поводу—**когда вы будете наедине беседовать с посланником,**

---

[1]) О нем см. мои статьи „Аид курбан—праздник жертвоприношения“ в № 27 (229) за 1927 г. и № 26 (280) за 1928 г. еженед. „Безбожник“, М., а также „Хадж“, № 25 (331) за 1929 г.

тогда прежде беседы с ним подайте какую-либо милостыню; за это вам будет хорошо, и при том это весьма благовидно. А если вы не могли так сделать, то... бог прощающий милосерд. Может быть,— подхалимски продолжает коран,—вы прежде вашей беседы побоялись дать милостыню? **Если вы не сделали этого... то совершайте молитву, выдавайте из имущества очистительную долю, повинуйтесь богу и его посланнику**" (58, 13—14). Так и тут, в конце концов,—„из имущества очистительную милостыню"!

Да будет нам позволено, несколько оторвавшись от корана, заметить, что в данном случае „ученики", преемники „пророка",не стоят „выше учителя своего", хотя и не уронили его престижа.

Об этом говорит народная мудрость много претерпевшего от ревностных служителей аллаха, туркменского народа. Рассказывают: „Один мулла [1]) утопал в воде. Он так растерялся, что не слышал криков окружающих: „дай руку" (протяни). Один из стоявших поодаль сказал: ведь он никогда ничего не давал и потому вас не понимает. Вы ему предложите что-нибудь, может быть, тогда протянет руку». Из стоявших один крикнул: „На!", „Возьми!"—Мулла протянул руку, как за обычным подаянием, и тогда был вытащен из воды" [2]).

Из всей вышеизложенной системы дрессировки верующих, примером чего для всех последующих дрессировщиков является „посланник" Мухаммед, которого в назидание правоверным, по корану, не рекомендовалось даже „громко вызывать" „из внутренних комнат" его обиталища, но терпеливо „ждать, когда ты (посланник) выйдешь", и „не возвышать голоса... выше голоса пророка" (49, 2—5), вытекала идея замены, не говоря уже о племенном и родовом, классового чувства религиозной принадлежностью. „**Бог делает вам любезной веру... и делает вам гнусным неверие, нечестие и неповиновение**" (49, 7),—говорит коран, тут же поучая:

— „Если два народа из верующих будут воевать между собою, то вы примирите их один с другим. Если один из них несправедлив против другого, то воюйте против того, который несправедлив, пока не подчинится он заповеди божьей. Если он подчинится, то примирите его с другим правдиво... **Истинно, верующие—братья друг другу; потому примиряйте между собою братьев ваших**" (49, 9—10). Они, „**верующие и верующия** [3])—**друзья друг другу: внушают друг другу доброе, отклоняют друг друга от законопреступного, совершают молитву, дают очистительную милостыню, повинуются богу и его посланнику „и тем из вас, которые имеют власть**" (4, 62); **к вам бог будет милостив**" (9, 72).

Приведенные места ясно говорят о стремлении устранения каких бы то ни было—правовых, имущественных—различий между мусульманами и подмены сознания таковых антагонизмов идеей братства и дружбы всех верующих. Последнее привело в истории ислама к развитию панисламистских идей, которые, на ряду с христианским учением „любви", играли и играют одну из преступнейших ролей в руках капитала, в борьбе с ростом рабочего движения стран Востока.

---

[1]) „Мулла"—искаженное арабское слово „мауля", что значит: „господин, владетель". Значение „вероучителя ислама" слово „мулла" получило впоследствии. Уже одно это много говорит о классовой принадлежности обладателей сего термина.

[2]) Цитирую по переводу Сеид Мурад Овезбаева. См. его переводы—„Сквозь тьму времен к новой культуре", в журн. „Туркменоведение", № 2—3, 1927 г., стр. 38. Изд. Историко-Краеведческого Комитета при Туркмен. ЦИК'е. Ашхабад.

[3]) В пер. Казимирского-Николаева значится: „Верующие мужчины и женщины". См. указ. изд.

Идеал человека, верующего по корану—идеал всякого капиталиста, высоко ценящего дух гапоновщины. Под ним, с одной стороны, с елейной святостью скрывался халифат, затем султанат с шейх-ульисламом, может скрываться какой-нибудь „Сарекат Ислам“ [1]), с другой же—„воин“ какого-либо „полка божия“, вроде пресловутого „Ваисова“ [2]), или какая-либо смиренная, суфийски настроенная организация. Ибо помните, читающие коран: „Рабы милостивого,—те, которые ходят по земле скромно... которые проводят ночи, предстоя и преклоняясь господу своему, которые говорят: господи наш! отклони от нас муку в геенне, потому что мука в ней есть непрерывное страдание,—она бедственное жилище и поместилище; которые... делают пожертвования, не бывают ни расточительны, ни скупы, так, как требуется это верной серединой между тем и другим; которые вместе с богом, не признают никакого другого бога; не убивают человека, о котором бог дал запрещение, кроме того, кто повинен этому; не прелюбодействуют..., которые не дают свидетельств ложных и, когда случится им вступить на пустой разговор, отстают от него благопристойно; которые, когда произносятся знамения господа их, не прикидываются при этом глухими и слепыми; которые говорят: господи наш! даруй нам отраду очей в супругах наших и детях наших, и поставь нас вождями благочестивым; они в награду за то, что были терпеливы, получат горние райские обители, в них они будут встречены приветом и миром, в них они будут жить вечно. Какое прекрасное жилище и поместилище“! (25, 64—68, 72—76). „Скажи: ищу убежища у господа людей, царя людей, бога людей, от злобы скрытого искусителя, искушающего сердца людей,—от гениев и людей“ (114, последняя сура корана, вся).

Не останавливаясь долее на целом ряде других законоустановлений корана, некоторые из которых сыграли в истории ислама немаловажную роль, перейдем к следующим двум пунктам: во-первых, к вопросу о месте, хозяйственных и юридических правах женщины по корану и, во-вторых, к выяснению отношения корана к христианству, идее троичности бога, взгляду на Иисуса христа, Марию и т. д.

---

[2]) О нем см. Н. Францевич—„Сарекат Ислам“. Журн. „Революционный Восток“ № 4—5, 1928 г. М. Стр. 307—330.

[3]) О нем см. Л. Климович,—„Классовая сущность ислама“, указ. журн., № 9, 1927 г.,

ГЛАВА VIII.

Женщина, ее положение и права

Бесправное положение женщины Востока стало пресловутым. Женщина-мусульманка занимает в этом отношении, пожалуй, первенствующее положение. И коран, конечно, не стоит тут хатой с краю. Коран, о котором „в священном“ предании ислама говорится, что нет добра в том доме, в котором нет его, не оставил без внимания фактическую „хозяйку“ этого дома—женщину.

Говоря о происхождении человека, мы уже видели, что в вопросе о сотворении женщины в коране имеется некоторая неувязка (см. выше). В то время как о происхождении человека, мужчины, ибо именем „человек“ ислам называет только мужчину, говорится в коране неоднократно и весьма ясно, о творении женщины, если и говорится, то лишь вскользь. Такая мимолетность этих сведений привела к созданию целого учения в исламе, согласно которому, женщину аллах даже не „творил“ собственноручно. Он, будто бы, поручил это дело архангелу Гавриилу, который, вынув „во время сладкой дремоты“ у Адама ребро, произвел из него „приятного“ ему „товарища“, дабы он один не скучал. Последнее, служебное предназначение женщины подчеркивается кораном неоднократно.

— „Смотри, как силен, снисходителен он!—восклицает об аллахе коран.—Он сотворил вас от одного человека (мужчины. Л. К.)[1]); потом из него произвел супругу ему“ (39, 7—8). Произвел „**для того, чтобы мужчине успокаиваться у нее**“ (7, 189). При чем произвел он женщину „для него“, как вещь, наравне с другими необходимыми предметами и продуктами. Об этом прозрачно говорит строкой ниже тот же коран, после слов: „произвел супругу ему“, добавляющий: „доставил вам в пищу восемь скотов, в четырех парах“ (39, 8.)

Исходя из этих „первых дней творения“, коран строит свое отношение к женщине и во всех остальных моментах. Он к женщине относится крайне недоброжелательно. Это, как и все предыдущие законоустановления корана, вытекало или из определенных требований момента, или, и не могло быть иным, из тех социально-экономических условий, в которых развивался и рос ислам и представители которых явились действительными авторами корана.

Защищая монотеизм—„нет бога, кроме бога“, коран одним из главных аргументов правоты последнего выставляет недостойность женщин в родню аллаху. „Ужели возмет он (бог)... себе дочерей, а вам предоставит сынов? ...Ужели (возмет он себе) из тех, которые вырастают в думах только о нарядах и в бестолковых спорах?..“ (43, 15, 17). В дальнейшем это мнение корана расширяется: женщина недостойна быть и ангелом. „Ангелов,—читаем в коране,—которые суть слуги милостивого, считают женщинами; присутствовали ли они (счи-

---

[1]) Этому несколько противоречит 4, 1:... „от него сотворил супругу ему, а от их двоих, размножив их мужчин и женщин, рассеял их по земле“.

тающие, что это так. Л. К.) при творении их? Свидетельство их непременно запишется и они будут допрошены", т. е. ответят за сии сумасбродные мысли на „страшном суде" (43, 18).

Подобные речи можно не раз прочесть на страницах корана (см. кроме приводенного: 17, 42, 111; 18, 3, 4; 19, 91, 92, 93; 23, 93; 24, 2; 39, 6; 6, 100, 101; 72, 3; 37, 149—166). Причина обилия их станет вполне понятна если мы вспомним о древне-аравийских культах, в частности, о культе меккского святилища Каабы[1].—В Каабе, против культа которой пришлось, в первую очередь, бороться исламу, был ряд женских божеств, богинь, которые пользовались большой популярностью. Влияние их было столь велико, что в одном из мест корана автор его принужден говорить о них в весьма минорном тоне. „Размышляли ли вы об Ал-Лате, Ал-Уззе и о Манате, третьей, особой?—читаем мы об этих женских божествах.—Ужели у вас дети мужского пола, а у него (аллаха. Л. К.) дети женского пола? Это, право, неверный раздел! Они (почитаемые неверными арабами, вышеперечисленные богини. Л. К.) только одни имена, какими наименовали их вы и отцы ваши... Они (язычники, враги мусульман. Л. К.) следуют только мнению и тому, к чему влекут страсти". А потому только... „неверующие в будущую жизнь именуют ангелов женскими именами" (53, 19—23, 28).

Это унизительное положение, в которое коран ставит женщину, проникает почти во все поры его установлений. В диссонанс этому нисколько не идет осуждение кораном древне-арабского обычая номадов—убийства (закапывания живыми в земле, см. 16, 66—61; 81, 8—9) новорожденных девочек,—кстати сказать, излюбленная отписка богословствующего улемства ислама.

Итак „одно из знамений его (бога) есть то, что он для вас самих сотворил супруг, чтобы вам жить с ними" (36, 20). Женщина отсюда, во первых, **супруга**. В этом смысле коран говорит о ней особенно часто и подробно. Не даром одна из наиблее об'емистых его глав носит название „Жены", гл. IV.

Регламентируя брачные отношения, коран заявляет: **„разрешается вам (мусульманам. Л. К.) брак** с воспитанными **под строгой охраной** дочерями верующих и с воспитанными **под строгой охраной** дочерями тех, которым прежде вас дано писание (т.-е. евреев и христиан. Л. К.), когда дадите им вознаграждение для них [2]) и будете строго хранить себя, не распутничая, не держа любовниц" [3]) (5, 7). „Не вступайте в брак,—продолжает коран,—с теми женщинами, с которыми

---

[1]) См. указ. наш оч. „К вопр. о происхожд. ислама".

[2]) Т.-е. так называемый **мехр**, «приданое». «По духу и точному смыслу мусульманских законов,—говорит проф. П. Гидулянов, давая общую сводку «Брак по мусульманским законам» (журн. «Революция и церковь», № 1—2, 1924 г. Москва),—мехр (у Гидулянова—«мегр») брака есть просто «семен» торговли—цена за товар. Как при договоре о купле-продаже, так и при браке, производится отчуждение предмета и приобретение оного в собственность. При покупке предметов это какой-нибудь товар, при браке у арабов «приобретаемое у отца или других родственников с отцовской стороны право употреблять свою будующую жену». Об'ектом брака является genitale arvum mulieris, детородный женский член. В переводе сочинения Хелиль Ибн Исхака, законоведа малекитского толка, так и сказано: «Выходя замуж, женщина продает часть своей особы. В торговле предметом купли является—товар; в браке—детородный член женщины». Пока муж не уплатит мехра, жена может отказаться от сожития с ним, «потому что женщина продает себя, а всякий продавец вправе не давать проданного товара, пока не получит цены». Заметим, что в действительности имеет место продажа женщины не как само-продажа, а как продажа со стороны ее родителей или родственников.

[3]) Последнему, как увидим несколько ниже, противоречит ряд других мест корана.

вступали отцы ваши (остаются **такие браки,** прежде сего, уже **совершившиеся**)... **Вам запрещается вступать в брак** с матерями вашими, с дочерьми вашими, с сестрами вашими; с тетками с отцовой стороны; с дочерями брата вашего и с дочерями сестры вашей; с матерями вашими, которые кормили вас грудью [1]), с сестрами вашими молочными, с матерями жен ваших, падчерицами вашими, живущими в ваших домах, от ваших жен, с которыми вы вошли в супружеские отношения (но, если вы не входили в такие отношения, то вам **не будет греха жениться на них**); с женами сынов ваших, которые от чресел ваших; запрещается иметь женами двух сестер; остаются **такие браки** прежде сего уже совершившиеся, потому что бог прощающ, милосерд. Запрещается брак с замужними женщинами, за исключением тех, **которыми овладела десница ваша** [2])... **Вам разрешается сверх того** (т.-е. сверх вышеуказанных „законных" браков, по которым можно иметь одновременно 4-х жен, 4, 3) **искать себе удовлетворения в своих имуществах... и за то, чем вы будете пользоваться от них** (т.-е. от купленных женщин. Л. К.), **давайте им вознаграждение**, согласно условию. На вас не будет греха,—подхалимски продолжает коран,—если вы согласитесь между собою (очевидно, с купленной женщиной. Л, К.) на что-либо сверх обещанной платы".

Подобные „удовольствия", кстати, на нет сметающие вышеприведенные фразы корана о необходимости мужьям не „распутничать", понятно, доступны лишь тем, которым позволяет это „имущество". Но коран, строго учитывающий наличие классово-различных групп, позаботился и о другой части правоверных, с не столь толстой мошной. „Кто из вас,—вслед за приведенным продолжает коран,—не владеет таким достатком, чтобы мог вступить в брак с воспитываемыми под строгой охраной дочерьми верующих (и покупать себе продажных женщин, культивируя тем самым проституцию. Л. К.), то— с теми, которыми завладела десница ваша,—с верующими служанками вашими [3])... вступайте в брак... с позволения семейств их, и отдавайте им вознаграждение их [4]), правдиво, коль скоро они были честными, не распутными, не имевшими любовников. Если они после того, как жили честно, сделают какую гнусность, то подвергаются **половине** того наказания, какому подвергаются воспитываемые под присмотром" (4, 26—28, 29—30). Таким образом, и тут даже, в области наказания жены за неверность мужу, имущественные, классовые мотивы играют первостепенное значение.

Кроме вышеуказанных случаев брачных запрещений, коран регламентирует и следующие, по религиозной принадлежности брачующихся. „Не женитесь на многобожницах, доколе не уверуют они (т.-е. пока не примут ислам. Л. К.). Верующая невольница лучше многобожницы, хотя бы эта и нравилась вам. Не выходите в замужество за многобожников, доколе не уверуют они: верующий раб лучше многобожника, хотя бы этот и нравился вам. Те зовут вас в огонь ада; а бог, по своему изволению, зовет вас в рай и к прощению" (2, 220). Как и в вышеприведенном, тут очень характерен ряд мо-

---

[1]) Т.-е. кормилицами. Толкователь, замечает переводчик корана Казимирский, говорит по этому поводу: «Бог уподобил кормление грудью родству, почему и называет кормилиц матерями». Указ. изд. пер. корана Казимирского, стр. 56, примеч. 1.

[2]) Подразумеваются рабыни. Рабство, существовавшее в то время в Аравии, коран не отменяет.

[3]) Под ними коран разумеет рабынь.

[4]) Т.-е. ранее указанный мехр, садука, калым, даваемый, как выкуп родителям или родственникам невесты (по мусульманскому брачному праву—самой невесте).

ментов. Там имущественный недостаток, бедность, тут рабство—определенные категории. Отсутствие или присутствие их строго учитывается кораном. Фуркан, „судебник для арабов", не боровшийся за уничтожение системы рабства, а лишь предлагавший, дабы слух не резало, заменить слово „раб"—„слугою", в вопросе о женщине сохраняет тот же критерий. Коран не видит, не оперирует женщиной, как определенным, аллахом созданным, об'ектом. Нет. **Коран строго различает классовую принадлежность женщины и, лишь учтя ее, приступает к установлению того или иного законоположения** Это, кстати, сохранилось и до сих пор. Шариатские установления и адаты мусульман целиком проникнуты этими принципами. Непосредственное ознакомление с кораническими законоустановлениями этого порядка без лишних слов скажет нам об этом.

Так, говоря о необходимости отдавать, „не заменяя в нем добротного негодным", „сиротам имущество их", и „по жадности не переводить имущество их в свое имущество", коран замечает: „если боитесь, что не соблюдете справедливости в отношении сирот, то **женитесь на тех сиротах женского пола, которые нравятся вам,—на двух, на трех, на четырех,** а если боитесь, что не можете равно быть правдивыми ко всем им, то—только **на одной** или на той, которой завладели руки ваши" (4, 3). Таким образом, разрешая жениться на четырех женщинах сразу, совершенно не считаясь с личным желанием на то указываемых сирот, коран, вместе с тем, рекомендует считаться с собственными ресурсами: если „не можете", „то—только на одной". И эта „одна" тоже различна. Именно, если, как мы видели раньше, коран тем, кто „не владеет достатком", рекомендовал вступать в брак „с верующими служанками", т.-е. рабынями, то в отношении к имущим коран этого не говорит. Имущему и по „божественному" закону рабыня не пара. Она для него лишь земная „хурия", ибо он может „ограничиваться (!) своими женами и невольницами", как бесплатным приложением к женам (23, 6), И эти „герои"—„те, которые свои половые члены берегут только (!!) для своих супруг или для своих невольниц.., будут с честью приняты в сады райские" (70, 29—30, 35).

Суля подобные „награды" имущим мужьям, коран, будто бы, и в отношении к невольницам проявляет действительные меры облегчения. „Позволяйте—читаем мы в коране—вступать в брак безбрачным между вами, добрым слугам и служанкам (т.-е. рабам и рабыням. Л. К.) вашим. Если они (рабы и рабыни. Л. К.) бедны, бог обогатит их от щедрот своих... А те, которые не вступили в брак, должны жить воздержно, пока бог не обогатит их от щедрот своих.

„Для приобретения выгод в здешнем мире,—продолжает коран,—не принуждайте своих невольниц к распутству, тогда как они хотят жить честно; **а если принудит их к тому кто-нибудь, то, истинно, бог и после того принуждения будет милостив, милосерд**" (24, 32—33). Поистине, милосерд! Вот тут-то и сказывается действительная „природа" коранических законоустановлений. Торговый капитал, обеспечив себе „исканием даров божиих" царство „всегдабытности", позаботился и о своих земных „малых днях". Рабам же своим, „слугам", он рекомендует: „жить воздержанно, пока бог не обогатит их". Ждите, мол, у моря погоды... А тем временем, под шумок, коран проводит явное разрешение проституции и, при том, как форму извлечения прибыли для купца-рабовладельца. Слова—„истинно, бог и после того принуждения будет милостив, милосерд",—явное оправдание этого.

Переходя к вопросу о супружеских взаимоотношениях, а затем и к формам наследственного и других прав женщины, коран не оста-

вляет занятых позиций, смело провозглашая, что „**мужчины выше их (женщин.—Л. К.) степенью своего достоинства**“ (2, 228).

„**Мужья стоят выше жен, потому что бог дал первым преимущество над вторыми, и потому, что они из своих имуществ делают траты на них**“ (4, 38) Исходя из этой, в конечном счете, экономической зависимости женщины от мужа, коран переходит к декретированию поведения женщины и провозглашению прав мужчины. **Жены, говорит коран, должны быть „покорны** во время их (мужей) отсутствия, **бережливы**“, иначе, учит мужей руководство для благочестивых—„**тех, которые опасны по своему упрямству, вразумляйте,** отлучайте от своего ложа, **делайте им побои**“ (там же).

Мужья должны помнить, что они имеют неограниченную власть над своими супругами: „**Жены ваши—нива для вас: ходите на ниву вашу, когда ни захотите**“ (2, 223). И не только „отлучать от своего“ ложа и „делать побои“, но и убить, заморить живьем разрешает коран „своих“ жен их супругам. „Если—указывает коран—которые из ваших жен сделают гнусное дело, то представьте из вас четырех свидетелей о них; и если они засвидетельствуют, то **держите их в домах ваших до тех пор, пока постигнет их смерть,** или бог положит для них какой-либо путь“ (4, 19). Поэтому коран не раз советует: „не доводите себя до прелюбодеяния“ (17, 34). 24-ая—„Свет“—сура корана для „вразумления“ дает по этому поводу „ясные знамения“: „любодейцу и любодея—читаем мы в ней—**подвергайте телесному наказанию,** давая каждому из них по сто ударов. Сожаление о них не должно овладеть вами... Несколько человек верующих должны присутствовать при наказании их. Любодей будет жениться только на любодейце или многобожнице; или любодейца будет выходить только за любодея или многобожника. Но верующим это запрещается“ (24, 1—3). Еще в одном случае, „если которые из ваших жен убегут от вас к неверным, то—об‘являет коран—**можете взять назад их, как добычу**“ (60, 11),

Регламентируя подобные законоустановления, коран не забывает малейших мелочей. В жизни женщины не остается ни одного, сколько-нибудь большого „закоулка“, на который бы не обратил внимание коран. Приведем главные из этих узаконений, имеющие практическое значение и в наше время. „Скажи—поучает „увещевание“— также и верующим женщинам, чтобы они **потупляли свои взоры;** хранили бы себя от половых пожеланий; показывали бы только те из своих нарядов, которые наружу, **накладывали себе на грудь покрывала;** показывали бы наряды свои только своим мужьям, своим отцам, отцам своих мужей, своим сыновьям, сыновьям своих мужей, своим братьям, сыновьям своих братьев, сыновьям сестер своих, своим женщинам, невольницам, слугам таким, которые не имеют половых побуждений (т.-е. кастрированным, евнухам. Л. К.), детям, которые не распознают еще женской наготы; ногами своими не ступали бы они так, чтобы выставлялись закрытые наряды их“ (24, 31). И лишь „постаревшим женщинам, таким, которые не надеются вступить в брак, не ставится в вину снимать с себя одежду, если они не думают при этом хвалиться своими нарядами. Но скромность—красота их“ (24, 59).

„Пророк!—восклицает коран в другом месте.—Скажи супругам твоим, дочерям твоим, женам верующих: **плотнее опускали бы они на себя покрывала свои,** при таком опускании они не будут узнаваемы, и потому (!) не будут оскорбляемы“ (33, 59). Приведенные места корана, говорящие о необходимости „потупления взоров“ и „опускания на себя покрывала“,—одни из наиболее мрачных его аятов по той ре-

альной силе, которую они сохраняют до наших дней. Это стихи, канонизировавшие ношение чадры и паранджи, снятие которой за последние годы повлекло столько зверско-жестоких, кровавых жертв [1]).

Расторжение брака может быть, по корану, в силу целого ряда причин, некоторые из которых мы приведем, ибо они, помимо своей исторической ценности, являются и в настоящее время мотивами к разводу как в государствах, в коих ислам сейчас государственная религия, так и в местностях, где казийские суды и местное обычное право, проникнутое духом корана, не утратило еще своей силы. Во-первых, в коране мы можем найти так называемый **„развод проклятья"**. „Обвиняющий своих жен, в случае такого развода, не имея свидетелей кроме себя самого, в свидетельство за себя сделает четырекратное уверение богом, что он справедлив, и в пятый раз—призвание на себя проклятия божия, если он лжет. А та освобождается от наказания, если делает четыре раза призывание бога, свидетельство того, что он [2]) лжет, и в пятый раз—призовет на себя гнев божий, если он справедлив" (24, 6—9). Так разрешается этот случай развода.

Выходной костюм женщины-мусульманки. На рисунке богатые сирийские мусульманки, горожане. Их покрывала—из лучших материй, шелка и т. д., хотя, обычно, у массы мусульманских женщин-тружениц они—покрывала (паранджи) из грубой ткани, лицевая же сетка (чадра)—из черного конского волоса.

Есть еще развод второй, популярный и по сие время, это—**развод „хребта"**. Развод этот—яркое отражение полного бесправия женщины, отсутствия у ней права голоса. Мужчина, муж, „назвавший их (своих жен или свою жену Л. К.) хребтом матери", тем самым дает „законный" развод названным. Восстановить брачные отношения в случае, если подобный развод был дан под горячую руку, необдуманно и затем передуман, муж может лишь в случае выполнения обязательства „отпустить раба на волю" или, если муж—бедняк, а потому не имеет возможности выполнить указанное обязательство, то „тот обязывается поститься два месяца сряду, прежде нежели коснется ее", т.-е. бывшей своей супруги. „А кто не может этого сделать, тот обязывается накормить шестьдесят нищих" (58, 1—5; 33, 4).

Наконец, есть еще **развод клятвы**. Это—обычный развод мусульманина, передача которого в коране сопровождается условиями, поч-

---

[1]) Об этом см. у меня в указанной книге „Социалистическое строительство на Востоке и религия», стр. 143—155 и сл., а также и в ст.ст. «За труженицу Востока» (Еженед. «Безбожник», № 6 за 1928 г. Москва); «Боротьба за визволення женщини Сходу» (Журнал «Безвiрник», № 8—9, 1928 г., Харьков) и др.

[2]) Муж ее. Примеч. переводчика.

ти без изменений вошедшими затем в шариатские установления: „Тем,—читаем по этому поводу,—которые поклянутся не иметь более супружеских сообщений с своими женами, выждать четыре месяца. И в это время, если они обратятся к ним [1]), то бог прощающий милосерд. Но если они неизменно решились развестись с ними, то бог слышащий, знающий. Те, с которыми сделан развод, переждут с собой три срочные кровотечения; им не позволяется скрывать то, что создал бог (!) во чревах их", т.-е. беременность (2, 226—228). Ибо: „беременным срок, когда они разрешатся от своего беремени" (65, 4). При этом указывается, что, „если он (муж) разведется с нею (женой), то она после того уже не позволена ему (т.-е. с нею он не может вступить в супружеские отношения. Л. К.) до тех пор, пока она не выходила за другого какого-либо мужа; и когда этот другой разведется с нею (если он это только захочет. Л. К.), тогда обоим им не грех возвратиться друг к другу"... (2, 230). Не возбраняется развод с „женами", „к которым вы не прикасались", т.-е. с которыми не имели еще половой связи (2, 236—238; 33, 48).

Развод обычно сопряжен с имущественным разделом, чего, конечно, не мог не коснуться коран. В праве наследства он лишь закрепил, юридически оформил те высказывания, лозунги, формулы, привести которые мы уже имели не один случай. „Бог—читаем в коране—в отношении детей ваших заповедует вам: **доля сыну равна доле двух дочерей**; если будет женского пола детей более двух, то им **треть** из оставшегося после него имущества; если будет одна, то ей половина. И родителям его, каждому из них, шестая часть из оставленного им (умершим мужчиной. Л. К.) имущества, если у него есть (остались. Л. К.) дети; а если не было у него детей, то наследниками его будут родители его, и в этом случае **матери его—треть.** Если у него есть братья, то матери его **шестая часть** того (имущества), что останется после выдачи того, что в завещании он завещал, или после уплаты долга...

„**Вам половина того, что оставили жены ваши**, если у них нет детей; но если есть у них дети, то вам **четвертая часть** из того, что оставили они, после выдачи по завещанию их того, что завещали они кому-либо, или после уплаты долга. Также им [2]) **четвертая часть** (вот так „также"! Л. К.) из того, что оставите вы после себя, если нет у вас детей, а если есть у вас дети, то им (женам) **восьмая часть из того,** что оставите вы после себя, после выдачи по завещанию вашему того, что завещаете кому-либо, или после уплаты долга" (4, 12—13). И так всегда и всюду. Например: „Они просят у тебя устава. Скажи: бог дает вам устав о родственниках боковой линии: если умрет какой мужчина, у которого нет детей, а есть сестра, то ей—**половина** оставшегося имущества. И он (мужчина) получает наследство после нее (только, конечно, **все**, а не половину, как женщина. Л. К.), если у нее не было детей. Если их две, то им обеим—две **трети** из оставшегося имущества. Если у него есть братья и сестры, то **мужчине доля, равная доле двух женщин**" (4, 175).

Эти коранические установления, думаю, не потребуют комментария. Укажем лишь, что последние, как и ряд ранее указанных положений корана, почти целиком вошли в шариатские установления, окра-

---

[1]) Если опять вступят в супружеские отношения к своим женам. Примеч. переводчика.

[2]) Вашим женам; в арабском тексте корана эти слова понимаются из женского рода местоимения. Примеч. переводчика.

сив их определенным оттенком [1]). Затянувши и так свое изложение, мы не будем дольше останавливаться на ряде не играющих существенной роли установлений; остановимся лишь на одном моменте, небезынтересном для „священной" книги. Мы говорим о Мухаммеде, об особых преимуществах, кои ему, заключению пророков, согласно традиции, предоставляет коран в „женском вопросе".

„**Пророк!**—об'являет бог корана.—**Мы разрешили тебе брать в супруги тех, которым даешь ты брачные дары**; невольниц, какими владеет рука твоя из той добычи, какую доставил тебе бог [2]); дочерей дядей твоих и дочерей теток твоих по отцу; дочерей дядей твоих и дочерей теток твоих по матери; тех, которые вместе с тобой переселились сюда [3]), и **всякую верующую женщину**, если она отдает себя пророку, **если пророк захочет жениться на ней: это твое особенное право**, а не всех верующих... **Можешь устранить от себя ту из них** (жен своих. Л. К.), **которую захочешь, и можешь принять к себе ту, которую захочешь** и которую пожелаешь из тех, которых ты отдалил от себя: на тебе в этом нет греха" (33, 49, 51).

„**Жены пророка!**—дает указание коран—**вы не то, что все другие жены**... Постоянно будьте в своих домах; не хвастайтесь перед другими своими нарядами" (очевидно, „хвастаться" было чем! Л. К.) (33, 32—33). Верующим рекомендуется, в случае обращения с какой-либо просьбой к женам „пророка", „спрашивать у них через занавес". Женам же—помнить, что: „если которая из вас сделает очевидную гнусность, для той **вдвое удвоится наказание**" (33, 30). Во избежание этого им, как и всем правоверным, в назидание приводится радикальный рецепт: „**повинуйтесь богу и посланнику его... Истинно, покорные и покорныя** [4])богу, верующие и верующия, терпеливые и терпеливыя, кроткие и кроткия, подающие милостыню и подающия милостыню, постники и постницы, воздержные и воздержныя в половых наклонностях, часто вспоминающие бога и вспоминающия бога, получат приготовленную им богом милость и великую награду"(33, 33, 35).

Итак, и тут „все дороги в Рим ведут". Действительно, если мы присмотримся ко всему вышеизложенному, то без большого труда заметим твердую линию в сторону подчинения одной части „правоверных" другой. Причем здесь отброшены почти повсюду родовые или племенные связи, личность перестала поглощаться родом, его место заняли иные мотивы, прикрытые, как мы имели уже случай указать, пышно распустившимся цветком черносотенно-махровых идей панисламизма. Отношение корана к женщине—лишь этап на пути этого процесса и при том—этап чрезвычайно своеобразный. Женщина, с одной стороны, об'является бесправной рабой мужчины: ее свидетельство равно лишь половине свидетельства мужчины, также и наследственная ее доля; с ее желанием или нежеланием в вопросах брака считаться никто не должен, она лишена голоса и не может даже ходить с открытым лицом, и все это ей предназначено от века самим творческим актом аллаха, когда она была „сотворена" из „части" мужчины „для его удовольствия". И с этой стороны женщина

---

[1]) Шариатские статьи см. у меня в указ. статье „Классовая сущность ислама"; также статью проф. П. Гидулянова - „Собственность и ислам" (жур. „Революция и церковь", № 1—3 за 1923 г.) и ранее указанную—„Брак по мусульманскому праву".

[2]) Чьими руками бог это „доставил", мы видели в главе о „джихаде". Количество невольниц, которых „пророк" может брать себе в жены, не ограничено (33, 52).

[3]) Из Мекки в Медину. Примеч. переводчика.

[4]) „Мужчины и женщины", „люди обоих полов"—по переводу Казимирского. См. указ. его перевод корана, стр. 294.

ставится кораном в положение, во много раз худшее триады—Küche, Kinder und Kirche (кухни, детей и церкви). Она, лишенная голоса, запертая в свои „гаремлики" (женский дворик), становится в своей массе жертвой торгового капитала. Размеры и значение поглощения женщины последним поймет каждый, кто даст себе труд вспомнить или ознакомиться с развитием кустарной промышленности на мусульманском Востоке и с ролью в ней женского труда.

Но есть и другая сторона в „женской политике" корана. Последний, как мы неоднократно видели, есть во многом далеко не грубое и не глупое (для немногих) оружие. Так, не останавливаясь на методах одергивания и террора в своей общей концепции, он не останавливается и в данном, „женском" случае лишь на лишении прав, голоса и т. д. женщин. Нет. Коран указывает на возможность лучшего „будущего" и для сего „неполного" человека. „Тем,—читаем в коране,—которые будут делать доброе, или мужчине, **или женщине**, будучи верующими, мы (бог) доставим блаженную жизнь: дадим им награду" (16, 99). Покорным скажут: „войдите в рай, возрадуйтесь, вы и ваши **супруги**" (43, 70), Они, „верующие и **верующия**... будут жить вечно в садах, по которым текут реки, в прекрасных жилищах среди садов эдемских" (9, 73; 13, 23; 36, 56; 40, 8). Таким образом, урезанная в своих возможностях в земной жизни, женщина получает в коране надежду на некий лучший удел в „будущем", она, все же, не лишается этого „удовольствия". Поистине! лицемерны раздатчики подобных „векселей" тем, которых они же лишают в этой единственной, земной жизни буквально всех радостей.

Резюмируя сказанное, мы, следовательно, имеем перед собой довольно тонкую и законченную систему духовного и экономического закабаления женщины. Не являясь полноправной, равной с мужчиной, а потому и крайне удобной для эксплоатации капиталом, для его экономического воздействия, женщина порабощается и „духовно": ее сознание засоряется несбыточными мечтами о „бренности" настоящей жизни, по сравнению с обещаемой ей „будущей, вечной жизнью". Это, знакомое почти всем религиозным системам, учение, имеющее своей основной целью отвлечение сознания „верующих" от требований и запросов текущей жизни, отказ от борьбы за лучшую жизнь здесь, на земле, ради несуществующего „блаженства" в небесном „фирдаусе".

ГЛАВА IX.

Коран и основы христианства.

На вышеизложенном мы, собственно, могли бы закончить наше изложение коранического содержания. Правда, за пределами нашей работы остались еще многие вопросы, касающиеся как областей законоустановлений корана, „обязательных“ для всякого правоверного, так и освещающие, говорящие об отношении корана к различным, еще не охваченным здесь, явлениям экономической и духовной жизни народов, среди которых вырос и развился излагаемый нами памятник. Не ввели их мы потому, что они, как, например, вопросы о системе религиозных обрядностей, празднеств и т. д., о роли и месте в коране элементов, проникших туда из других религиозных систем, народного эпоса и т. д.,—требуют для своего изложения целый ряд крупных экскурсов, отвлечений. Вопросы эти найдут себе ответ в специальных работах. Сейчас же коснемся еще одного пункта, не имеющего правда, непосредственного отношения к изложению коранического содержания, как системы миропонимания и миробытия, но имеющего большое практическое значение в атеистической борьбе. Именно, это—вопрос об отношении корана к „основам“ христианства. Корни последнего, как и во всем, ранее изложенном нами, здесь вскрываться, понятно, не будут.

„Люди!—восклицает коран—предлагается притча; выслушайте ее. Истинно, те (боги. Л. К.), которых призываете вы в молитвах, кроме бога (подразумевается, аллаха. Л. К.), не сотворят и одной мухи, хотя бы для этого собрались они вместе; и если, вот, эта муха похитит что-нибудь у них, они не смогут отнять того у ней. Бессилен и тот, кто просит, и тот, кого он просит“ (22, 72). Эта притча есть осуждение многобожия. Последнее не может быть реальностью, с точки зрения корана, по следующей, весьма не „божественной“, причине: „Если бы—говорит коран—с ним (аллахом) были бы другие какие-либо боги... то, вот, они стали бы отыскивать для себя путь к властителю престола“ (17, 44). Проще: между ними началась бы борьба за „престольный“ портфель. Дабы избежать этого—„у бога нет никаких детей; **вместе с ним нет никакого бога**. В противном случае,—повторяясь, раз'ясняет коран—каждый бог захватил бы то, что сотворил он, и одни из них (из богов. Л. К.) были бы выше других“ (23, 94). Поэтому, желая застраховать правоверных от подобного „заблуждения“, „бог сказал: **не принимайте двух богов**, истинно, есть только один бог; потому меня (аллаха) только чтите“ (16, 53).

Изложенное учение о едином боге есть основа, исходя из которой коран строит свое отношение как к юдаизму („этот коран указывает сынам исраилевым многое из того, в чем они разноголосят между собою“, 27, 78), так и к христианству. Займемся последним. Первое, на что, вслед за кораном, мы обратим внимание, будет учение о троичности бога. Не занимаясь казуистикой о том, что этот

бог есть „и единица и три", коран, без долгих церемоний, делает вполне определенные выводы.

Мы видели уже, что бог „никогда не имел детей" (17, 111). И „откуда будут у него дети, когда у него не бывало подруги?" (6, 101; 72, 3). Делая такой вывод, коран прямо об'являет, что ставящие „соучастников" богу лишь „бессмысленно придумали для него сынов и дочерей" (6, 100). „Назаряне (т.-е. христиане. Л. К) говорят: мессия [1]—сын божий... Говоря это, они уподобляют себя неверным, бывшим прежде. Да поразит их бог! как легкомысленны они! опричь бога, они... и мессию, сына Марии (принимают за господа)" (9, 30—31). Но сын Марии, „он только раб наш, которого мы облагодетельствовали, поставили его в пример сынам Израиля" (43, 59). Помните: „богу несвойственно иметь детей" (19, 36). А потому „мессия Иисус, сын Марии, есть только посланник бога, есть слово его [2]), низведенное им в Марию, есть дух его. Веруйте в бога и в посланников его и не говорите: троица... Бог только есть единый... Воздайте хвалу ему: не может быть, чтобы у него были дети" (4, 169).

Борясь против почитания Иисуса христа за сына божия, кстати, неосновательно приписывая подобное почитание и иудеям [3]), коран, все же, выделяет христиан (как и иудеев) из общей среды „многобожников". „Им—говорит коран—было заповедано поклоняться только единому богу" (9, 31). При этом, в оправдание высказываемого в коране предположения, что Иисус христос учил „правильно" и лишь его последователи извратили истинный смысл его проповеди, он находит нужным вложить в уста мифическому христу то, что ему желательно. „Неверные—читаем в коране—те, которые говорят, что мессия, сын Марии [4]), есть бог. Мессия говорил: сыны Израиля, поклоняйтесь богу, господу моему и господу вашему! Кто придумывает соучастников богу, того бог лишит рая, тому жилищем будет огонь. Для беззаконников не будет защитников". Вот поэтому, продолжая, делает выводы коран,—„неверны те, которые говорят, что бог есть третий в трех... [5]). Если они не отстанут от своих слов, то их, нечестивых, постигнет лютая казнь. Так что же бы им с покаянием не обратиться к богу (сиречь: аллаху. Л. К.) и не попросить у него прощения?... Мессия, сын Марии, только посланник, как и те посланники,

---

[1]) Интересны об'яснения толковников корана о причинах названия Иисуса «мессией». Толковники разноголосят: «Говорят, что оно первообразное—свидетельствует толковник Хазин—и корень его в еврейском мяшиха, а арабы изменили его... Но многие говорят, что оно производное, и приводят к этому несколько оснований. Ибн Аббас говорит: Иисус назван мессией потому, что какую язву ни помазал, исцелял ее; некоторые говорят—потому, что он был помазан небесною милостью; некоторые говорят—потому, что он был очищен от нечистот и свободен от грехов; некоторые говорят, потому, что вышел из чрева матери помазанный маслом; некоторые говорят, что Гавриил, мир ему, погладил его своим крылом, чтобы сатане не было доступа к нему... Некоторые говорят. что он назван мессией потому, что путешествовал пешком, и у него средины подошв не касались земли (т.-е. не было выема на подошвах)» и т. д. Подобная «обоснованность» и «единость» суждений, как увидим несколько ниже, является характерной для мусульманского богословия в вопросах о Иисусе.

[2]) Конечно, не в понятии гностицизма: «В начале было слово, и слово было у бога, и слово было бог" (евангелие от Иоанна, 1, 1). См. также 3, 34, 40; 21, 91; 66, 12 корана.

[3]) „Иудеи говорят,—читаем в 30—31 ст. 9 главы корана,—Ездра—сын божий... Опричь бога, они своих книжников и своих подвижников принимают за господов"...

[4]) Мест, где Иисус, мессия—„сын Марии" много, вот некоторые, не приведенные в тексте: 2, 81, 254; 3, 40; 4, 156; 5, 19, 50, 82, 109, 112, 114, 116; 19, 35; 33, 7; 57, 27· 61, 6, 14. «Марией» названа 19 глава корана.

[5]) То же, что по-русски: бог есть сам третий. Прим. переводчика.

которые были прежде него... Мать его **была истинно человеческого** естества; оба они вкушали пищу" (5, 76—79). Таким образом, коран, относясь к христианам весьма снисходительно, противореча этим ранее приведенным своим высказываниям, стремится к склонению христиан на свою сторону. Тут же следует отметить, что, осуждая учение о троице, коран, кроме указания на обожествляемость Иисуса, сына Марии, говорит и об обожествлении последней. В „день", „который праведникам принесет пользу", „бог скажет: Иисус, сын Марии! говорил ли ты людям: **кроме бога, почитайте еще меня и мою матерь двумя богами**" (5, 119, 116).

В жизнеописании Иисуса коран мало своеобразен. Рисунок жизни его в коране, за исключением немногого,—конгломерат сведений как канонизированных, так и апокрифичных „источников". Осветим главнейшее.

— „В этом писании вспомяни **о Марии**. Вот, она устранилась от своих домашних в одно на восточной стороне место; закрылась от них завесой: тогда мы (бог) послали к ней духа нашего; перед ней он принял образ совершенного человека. Она сказала: ищу убежище от тебя у милостивого, если ты богобоязлив [1]). Он сказал: я только посланник господа твоего, чтобы даровать тебе чистого отрока. Она сказала: как будет у меня отрок, когда ни один человек не касался меня, и когда я не причастна пороку? Он сказал: это будет... Мы поставим его (т.-е. отрока, который родится. Л. К.) в знамение людям и милостью нашею к ним. Это есть уже решенное событие. Она зачала его и с ним устранилась в одно удаленное место. Болезни рождения привели ее к стволу пальмы [2]). Она сказала: о, если бы умерла я прежде сего и была бы забытою, забвенною! Тогда воскликнул он к ней из-под нее [3]): не скорби! господь твой произвел под тобой поток; потряси, который над тобой, ствол пальмы, и к тебе упадут свежие зрелые финики; ешь, пей и прохлади очи свои [4]). Если увидишь какого человека, то говори, ему милостивому (т.-е. богу. Л. К.): я дала обет поститься; потому, мне нельзя говорить ни с одним человеком. И она пошла с ним к своему народу, неся его (Иисуса) при себе. Они сказали: Мария! ты сделала необыкновенное (в смысле: гнусное. Л. К.) дело. Сестра Аарона! отец твой не был человеком

---

[1]) «Не приближайся ко мне». Примеч. к переводу корана Казимирского, стр. 208.

[2]) Муджир-ад-дин (1496 г.) пишет, что это была единственная в Иерусалиме пальма, как говорили многие. См. Н. А. Медников.—«Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам». Приложение II (2). Географы, стр. 1291.

[3]) О том, кто же воскликнул, у мусульманских богословов нет единого мнения. Допускаются две возможности, говорит толковник корана Хазин: во-первых, голос не «из-под нее», а снизу пальмы или горы (о „холмистом месте" читаем в 23, 52 корана), на которой стояла Мария. В этом случае Хазин, Дзаххак, Делял-ед-дин и Аль-Кассей считают возможной следующую догадку: „Мария была на холме, а Гавриил позади холма, внизу его, и он воскликнул ей с подошвы горы". В случае же чтения „из-под нее", Хазин говорит о голосе: „Это был Иисус: когда он вышел из чрева матери своей, то воскликнул". Кстати, толковники корана не имеют единого мнения и в вопросе о сроке беременности Марии. По этому поводу тот же Хазин замечает, что нам уже известный Ибн-Аббас отвечает, что „она забеременела и родила в один и тот же час. Некоторые говорят, что она зачала его в час, он формировался час, и она разрешилась от беременности в час, когда солнце склонялось к западу от зенита. Но некоторые говорят, что время ее беременности, как и других женщин, равнялось девяти месяцам, а говорят еще, что времени беременности было восемь месяцев, и это было вторым знамением ей, ибо не живет рожденный на восьмом месяце, а Иисус родился в такой срок и остался жив. Иные говорят: она родила на шестом месяце". Нет единого мнения и о возрасте Марии в это время. См. Хазина, Толкование на коран, т. III.

[4]) Это выражение значит: успокойся, утешься. Прим. переводч.

негодным, и мать твоя не была порочной. Она же (Мария) указала им на него; они сказали: как нам говорить с таким, который только дитя в колыбели? Он (Иисус) сказал [1]): **я раб бога: он дал мне писание и поставил меня пророком.** Он (бог) сделал меня благословенным везде, где бы я ни был; он заповедал мне молитву, очистительную милостыню с имущества, пока буду жив, послушным моей родительнице; и не сделал меня упрямым, упорным. Мир мне в день, когда я родился, в день, когда умру, и в день, когда воскресну для жизни" (19, 16—34).

В другом кораническом варианте приведенной истории Марии предсказываются чудесные свойства Иисуса, который „будет один из числа приближенных: в колыбели будет говорить с людьми так же, как полновозрастный, будет одним из праведников... Он (бог) научит его писанию, мудрости, закону, евангелию [2]). Он (Иисус) будет посланником к сынам Израиля". Вслед за этим, не прерывая текста, коран говорит уже „устами" Иисуса:

„Я пришел к вам от господа вашего с знамением; я сделаю вам из глины образ птицы, дуну в него и он будет летающей птицей [3]), по изволению божию. Исцелю слепого и прокаженного и оживлю мертвых, по изволению божию. Скажу вам, что будете есть и что отложите на сохранение в домах ваших... [4]), подтвержу истину того, что прежде меня было в законе; разрешу для вас некоторое из того, что было запрещено вам, принесу вам знамения от господа вашего; потому бойтесь бога и повинуйтесь мне.

„Когда же—продолжает коран,—говорящий сие Иисус заметил в них (слушавших его евреях. Л. К.) неверие, сказал: кто будет помощниками мне для бога? Апостолы сказали: мы будем помощниками божиими; мы веруем в бога, засвидетельствуй, что мы покорны ему. Господи наш! мы веруем в то, что ниспослал ты, и последуем сему посланнику, и за то запиши нас вместе с исповедниками" (3, 40—41, 43—46)

Вслед за ранее посланными посланниками и пророками „по их стопам следовать велели мы Иисусу, сыну Марии, подтвердившему то

---

[1]) По поводу этой первой речи Иисуса толковник Хазин замечает: „некоторые говорят еще так: когда она указала им на него, он перестал сосать грудь, оперся левым боком, и обратился к ним, указывая правой рукой", и сказал речь. „Впрочем, —продолжает Хазин.—Вагаб говорит, что во время ее столкновения с иудеями пришел к ней Захария и сказал Иисусу: „скажи ты сам в доказательство свое! И вот тут-то сказал Иисус". Богатая фантазия толковников корана!

[2]) Это, как и соответствующее место в первом варианте, навело толкователей корана на мысль о чрезвычайно раннем ознакомлении Иисуса с „писаниями". Толковник Хазин замечает: „Многие говорят, что евангелие дано ему в младенчестве, и что он тогда уже был совершенным человеком по уму. От Хасана передают, что ему было открыто пятикнижие, когда он был еще во чреве матери своей".

[3]) Арабское слово, которому в нашем языке соответствует слово птица, собственно значит: летающий или летающее (животное). Примеч. переводчика. Ср. 5, 110—115, где, кроме глиняных птиц и воскрешения мертвых, бог по просьбе Иисуса соглашается „ниспослать" „с неба трапезу", от которой хотели „вкусить" „апостолы".

[4]) В разъяснение этого у толковника Хазина говорится: „некоторые толковники передают, что Иисус извещал человеку, что он ел в прошлый день, что будет есть сегодня и что сохранил для вечера. Кроме того, Иисус в школе возвещал мальчикам, что готовят родители их. Однажды он сказал одному мальчику: иди, семейные твои едят то-то и то-то и оставили для тебя то-то. Мальчик пошел и стал плакать перед семейными, пока они не дали ему того-то. Тогда они спросили его: кто известил тебя об этом? Он отвечал: «Иисус». И заперли они детей своих от него (Иисуса) и сказали им: не сидите с этим чародеем. Потом собрали их в один дом, но Иисус пришел искать. Тогда они сказали ему: их нет здесь. Он спросил: а что в доме? Сказали: свиньи. Тогда и он сказал: да будут они ими. Они (родители) отворили пред ним двери, и вот те оказались свиньями. Это разгласилось между израильтянами и стало явным. Они стали замышлять на него. Испугалась за него мать его, положила его на осла, который был у нее, и бежала в Египет». Хазин, I.

что перед ним было в законе, и мы—свидетельствует бог корана—дали ему евангелие; в нем правота и свет, подтвердившие то, что прежде него было в законе" [1] (5, 50). Но, очевидно, „правота и свет" плохо подействовали на извративших „закон". Они не хотели признать Иисуса. „Они хитрили", но тут проявилось одно из нами в своем месте указанных свойств коранического бога: „и бог хитрил; но бог самый искусный из хитрецов. Бог сказал: Иисус! я подвергну тебя смерти, вознесу тебя ко мне, избавлю тебя от тех, которые не уверовали; а тех, которые последовали тебе, поставлю **выше неверующих**, до дня воскресения... Действительно, **Иисус перед богом подобен Адаму**, которого он сотворил из земли и сказал ему: будь! и он получил бытие" (3, 47—48, 52). Последним коран еще раз подчеркнул неравносущность Иисуса богу.

Голгофы, распятия Иисуса, по корану, не было. Обращаясь к евреям, коран говорит, что „бог наложил печать на их сердца за их неверие", „за то, что сказали: „мы убили мессию Иисуса, сына Марии, посланника божия (тогда как **они не убили его и не распинали его**, а только призрак являлся им; и те, которые спорят о нем, остаются в сомнении: **у них нет об этом знания, а водятся только мнением**; а что они не убили его—это верно известно [2]); напротив того, бог вознес его к себе; из читающих писание не будет ни одного, который прежде своей смерти не уверовал бы в него; **в день же воскресения он** (Иисус. Л. К.) **будет свидетелем** против него)" (4, 154, 156—157; о последнем также 43, 61).

Помимо создания неправильного мнения о „смерти" Иисуса бог корана говорит, что „последователи его **подвижничество... выдумали... сами**: мы им не предписывали его, а—только желание угодить богу; но они не соблюли этого" (57, 27). „...Они стали разногласить между собой, так что из них есть верующие и есть из них неверные. И если бы хотел бог, они не препирались бы между собой. **Но бог делает, что хочет**" (2, 254).

Последний мотив, который, как мы видели, являлся почти во всем коране основным лейт-мотивом, послужил и основным аргументом отрицания христианства, как не строго монотеистической религиозной системы. Христианский Саваоф, Иисус, Мария и еще какая-то, близкая к Гавриилу, смутная в коране тень „духа святого"—составили в представлении авторов корана своеобразный пантеон божеств. **Коран резко восстал против этих политеистических тенденций христианства.** Особенно к культу мифичного, в коране, правда, признаваемого за историчного, Иисуса.—„Неверны те,—читаем в коране,—которые говорят: действительно бог—это мессия, сын Марии. Скажи: кто сколько-нибудь может перемочь бога (т. е. помешать исполнить решение богу. Л. К), если он захочет погубить мессию, сына Марии, и мать его и всех, кто есть на земле?" (5, 19—20). Исходя из отрицательного решения последнего вопроса, коран высмеивает всякую мысль о равенстве и тем более тождестве кого-либо с богом. И это не только в отношении

[1]) Об этом, с добавлением о пророческой миссии Иисуса, свидетельствах его о грядущем пришествии Мухаммеда, говорит и 6 стих 61 гл. Вследствие большой „популярности" этого аята приведем его полностью: „Некогда Иисус, сын Марии, сказал: сыны Израиля! я божий посланник к вам для подтверждения закона, который в руках у вас, и для благовестия о посланнике, который придет после меня, которому имя Ахмет. И когда он представил ясное доказательство, они сказали: это—явное волшебство".

[2]) „Вот,—читаем по этому поводу в 110 стихе 5 гл. корана,—я (бог) не допустил сынов израилевых схватить тебя (Иисуса), когда ты представил им ясное доказательство, и неверующие из них сказали: очевидно, что это одно чародейство!"

самого культа тех или иных политеистических религий, но и по отношению к принятой в них терминологии, наименованию каждого из приверженцев рассматриваемых религиозных систем. „Иудеи и назаряне —читаем мы в коране—говорят: „мы сыны бога и возлюбленные его“. Скажи—спрашивает коран:—почему же он (бог) наказывает вас за грехи ваши? Напротив, вы человеки, из тех, кого сотворил он: **он прощает тому, кому хочет, и наказывает, кого хочет.** Богу принадлежит царственная власть над небесами, землею и над тем, что есть между ними; к нему возвращение всего“ (5, 21).

Таково, в главных чертах, освещение основ христианства и жизни Иисуса в коране. Считая христиан, как и иудеев, народом „писания“, правильно переданного и лишь искаженного последователями передававшего его пророка, коран берет на себя миссию **выправления** допущенных извращений. При этом он горячо восстает **против** находимого им в христианстве **политеизма**. Главным аргументом против такового, против признания наравне с „всемогущим“ аллахом еще богов, выставляется отрицание всякой силы и творческой способности у последних.—„Ужели вы будете поклоняться, кроме бога, тому, **что не может сделать вам ни вреда, ни пользы?**“ (5, 80). Итак, критерий узкого утилитаризма корана, стоящего, подобно другим „священным“ книгам, на почве исключительной монополии своего бога-аллаха, которому „нет соименного“ и который „все об‘емлет своим знанием“, „всемогущ“ и „всему причина“,—является основным, руководящим стимулом корана при рассмотрении и оценке им „основ“ христианства.

Цена 70 к.

«Происхождение пасхи»—Н. Румянцева (2-ое изд.). 65 к.
«Вознесение, троица и духов день»—Н. Румянцева (2-ое изд.). 35 к.
«Мудрость змейная»—А. Струве. Пьеса в 2-х актах. 40 к.
«Крепостное право, церковь и революция»—М. Темкина (2-ое изд.). 20 к.
«Паломничество брата Грамзальбуса»—Л. Вэхтера. Пер. с нем. 1 р. 25 к.
«Монахиня»—роман Дени Дидро. Пер. с франц. 1 р.
«Ведьма»—роман Мишле. Пер. с франц. 1 р. 70 к.
«Трактат о трех обманщиках (Моисей—христос—Магомет). I. Книга 1598 г., пер. с латинского. II. Трактат XVIII века, пер. с франц. Н. Цветкова. Вступительная статья И. Вороницына «История атеистической книги». 75 к.
«Закат бога»—П. Кушу. Пер. с франц. 75 к.
«Из истории таинства брака»—А. Рановича. 30 к.
«Антихрист, как образ»—Б. Кисина. 40 к.
«Дьявол»—М. Геннинга. Пер. с нем. 50 к.
«Вопрос об историчности христа в свете археологии».—А. Дмитрева. (2-ое изд.) 30 к.
«Церковь и крепостное право в России»—В. Писарева. 80 к.
«Откуда произошли животные»—П. В. Серебровского. 1 р.
«Преображение господне»—Н. Румянцева. 15 к.
«Церковные колокола на службе магии и царизма»—проф. П. Гидулянова (2-ое изд.). 60 к.
«Поэт Некрасов и религия»—Г. Покровского. 45 к.
«Древо жизни»—М. Пруссака. 40 к.
«Первоначальная христианская литература»—Ван-Эйсинги. Пер. с франц. 65 к.
«Дохристианские верования и культы днепровских славян»—проф. Н. М. Никольского. 30 к.
«Как произошел растительный мир на земле по библии и по науке»—академика В. Комарова (2-ое изд.). 65 к.
«Есенин, есенинщина и религия»—Г. А. Покровского (2-ое изд.). 50 к.
«Загадка Иисуса»—П. Кушу; пер. с франц. 75 к.
«История русской церкви»—проф. Н. М. Никольского. 2 р.
«Атлас по истории религий»—568 иллюстраций. Составлен при участии: проф. А. А. Захарова, проф. Е. Г. Кагарова, проф. В. К. Никольского, доцента С. Л. Урсыновича и отв. ред. АТЕИСТА—И. А. Шпицберга. 3 р.
«Первобытное мышление»—П. Леви-Брюля. С предисловиями от редакции АТЕИСТА, академика Н. Я. Марра, проф. В. К. Никольского и автора. 3 р. 50 к.
«Крещение, благовещение, сретение»—Н. Румянцева. 25 к.
«Ислам на службе контрреволюции»—К. Василевского.
«Богородица»—Б. Кисина. 40 к.
«Загробная жизнь, как предмет спекуляции, или индульгенции в римско-католической церкви и православии»—проф. П. В. Гидулянова. 1 р. 40 к.
«Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем»—А. Древса. Пер. с нем. 1 р.
«Парижская Коммуна и церковь»—Я. Михайлова. 70 к.
«Лурд—величайшая в мире фабрика шантажей»—Ж. Боннефона. 80 к.
«Попы в роли провокаторов, тюремщиков и погромщиков»—Д. Венедиктова. 1 р.
«Церковь и московское восстание 1905 г.»—Б. Кандидова. 40 к.
«Масляница»—Н. Румянцева. 35 к.
«Сон отца Акакия»—С. Поливанова; водевиль в одном действии с музыкой, пением и танцами. 50 к.
»Пауки и мухи» Ф. Благова,—антирел. обозрение в 20 явлениях с пением. 30 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

«Молот ведьм» — монахов Г. Институтора и Я. Шпренгера. Пер. с латинского Н. Цветкова, под ред. проф. С. Г. Лозинского.
«Ислам»—сборник статей под ред. проф. В. Т. Дитякина.
«Священный вертеп»—Лео Таксиля, с многими иллюстр.
«Церковь и самодержавие в Византии и древней Руси»—А. Дмитрева.
«Социальная сущность талмуда»—М. Шахновича, и др. издания.

1034836